

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 9

Киров
2016

Главный редактор

В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ

Заместители главного редактора

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор ВятГУ, советник ректора ВятГУ

С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);

А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Корректор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Л. А. Кислицына**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор по выпуску **М. А. Корчемкина** (кандидат философских наук)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Калинин А. А.</i> Советская позиция по Греции в 1943–1945 гг.	5
<i>Смольняк И. В.</i> Турция во внешнеполитических конструкциях США и СССР во время Второй мировой войны и первые послевоенные годы.....	13
<i>Росина М. А.</i> Румыния как фактор сдерживания СССР / России в политике США в 1946–2016 гг.)	24
<i>Садаков Д. А.</i> Корея 1945–1948. Решения США и СССР в процессе конструирования будущего полуострова как триггеры раскола.....	33
<i>Довгиленко Г. А.</i> Ратификация Лиссабонского договора в Великобритании и консервативная оппозиция.....	45
<i>Ванюшева К. В.</i> Н. Г. Первухин как археолог (по материалам переписки А. А. Спицына и П. С. Уваровой 1886–1889 гг.).....	53
<i>Калинина Д. А.</i> История административной политической ссылки конца XIX – начала XX в. в отечественной историографии.....	59
<i>Машковцева В. В.</i> Законодательная основа регулирования конфессиональной политики государства по отношению к старообрядцам в начале XX в.: содержание и специфика реализации (на материалах Вятской губернии)	64

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Мосунова Л. А.</i> Литературное редактирование как процесс смыслопонимания	75
<i>Тун Хуэй</i> Лексика с семантикой чувственного восприятия и аспекты её лингвистического изучения.....	80
<i>Скугарева Е. В.</i> К вопросу о языке и стиле научного дискурса (на материале романа Д. Брауна «Код да Винчи»)	85
<i>Жилина Ю. С.</i> Толкование термина «синкретизм» и соотношение его с другими явлениями лингвистики.....	90
<i>Шебзухова Д. Б.</i> Многокомпонентные атрибутивные комплексы в английском и русском языках (на материале разностилевых типов дискурса)	94
<i>Богрова К. М., Малахов А. С.</i> Роль смысловой доминанты «Вода» в формировании языковой личности В. А. Солоухина (на материале рассказа «Летний паводок»)	100
<i>Пишибиева М. А.</i> Числительное «два» во фразеологических единицах разноструктурных языков.....	104
<i>Кульсарина И. Г.</i> Репрезентация образа Башкортостана в русской поэзии второй половины XX – начала XXI в.....	108
<i>Асадов З. В.</i> К вопросу о патерналистских отношениях в Древней Руси	112
<i>Черемисина А. И.</i> Мужские архетипы в романах Дж. Макдональда «Фантастес» и «Лилит»	116
<i>Сведения об авторах</i>	121
<i>Information about authors</i>	123

CONTENTS

- Kalinin A. A.* The Soviet position on Greece in 1943–1945
- Rosina M. A.* Romania as a factor of containment of the Soviet Union / Russia in US policy in 1946–2016
- Sadakov D.* Korea 1945–1948. US and USSR decisions in the process of designing the future of the peninsula as a division triggers
- Dovgilenko G. A.* Ratification of the Lisbon Treaty in the Great Britain and the conservative opposition
- Vanyusheva K. V. N. G.* Pervukhin as the archeologist (based on correspondence from A. A. Spitsyn to P. S. Uvarova 1886–1889)
- Kalinina D. A.* History of the administrative political exile late XIX – early XX century in the national historiography
- Mashkovtceva V. V.* The legislative framework governing religious policy of the state in relation to the Old Believers in the early twentieth century: the content and specificity of realization (on the materials of the Vyatka province)
- Mosunova L. A.* Copyediting as a process comprehension of inner meaning
- Tong Hui* Lexicon with semantics of sensory perception and aspects of its linguistic studying
- Skugareva E. V.* To the question about the scientific discourse language and style (based on D. Brown's novel "The Da Vinci code")
- Zhilina Y. S.* The term "syncretism" and its relation to other concepts in linguistics
- Shebzuheva D. B.* Multicomponent attributive complexes in English and Russian (based on the analysis of stylistically differentiated types of discourse)
- Bogrova K. M., Malahov A. S.* The role of the semantic dominant "water" in the creation of the linguistic personality of V. Soloukhin (on the materials of the story "Letnii pavodok")
- Pshibieva M. A.* The numeral "two" in the phraseological units of different structure languages
- Kulsarina I. G.* Representation of the image of Bashkortostan in russian poetry of the second half of XX – beginning of XXI century
- Asadov Z. V.* To a question about paternalistic relations in Old Russia
- Cheremisina A. I.* Male archetypes in G. MacDonald's novels "Phantastes" and "Lilith"

УДК 94(4)"1943/1945"

А. А. Калинин

Советская позиция по Греции в 1943–1945 гг.*

В статье рассматриваются эволюция позиции Советского Союза по греческому вопросу после коренного перелома в ходе Второй мировой войны. Показаны интересы СССР в Греции, место этой страны в советских планах послевоенного переустройства Европы, отношение Москвы к движению Сопротивления. Автор рассмотрел дипломатические контакты советского и греческого эмигрантского правительств. Особое внимание уделено истории «процентного соглашения», которое рассматривается как геополитический компромисс между СССР и Великобританией. Также затрагивается советская информационная кампания по критике греческого правительства и политики западных держав в Греции. Статья написана на основе документов российских архивов (Архива внешней политики РФ, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива РФ), Национального архива США и опубликованных источников.

The article discusses the evolution of the Soviet position on Greece after a radical change in the Second World War. The author shows the interests of Soviet Union in Greece, this country's place in the Soviet plans for the postwar reconstruction of Europe, Moscow's attitude towards the Resistance Movement. Diplomatic contacts between the Soviet and Greek governments are examined. Special attention is paid to the history of the "percent agreement", which was considered as a geopolitical compromise between the USSR and Great Britain. It also touches upon the Soviet information campaign to criticize the Greek government and the policy of the Western powers in Greece. The article is based on documents from Russian archives (the Foreign Policy Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of Socio-Political History, the State Archive of the Russian Federation), the U. S. National Archive and Records Administration and published sources.

Ключевые слова: Вторая мировая война, советская внешняя политика, послевоенное урегулирование, процентное соглашение, Балканы, Ялтинская конференция, Коммунистическая партия Греции, Национально-освободительный фронт, И. Сталин.

Keywords: Second World War, Soviet foreign policy, post-war settlement, percentage agreement, Balkans, Yalta conference, Communist Party of Greece, National Liberation Front, J. Stalin.

Советская позиция по Греции в годы Второй мировой войны и в послевоенный период на протяжении пятидесяти лет являлась предметом споров в западной историографии. Ортодоксальными историками советская политика оценивалась как экспансионистская. Бывший глава Британской военной миссии в Греции К. Вудхауз, который впоследствии стал политиком-консервативом, утверждал, что вмешательство англичан спасло Грецию от угрозы установления коммунистической диктатуры и ее включения в Советскую балканскую федерацию. По его мнению, греческие коммунисты проводили достаточно противоречивую политику и сильно зависели от «капризов» И. В. Сталина [1].

Наиболее значимыми «ортодоксальными» исследованиями избранной темы являются работы греческого историка С. Ксидиса [2]. Он считал, что уже в начале 1944 г. Советский Союз бросил вызов британскому доминированию в Греции и У. Черчилль вынужден был пойти на договоренность с Москвой о разделе сфер влияния на Балканах. В дальнейшем СССР взял курс на вытеснение англичан из Греции, используя дипломатические инструменты, греческих коммунистов и просоветские режимы Албании, Болгарии и Югославии в качестве инструментов для достижения конечной цели советизации Греции. По его версии, СССР стремился включить Грецию, Иран и Турцию в свою сферу влияния, чего не могли допустить США.

«Новые левые» американские историки иначе оценивали греческую политику Советского Союза. Умеренный ревизионист Д. Ергин в своей известной работе «Расколотый мир» высказал мнение, что доктрина сдерживания преувеличивала мощь Москвы. Послевоенную внешнюю по-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-50066.

литику И. В. Сталина характеризовал консерватизм, но не авантюризм. Советский руководитель в целом придерживался договоренности о сферах влияния, заключенной с У. Черчиллем в 1944 г., и не одобрял коммунистическое восстание в Греции. Таким образом, США преувеличили советскую угрозу Греции [3].

Историки-постревизионисты стремятся к сбалансированным оценкам американской и советской политики в Греции. Москва придерживалась прагматического курса обеспечения своей безопасности с помощью построения «санитарного кордона». Греция в этот «кордон» не входила, поэтому Сталин в 1944 г. признал ее сферой интересов Запада. Первой попыткой систематического анализа советской политики в Греции между 1944 и 1949 гг. стала монография П. Ставракиса «Москва и греческие коммунисты». Для характеристики внешней политики Сталина он предложил термин «осторожный (расчетливый) экспансионизм». Ставракис отклоняет обе крайности: СССР стремился советизировать Грецию, или Москва не вмешивалась в греческий кризис. По его мнению, приоритетом Сталина были стратегические интересы Советского Союза, в Восточном Средиземноморье он стремился ослабить западное влияние. В орбиту советского влияния должны были войти Турция и страны северной части Балканского полуострова. На Грецию Москва прямо не претендовала, и советским интересам вполне отвечала слабая, внутренне неустойчивая Греция, в которой постепенно будет возрастать коммунистическое влияние [4].

После оккупации Греции дипломатические контакты Москвы и греческого эмигрантского правительства носили во многом формальный характер. СССР не обозначал своей позиции по внутренним греческим проблемам, в частности королевскому вопросу. После оккупации Греции дипломатические отношения между двумя странами были ненадолго прерваны (нота НКВД от 3 июня 1941 г.), однако в сентябре 1941 г. отношения Москвы с королевским греческим правительством, которое в это время находилось в Лондоне, были восстановлены [5]. В 1943 г. греческому посланнику в Москве А. Политису был присвоен ранг посла [6]. С 1943 г. после переезда греческого правительства в Каир обязанности посла в Греции и Югославии исполнял чрезвычайный и полномочный посол СССР в Египте Н. В. Новиков. Отношения с греческим правительством де-факто прервались после отъезда Новикова из Каира летом 1944 г.

В 1942 г. в оккупированной Греции развернулось движение Сопротивления. В нем наиболее крупным объединением являлся Национально-освободительный фронт (ЭАМ), включивший в свой состав широкий спектр общественных сил левой ориентации. Политический контроль над ЭАМ и партизанской Национальной народно-освободительной армией (ЭЛАС) осуществляла Коммунистическая партия Греции (КПГ). Ведущие позиции коммунистической партии в движении Сопротивления открывали для нее путь во власть в послевоенной Греции. Примером для греческих коммунистов могли служить успехи Народно-освободительной армии Югославии, которой удалось заручиться поддержкой держав Антигитлеровской коалиции, войти в коалиционное правительство, а впоследствии установить коммунистический режим в Югославии. Конкурировала с ЭЛАС меньшая по численности консервативная Национальная республиканская греческая лига (ЭДЭС) во главе с полковником Н. Зервасом.

Москва не имела отношения к движению Сопротивления в Греции. С осени 1939 г. греческие коммунисты не имели контактов с Коминтерном. Секретарь ЦК КПГ Г. Сяндос в июне 1944 г. в телеграмме члену Политбюро А. Дзимасу признавал, что КПГ и ЭАМ не имеют связи с СССР [7].

СССР не имел и надежных источников информации о ситуации в оккупированной Греции. Помимо сведений иностранной прессы, которые анализировал ТАСС, отрывочные сведения о партизанском движении поступали в секретариат главы Коминтерна Г. Димитрова [8]. Только в октябре 1943 г. корреспонденту ТАСС в Стамбуле удалось заполучить две газеты, издаваемые греческими партизанами, в том числе экземпляр «Ризоспастиса» [9]. Некоторые данные также получала советская внешняя разведка, однако они не смогли существенно улучшить ситуацию: в СССР слабо ориентировались в реальном положении дел в Греции [10]. Собранные данные были суммированы в декабре 1943 г. в «Справке о партизанском движении в Греции», в которой говорилось о разделении партизан на два «лагеря» (демократический во главе с компартией и реакционный во главе с «прямым агентом короля» Н. Зервасом) и об опасениях англичан относительно повторения в Греции «югославского варианта» [11].

СССР не рассматривал Грецию как часть своего «пояса безопасности» и в целом готов был и дальше признавать ее частью западной сферы интересов. Еще в 1940 г. в директивах к поездке наркома иностранных дел В. М. Молотова в Берлин был обозначен круг стран, который Советский Союз предлагал считать своей сферой влияния: Финляндия, Болгария, зона Проливов и Турция. Также Москва очень интересовалась «дальнейшей судьбой» Румынии и Венгрии. Греция не упоминалась [12]. Во внутренних материалах, которые готовились для советской делегации на Московской конференции министров иностранных дел 1943 г., говорилось, что советские инте-

рессы состоят в расширении влияния на славянские народы Балкан. При этом предлагалось признавать преобладание британских интересов в Греции [13].

В 1990-е гг. в научный оборот были введены результаты работы трех комиссий Наркомата иностранных дел по вопросам послевоенного устройства («Комиссии Майского», «Комиссии Ворошилова» и «Комиссии Литвинова»). В аналитических разработках заместителей наркома иностранных дел М. М. Литвинова и И. М. Майского констатировалось, что Греция находится за пределами геополитических интересов СССР в послевоенной Европе. Широкую известность получила записка Майского на имя Молотова от 10 января 1944 г. с изложением целей СССР в войне [14]. В ней отмечалось, что «СССР заинтересован в Греции гораздо меньше, чем в других балканских странах, а Англия, наоборот, в Греции чрезвычайно заинтересована» [15]. В качестве главной цели советской политики предлагалось создание в послевоенной Европе «пояса безопасности» из дружественных приграничных государств.

В 1943–1944 гг. Москва демонстрировала готовность к сотрудничеству с Лондоном по греческому вопросу. В январе 1944 г. по настоятельной просьбе англичан советское правительство согласилось выступить с призывом к партизанам объединиться против общего врага. 30 декабря 1943 г. советской стороне был передан британский меморандум, в котором содержалась просьба главы Форин Офиса Э. Идена сделать такое заявление. В меморандуме особо подчеркивалось, что США уже выступили с аналогичным обращением [16]. 3 января 1944 г. заместитель народного комиссара иностранных дел А. Е. Корнейчук сообщил греческому послу А. Политису о поддержке Советским Союзом идеи «создания объединенного фронта всех партизанских групп в Греции в целях усиления борьбы против немецких оккупантов» [17]. Однако Москва не собиралась публично высказываться за объединение всех греческих политических сил под руководством королевского правительства, возглавляемого Э. Цудеросом. Газета «Нью-Йорк Таймс» высоко оценила «ноту Корнейчука Политису», отметив, что, по крайней мере, некоторые члены ЭАМ верят в поддержку Советским Союзом их попыток ввести коммунистическую систему в Греции, надеясь поставить союзников перед свершившимся фактом. Эта нота отрезвит их и успокоит оппозиционные ЭАМ партизанские отряды, которые подозревают СССР во вмешательстве в греческую политику [18].

В начале 1944 г. ЭАМ предпринял попытку сформировать собственное правительство и недвусмысленно предъявил претензии на власть после освобождения страны. 10 марта в горах Свободной Греции был создан Политический комитет национального освобождения (ПЭЭА) во главе с полковником Бакирджисом, альтернативный пробританскому эмигрантскому королевскому правительству центр власти. В начале апреля вспыхнуло восстание в 1-й греческой бригаде, расквартированной в местечке Эль-Амирия вблизи Александрии. Затем мятеж охватил греческий флот. На нескольких кораблях моряки отказались подчиниться приказам впрямь до формирования правительства с участием ЭАМ. С большим трудом мятеж был подавлен.

На фоне волнений в греческой армии и флоте на Ближнем Востоке в апреле 1944 г. Советский Союз неожиданно для Лондона занял негативную позицию в отношении греческого эмигрантского правительства. В то время как войска Красной армии выходили на государственную границу СССР с Чехословакией и Румынией, ТАСС обнародовал обвинения в адрес правительства Э. Цудероса в том, что оно отравило своих левых политических противников в концентрационные лагеря в Палестине, а также заявил о фактах сотрудничества греческого правительства с «профашистски настроенными людьми». ТАСС упомянул создание Политического комитета национального освобождения и подверг критике действия «реакционных греческих кругов» за их попытки воспрепятствовать процессу объединения греческого народа и формированию правительства национального единства [19]. Это заявление имело заметный резонанс в западной прессе. Газета «Нью-Йорк Таймс» выдвинула предположение, что сообщение ТАСС было опубликовано с целью «поддержки претензий греческих коммунистов...» [20] Каирский корреспондент «Нью-Йорк Таймс» С. Сульцбергер указывал, что английские военные власти, как ни парадоксально, долгое время оказывали значительную помощь организациям ЭЛАС и ЭАМ, «возглавляемым коммунистами», и не заботились о будущих политических последствиях. Теперь же очевидно, что англичане не потерпят, чтобы ЭАМ командовала другими партизанскими группами. Он также указывал, что «Государственный департамент в настоящее время недоволен стремлением ЭАМ к контролю над Грецией». Сульцбергер обратил внимание, что советская печать и радио в период восстания в греческих частях выражали сочувствие мятежникам и нападали на многие лояльные союзникам группы как «фашистские». Корреспондент писал, что «Греция в настоящий момент стала центром, в котором сталкиваются противоречивые взгляды великих держав. Не только греческие организации должны прийти к соглашению, но также Советский Союз, Англия и Соединенные Штаты должны договориться о согласованном плане действий в духе Тегеранской конференции, потому что союзники не могут совершенно игнорировать внутренние дела их

окупированного партнера в силу военных соображений, а также потому, что Греция расположена в зоне, где после войны будут соприкасаться советские и английские интересы» [21].

Весьма показательной являлась беседа советского посла в Каире Н. В. Новикова с его британским коллегой Р. Липером 10 апреля. Липер попытался уклониться от обсуждения причин восстания в греческих войсках, указав лишь на влияние весны на темпераментных греков. Однако советский посол, которого явно не удовлетворило подобное «объяснение», сразу же указал, что кроме весеннего солнца и цветения роз на события в Египте оказало влияние создание Политического комитета национального освобождения. На это раздраженный Липер заявил, что ПЭАА и ЭАМ – это горстка людей, за которыми нет значительной силы. Новиков указал на репрессивные меры, которые предприняли англичане против восставших греков, и заметил, что не понимает, в чем заключаются их преступные действия [22]. Посольство СССР в Каире воздерживалось от контактов с новым греческим эмигрантским кабинетом во главе с С. Венизелосом и с последующим кабинетом Г. Папандреу [23].

16 апреля британский премьер У. Черчилль направил письмо главе НКВД В. М. Молотову, в котором давалось понять, что Лондон готов признать советские интересы в Румынии, и намечались контуры возможной советско-британской сделки: согласие Лондона на советское доминирование в Румынии в обмен на признание Греции британской сферой интересов [24]. 5 мая в беседе с советским послом в Лондоне Ф. Т. Гусевым по румынскому и греческому вопросам Иден заявил, что британское правительство считает Румынию сферой действий СССР, а Грецию – сферой своих действий. Глава британской дипломатии сказал, что два государства должны помочь друг другу в данном вопросе [25]. В ответ на британское предложение 18 мая Гусев в соответствии с инструкциями советского правительства сделал следующее устное заявление Идену: «В принципе советское правительство согласно с точкой зрения британского правительства насчет того, чтобы Греция была сферой деятельности Англии, а Румыния – сферой деятельности СССР и чтобы Англия и СССР помогали друг другу в этом деле» [26].

26 июля 1944 г. на территорию Греции, контролируемую ЭЛАС, были переброшены восемь офицеров Главного разведывательного управления Наркомата обороны СССР во главе с подполковником Г. М. Поповым [27]. Они появились в штабе ЭАМ/ЭЛАС, еще два офицера были сброшены к силам ЭЛАС в Македонии. Миссиям был оказан теплый прием [28]. В закрытых советских документах миссия Попова именовалась «военная миссия СССР при главном командовании ЭЛАС» [29]. Поведение Попова и других членов миссии не оставляло сомнений, что Советский Союз ни в коей мере не намерен ставить под сомнение британское преобладание в Греции. В это время ЭЛАС испытывала острую нужду в боеприпасах и неоднократно через группу Попова обращалась к СССР с просьбой о срочной помощи. 10 августа на имя Димитрова была направлена шифрограмма, в которой Политбюро КПГ «взывало к... непосредственной помощи в боеприпасах» [30]. Ответа не последовало. Фактически миссия Попова развеяла надежды партизан на политическую и военную поддержку со стороны Советского Союза [31].

Следующим шагом к советско-британской сделке по Балканам стало «процентное соглашение» октября 1944 г. [32] Красная армия осенью 1944 г. находилась недалеко от греческих границ, но Москва заверила Лондон, что у нее нет планов ввода войск на территорию Греции. Во время беседы Сталина и Черчилля в Кремле 9 октября британский премьер заявил по поводу Греции, что у «британского правительства имеется большая заинтересованность в этой стране. Британское правительство надеется, что Англии будет разрешено иметь решающее право голоса в греческих делах, такое же, как у Советского Союза в Румынии». Сталин согласился с тем, что «Англия должна иметь право решающего голоса в Греции» [33]. Ф. И. Чуев приводит разговор с В. М. Молотовым, который состоялся в 1976 г. Чуев задал бывшему главе советской дипломатии вопрос, почему Греция после войны не стала коммунистической. «Это была договоренность, – ответил Молотов. – Где надо, предел нужно поставить лишней жадности». В противном случае «...мы с англичанами уже окончательно разругались бы. Для каждого этапа свой предел. Я считаю, что очень было правильно сделано... Пушкинская “Сказка о рыбаке и рыбке”, как только переборщишь... Грецию мы не трогали. Какая же дипломатия глупая, если не понимают, что можно, чего нельзя. Мы же не можем все захватить. Мне в Монголии говорили о Западном Берлине: как вы допустили? Можно отхватить такие куски, что подавишься» [34].

Во время подавления британскими войсками восстания левых сил в Афинах в декабре 1944 г. СССР придерживался соглашения о сферах влияния. Газеты «Правда», «Известия» и «Красная звезда» информировали советских читателей о ситуации в Греции, опираясь на сообщения лондонского радио, агентств «Рейтер» и «Ассошиэйтед Пресс» [35]. В своих депешах в Госдепартамент посол США в СССР А. Гарриман указывал на чисто информационный характер сообщений «Правды» о событиях в Афинах и полное отсутствие редакционных комментариев, которые раскрыли бы совет-

скую позицию по ситуации в Греции [36]. Британская газета «Дейли мейл» в январе 1945 г. с тревогой писала: «...разделение Европы на сферы влияния считается само собой разумеющимся. Воздерживаясь от вмешательства в греческие дела, Россия теперь ожидает, что мы предоставим ей Югославию, за исключением некоторых... формальностей, как, например, нашего участия в уговорах короля Петра по-джентельменски согласиться с потерей трона» [37].

Во время беседы с главой делегации Национального комитета освобождения Югославии А. Хебрангом 9 января 1945 г. И. В. Сталин затронул греческий вопрос: «Англичане испугались, как бы Красная Армия не пошла в Грецию, и если бы Красная Армия туда пошла, конечно, там картина была бы иная, но в Греции без флота ничего не сделаешь. Англичане удивились, когда увидели, что Красная Армия в Грецию не пошла. Они не могут понять стратегии, которая не допускает движения армии по расходящимся линиям. Стратегия Красной Армии основывается на движении по сходящимся линиям». Сталин отметил, что Черчилль «окрылен» успехами в Греции [38]. Молотов также говорил Хебрангу, что Советский Союз должен стоять в стороне от греческого конфликта, «иначе пришлось бы влезать в драку с Англией» [39].

Советский разведчик П. А. Судоплатов, который принимал участие в сборе информации для руководства СССР при подготовке к Ялтинской конференции, относит греческий вопрос к числу «деликатных» в отношениях союзников, по которому советская сторона только формировала свою позицию [40].

В соответствии с «мягкой» линией, которой придерживалась советская дипломатия в отношении Греции, в конце декабря 1944 г. Советский Союз принял решение вновь открыть посольство в Афинах и уведомил греческое правительство о принятом решении направить в Грецию нового посла. Им должен был стать М. Г. Сергеев. 30 декабря 1944 г. заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский вручил греческому послу А. Политису сведения о Сергееве, который до 1941 г. был поверенным в делах СССР в Греции, и попросил агреман на его назначение [41]. 4 января 1945 г. Политис сообщил Вышинскому о согласии Афин дать агреман Сергееву [42].

Однако начиная с февраля 1945 г. позиция Москвы в отношении Греции изменилась. Так, назначение посла в Грецию было отложено до улучшения политической ситуации, чтобы не усиливать позицию «реакционного» греческого правительства [43]. Сергеев в марте 1945 г. был назначен послом в Бельгии. 5 марта заведующий 4-м Европейским отделом НКВД В. А. Зорин сообщил Политису о решении Москвы отменить назначение Сергеева послом в Греции. При этом на вопрос, когда можно ожидать назначения нового посла, Зорин ответил, что это ему неизвестно [44]. С конца февраля 1945 г. также начинает меняться стилистика сообщений советской прессы по ситуации в Греции. «Правда» и «Известия» теперь высказывались все более критично в отношении политики англичан в Греции и выступали с моральной поддержкой ЭАМ и КПГ. На страницах советских газет появилась критика греческого правительства. Пресса писала о требованиях ЭАМ сформировать правительство, представляющее «все главные партии», чего якобы требовала Крымская декларация [45].

Причина изменения советской позиции по Греции заключалась в нежелании Великобритании и США идти на новые сделки с Москвой по сферам влияния в Европе. Так, на Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) И. В. Сталин вновь дал понять, что не собирается вмешиваться в греческие дела и критиковать британские действия в этой стране. Взамен, по-видимому, он ожидал от англичан гарантии «свободы рук» для Москвы в Болгарии, Румынии и Польше [46]. Вероятнее всего, советская сторона хотела обменять свое лояльное отношение к британской политике в Греции на уступки по другим спорным вопросам. Однако советский руководитель не встретил понимания со стороны западных партнеров. Видимо, в Кремле решили, что советская критика британской политики в Греции принесет теперь больше выгод, нежели прежняя линия на строгое невмешательство в греческие дела.

Свидетельством непризнания Советским Союзом нового греческого правительства во главе с П. Вулгарисом стал отказ ответить на поздравление с победой над нацистской Германией. Москва направила ответ, подписанный И. В. Сталиным, только секретарю ЦК ЭАМ Д. Парцалидису, вопреки практике обмена телеграммами с главами государств или правительств. Сталин через Парцалидиса передавал «привет свободолюбивому греческому народу» [47].

Изменение советской позиции по Греции не осталось незамеченным американскими дипломатами. В обзоре внутренней греческой политики посол США в Греции Л. Маквей счел телеграмму Сталина Парцалидису тенденциозной, означающей отпор робким попыткам греческого правительства наладить советско-греческие отношения и официальное одобрение политики ЭАМ. По оценке американского дипломата, в течение первой половины 1945 г. советско-греческие отношения неуклонно ухудшались. Приводимые в советской прессе отдельные выдержки из британских и американских печатных изданий были тщательно подобраны и отредактированы, чтобы нарисовать

самыми черными красками внутреннюю ситуацию в стране и подкрепить «сказки» греческих коммунистов о «фашистском терроре» в освобожденной Греции. Телеграмму Сталина коммунистическая пресса встретила с ликованием. По версии посольства США, Москва с помощью информационной кампании по демонизации прозападного греческого правительства пыталась «ловить рыбу в мутной воде» в надежде добиться каких-либо уступок от западных союзников. Как максимум, Москва могла надеяться на формирование в Греции правительства, подконтрольного ЭАМ. Кроме этого американские дипломаты подозревали, что масштабная критика британской политики в Греции преследует цель отвлечь мировое общественное мнение от советского курса в Восточной Европе. Британия в анализе американских дипломатов представляла в роли защитницы принципа Атлантической хартии о праве народов свободно избирать форму правления [48]. Греция, таким образом, являлась пешкой в большой европейской игре Советского Союза.

Подводя итоги анализа советской политики на греческом направлении на завершающем этапе Второй мировой войны, можно сделать вывод, что она определялась достигнутыми в 1944 г. договоренностями с англичанами о разделе сфер влияния на Балканах. В заключенном 9 октября «процентном соглашении» были намечены контуры геополитического компромисса, который мог стать одной из основ послевоенного европейского порядка. И. В. Сталин ясно определил приоритеты Советского Союза в послевоенной Европе и старался донести эту позицию до западных лидеров. На юге Европы СССР был особо заинтересован в Румынии и Болгарии. В Югославии и Албании у власти утвердились коммунисты, что создавало новый геополитический расклад на Балканах в пользу Москвы. Сталина он вполне устраивал, и Кремль согласился с британским преобладанием в Греции, чтобы не ставить под угрозу послевоенные отношения с ведущими западными державами. Интересы в Иране и Турции для Советского Союза также были гораздо более важными, чем в Греции. Много позднее, в 1983 г., бывший командующий Демократической армии Греции Маркос Вафиадис («генерал Маркос») в своем интервью признал, что «процентное соглашение», которым Сталин определил принадлежность Греции к «сфере влияния империалистов», во многом предопределило поражение греческой революции [49].

Однако с февраля 1945 г. советская греческая политика была скорректирована: Москва теперь настойчиво пыталась использовать греческий вопрос в качестве «разменной монеты» в напряженном дипломатическом диалоге с Лондоном и Вашингтоном. Признавая принадлежность Греции к западной сфере интересов, СССР развернул информационную кампанию по критике греческих властей и политики западных держав в Греции. При этом Москва по-прежнему проявляла сдержанность и ограничивалась только моральной поддержкой левых сил страны.

Примечания

1. Woodhouse C. M. *Apple of Discord. A Survey of Recent Greek Politics in their International Settings*. L., 1948; *Edem. The Struggle for Greece, 1941–1949*. L., 1976.
2. Xydis S. G. *Greece and the Great Powers 1944–1947. Prelude to the “Truman doctrine”*. Thessaloniki, 1963; *Edem. America, Britain, and the USSR in the Greek Arena, 1944–1947 // Political Science Quarterly*. Vol. 78. № 4. (Dec., 1963). P. 581–596; *Edem. Greece and the Yalta Declaration // American Slavic and East European Review*. Vol. 20. № 1. (Feb., 1961). P. 6–24.
3. Yergin D. *Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State*. Boston, 1977. P. 286–295.
4. Stavrakis P. J. *Moscow and Greek Communism, 1944–1949*. Ithaca; L., 1989.
5. Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 0204. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 188; Ф. 06. Оп. 3 «Авто». П. 14. Д. 162. Л. 5.
6. Там же. Ф. 06. Оп. 5. П. 4. Д. 40. Л. 33.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 894. Л. 351.
8. Там же. Ф. 495. Оп. 74. Д. 173а. Л. 2–8, 86; Д. 176. Л. 1–17, 19–22; и др.
9. Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 1641. Л. 100–116.
10. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 177. Л. 2–3.
11. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 22. Д. 237. Л. 49–52.
12. Наринский М. М. *Европа: проблемы границ и сфер влияния (1939–1947 годы) // Свободная мысль*. 1998. № 3. С. 83–84.
13. Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Киров, 2014. С. 172–173.
14. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: в 2 т. Т. 1. 1944–1948 гг. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 1999. С. 23–48.
15. Там же. С. 31.
16. АВП РФ Ф. 084. Оп. 27. П. 136. Д. 9. Л. 3–5; FRUS. 1943. Vol. 4. P. 164–165.
17. АВП РФ Ф. 084. Оп. 27. П. 136. Д. 1. Л. 1; Ф. 069. Оп. 28. П. 88. Д. 27. Л. 1.

18. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 2986. Л. 16.
19. Правда. 1944. 8 апр. С. 4; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 2986. Л. 98.
20. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 2986. Л. 101.
21. Там же. Л. 137.
22. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 35. Д. 433. Л. 13–14.
23. *Новиков Н. В.* Воспоминания дипломата: (Записки о 1938–1947 годах). М., 1989. С. 207.
24. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: в 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 75–77.
25. АВП РФ. Ф. 069. Оп. 28. П. 88. Д. 27. Л. 29; *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. Vol. 5. P. 128; Eden A.* The Memoirs of Anthony Eden, Earl of Avon. Vol. 2. Boston, 1965. P. 459; *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 305; *Stavrakis P. J.* Op. cit. P. 26–27.
26. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 23. Д. 236. Л. 196; Ф. 069. Оп. 28. П. 88. Д. 27. Л. 29.
27. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1188. Л. 104.
28. *Macrakis M. S.* Russian Mission on the Mountains of Greece, Summer 1944 (A View from the Ranks) // *Journal of Contemporary History. Vol. 23. № 3. (Jul., 1988). P. 391.*
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 894. Л. 29–34.
30. Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1187. Л. 1.
31. *Stavrakis P. J.* Op. cit. P. 30–31.
32. *Калинин А. А.* Великобритания, Советский Союз, Соединенные Штаты и Греция: проблема сфер влияния в 1944 г. (к вопросу предыстории «процентного соглашения» У. Черчилля и И. В. Сталина 9 октября 1944 г.) // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 2. С. 48–61; Он же.* Советско-британские переговоры о разделе сфер влияния в Европе в 1944 г. // *Вопросы истории. 2009. № 9. С. 19–36.*
33. *Siracusa J. M.* The Meaning of TOLSTOY: Churchill, Stalin, and the Balkans Moscow, October 1944 // *Diplomatic History. Vol. 3. № 4. (Oct., 1979). P. 446–447; The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941–1945 / ed. with an introduction by G. Ross. Cambridge etc., 1984. P. 175–176; Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 420.
34. *Чуев Ф. И.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 2002. С. 126.
35. Правда. 1944. 4 дек. С. 4; 6 дек. С. 4; и др.; Известия. 1944. 5 дек. С. 4; 7 дек. С. 4; 8 дек. С. 4; 9 дек. С. 4; и др.; Красная звезда. 1944. 5 дек. С. 4; 7 дек. С. 4; 8 дек. С. 4; и др.
36. U. S. National Archive and Records Administration (далее – NARA). Records of the Department of State Relating to Internal Affairs: Greece 1940–1944. Central File: Decimal File 868.00, Internal Affairs of States, Greece, Political Affairs. November 30, 1944 – December 14, 1944. P. 57, 243; Central File: Decimal File 868.00, Internal Affairs of States, Greece, Political Affairs. June 10, 1943 – December 14, 1944. P. 21, 40, 89, 110, 125, 198, 320.
37. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 4153. Л. 65.
38. Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг.: в 2 т. Т. I: 1944–1948 гг. / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.; Новосибирск, 1997. С. 130, 132.
39. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 29. Л. 29.
40. *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 268.
41. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 3. Д. 24. Л. 138–139.
42. Там же. Оп. 7. П. 3. Д. 39. Л. 1.
43. *Sfikas Th. D.* The British Labour Government and the Greek Civil War 1945–1949: the Imperialism of 'Non-Intervention'. Keele, Staffordshire, UK, 1994. P. 77; *Курјазовски Р.* Македонското национално прашање и граѓанската војна во Грција. Скопје, 1998. С. 83–84.
44. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 31. Д. 435. Л. 6.
45. Правда. 1945. 23 февр.; 3, 5, 10 марта; 13 апреля; и т. д.
46. Churchill: the Struggle for Survival, 1940–1945. Taken from the Diaries of Lord Moran. Boston, 1966. P. 232–233; *Clemens D.* Yalta. N.Y., 1970. P. 199; *Xydis S. G.* Greece and the Yalta Declaration. P. 8–9.
47. Правда. 1945. 16 мая. С. 2; Известия. 1945. 16 мая. С. 2; Красная звезда. 1945. 16 мая. С. 2.
48. L. MacVeagh to Secretary of State. Political Developments in Greece: May 15 – June 1, 1945. Athens. June 1, 1945. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/6-145. P. 12–15.
49. Interview with General Markos Vafiades, former Leader of ELAS. URL: <http://www.marxists.org/subject/stalinism/origins-future/1983mv.htm>

Notes

1. Woodhouse C. M. Apple of Discord. A Survey of Recent Greek Politics in their International Settings. L., 1948; Edem. The Struggle for Greece, 1941–1949. L., 1976.
2. Xydis S. G. Greece and the Great Powers 1944–1947. Prelude to the “Truman doctrine”. Thessaloniki, 1963; Edem. America, Britain, and the USSR in the Greek Arena, 1944–1947 // *Political Science Quarterly. Vol. 78. № 4. (Dec., 1963). P. 581–596; Edem.* Greece and the Yalta Declaration // *American Slavic and East European Review. Vol. 20. № 1. (Feb., 1961). P. 6–24.*
3. Yergin D. Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977. P. 286–295.

4. Stavrakis P. J. *Moscow and Greek Communism, 1944–1949*. Ithaca; L., 1989.
5. The foreign policy archive of the Russian Federation (hereinafter AVP RF). F. 0204. Sh. 1. Art. 1. File 2. Sh. 188; F. 06. Sh. 3 "Auto". Art. 14. File 162. Sh. 5.
6. Ibid. F. 06. Sh. 5. Art. 4. File 40. Sh. 33.
7. Russian state archive of socio-political history (hereinafter RGASPI). F. 17. Sh. 128. File 894. Sh. 351.
8. Ibid. F. 495. Sh. 74. File 173a. Sh. 2–8, 86; File 176. Sh. 1–17, 19–22; etc.
9. State archive of the Russian Federation (hereinafter – SARF). F. P–4459. Sh. 27. File 1641. Sh. 100–116.
10. RGASPI. F. 495. Sh. 74. File 177. Sh. 2–3.
11. AVP RF. F. 06. Sh. 5. Art. 22. File 237. Sh. 49–52.
12. Narinsky M. M. *Evropa: problemy granic i sfer vliyaniya (1939–1947 gody)* [Europe: problems of boundaries and spheres of influence (1939–1947 years)] // *Svobodnaya mysl' – Free thought*. 1998, No. 3, pp. 83–84.
13. *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SSHA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg. – Counter courses: the policy of the USSR and the USA in the Balkans, the middle East in 1939–1947.* / resp. ed. V. T. Jungblut. Kirov. 2014. Pp. 172–173.
14. *Sovetskij faktor v Vostochnoj Evrope. 1944–1953 gg. Dokumenty: v 2 t. T. 1. 1944–1948 gg. – The Soviet factor in Eastern Europe. 1944–1953s. Documents: in 2 vol. Vol. 1. 1944–1948s* / resp. editor T. V. Volokitina. M. 1999. P. 23–48.
15. Ibid. S. 31.
16. AVP RF, F. 084. Sh. 27. P. 136. File 9. Sh. 3–5; FRUS. 1943. Vol. 4. Pp. 164–165.
17. AVP RF, F. 084. Sh. 27. Art. 136. File 1. Sh. 1; F. 069. Sh. 28. Art. 88. File 27. Sh. 1.
18. GARF. F. P–4459. Sh. 27. File 2986. Sh. 16.
19. Truth. 1944. APR 8. S. 4; GARF. F. P–4459. Sh. 27. File 2986. Sh. 98.
20. GARF. F. P–4459. Sh. 27. File 2986. Sh. 101.
21. Ibid. Sh. 137.
22. AVP RF. F. 06. Sh. 6. P. 35. File 433. Sh. 13–14.
23. Novikov N. V. *Vospominaniya diplomata: (Zapiski o 1938–1947 godah)* [Memories of a diplomat: (Notes on the years 1938–1947)]. M. 1989. P. 207.
24. *Sovetsko–anglijskie otnosheniya vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945: Dokumenty i materialy: v 2 t. – Soviet–British relations during the great Patriotic war, 1941–1945: Documents and materials: in 2 vol. M. 1983. Vol. 2. Pp. 75–77.*
25. AVP RF. F. 069. Sh. 28. Art. 88. File 27. Sh. 29; *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. Vol. 5. P. 128; Eden A. The Memoirs of Anthony Eden, Earl of Avon. Vol. 2. Boston, 1965. P. 459; Fais G. CHERCHILL'. Ruzvel't. Stalin. Vojna, kotoruyu oni veli, i mir, kotorogo oni dobilis'* [Churchill. Roosevelt. Stalin. The war they waged and the peace they have achieved]. M. 2003. P. 305; Stavrakis P. J. Op. cit. Pp. 26–27.
26. AVP RF. F. 06. Sh. 6. Art. 23. File 236. Sh. 196; F. 069. Sh. 28. Art. 88. File 27. Sh. 29.
27. RGASPI. F. 82. Sh. 2. File 1188. Sh. 104.
28. Macrakis M. S. *Russian Mission on the Mountains of Greece, Summer 1944 (A View from the Ranks)* // *Journal of Contemporary History*. Vol. 23. № 3. (Jul., 1988). P. 391.
29. RGASPI. F. 17. Sh. 128. File 894. Sh. 29–34.
30. Ibid. F. 82. Sh. 2. File 1187. Sh. 1.
31. P. J. Stavrakis Op. cit. P. 30–31.
32. Kalinin A. A. *Velikobritaniya, Sovetskij Soyuz, Soedinennye Shtaty i Greciya: problema sfer vliyaniya v 1944 g. (k voprosu predystorii "procentnogo soglasheniya" U. CHERCHILLA i I. V. STALINA 9 oktyabrya 1944 g.)* [Great Britain, Soviet Union, United States and Greece: the problem of spheres of influence in 1944 (the question of prehistory of "per cent agreement" of Winston Churchill and Joseph Stalin on 9 October 1944)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities*. 2008, No. 2, pp. 48–61. Also him. *Sovetsko–britanskije peregovory o razdele sfer vliyaniya v Evrope v 1944 g.* [Soviet–British negotiations on the division of spheres of influence in Europe in 1944] // *Voprosy istorii – Questions of history*. 2009, No. 9, pp. 19–36.
33. Siracusa J. M. *The Meaning of TOLSTOY: Churchill, Stalin, and the Balkans Moscow, October 1944* // *Diplomatic History*. Vol. 3. № 4. (Oct., 1979). P. 446–447; *The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo–Soviet Relations, 1941–1945* / ed. with an introduction by G. Ross. Cambridge etc., 1984. Pp. 175–176; O. A. Rzheshhevskiy *Stalin i CHERCHILL'. Vstrechi. Besedy. Diskussii: Dokumenty, kommentarii, 1941–1945* [Stalin and Churchill. Meeting. Conversation. Discussion: Documents, comments, 1941–1945]. M. 2004. P. 420.
34. F. I. Chuev *Molotov: Poludержavnij vlastelin* [Molotov: Half–sovereign Lord]. M. 2002. P. 126.
35. Pravda – Truth. 1944. 4 Dec. P. 4; 6 Dec. P. 4; etc.; Izvestiya – News. 1944. 5 Dec. P. 4; 7 Dec. P. 4; 8 Dec. P. 4; December 9. P. 4; etc.; Krasnaya zvezda – Red star. 1944. 5 Dec. P. 4; 7 Dec. P. 4; 8 Dec. P. 4; etc.
36. U.S. National Archive and Records Administration (hereinafter NARA). *Records of the Department of State Relating to Internal Affairs: Greece 1940–1944. Central File: Decimal File 868.00, Internal Affairs of States, Greece, Political Affairs. November 30, 1944 – December 14, 1944. P. 57, 243; Central File: Decimal File 868.00, Internal Affairs of States, Greece, Political Affairs. June 10, 1943 – December 14, 1944. P. 21, 40, 89, 110, 125, 198, 320.*
37. GARF. F. P–4459. Sh. 27. File 4153. Sh. 65.
38. *Vostochnaya Evropa v dokumentah rossijskih arhivov, 1944–1953 gg.: v 2 t. – Eastern Europe in the documents from Russian archives, 1944–1953.: In 2 vol. Vol. I: 1944–1948s* / resp. ed. G. P. Murashko. M.; Novosibirsk. 1997. Pp. 130, 132.

39. AVP RF. F. 06. Sh. 7. Art. 2. File 29. Sh. 29.
40. P. A. Sudoplatov Razvedka i Kreml'. Zapiski nezhelatel'nogo svidetelya [The intelligence and the Kremlin. Notes of the unwanted witness]. M. 1996. P. 268.
41. AVP RF. F. 06. Sh. 6. Art. 3. File 24. Sh. 138–139.
42. Ibid. Sh. 7. Art. 3. File 39. Sh. 1.
43. Sfikas Th. D. The British Labour Government and the Greek Civil War 1945–1949: the Imperialism of 'Non-Intervention'. Keele, Staffordshire, UK, 1994. P. 77; Кирязовски Р. Македонското национално прашање и граѓанската војна во Грција. Скопје, 1998. С. 83–84.
44. AVP RF. F. 06. Sh. 7. Art. 31. File 435. Sh. 6.
45. Pravda – Truth. 1945. 23 Feb.; 3, 5, 10 March; 13 April; etc.
46. Churchill: the Struggle for Survival, 1940–1945. Taken from the Diaries of Lord Moran. Boston, 1966. P. 232–233; Clemens D. Yalta. N.Y., 1970. P. 199; Xydis S. G. Greece and the Yalta Declaration. P. 8–9.
47. Pravda – Truth. 1945. May 16. P. 2; Izvestiya – News. 1945. May 16. P. 2; Krasnaya zvezda – Red Star. 1945. May 16. P. 2.
48. L. MacVeagh to Secretary of State. Political Developments in Greece: May 15 – June 1, 1945. Athens. June 1, 1945. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/6–145. P. 12–15.
49. Interview with General Markos Vafiades, former Leader of ELAS. Available at: <http://www.marxists.org/subject/stalinism/origins-future/1983mv.htm>

УДК 94

И. В. Смольняк

Турция во внешнеполитических конструкциях США и СССР во время Второй мировой войны и первые послевоенные годы*

В статье предпринята попытка анализа политики Соединенных Штатов Америки в Турции во время Второй мировой войны и первые послевоенные годы. Представлены региональные особенности трансформации американской политики в 1939–1948 гг. в отношении Турецкой Республики. Выявлены факторы, повлиявшие на принятие и реализацию Вашингтоном решений по проблемам Ближнего Востока. Особое внимание уделяется истории двусторонних отношений между Анкарой и Вашингтоном в контексте взаимоотношений турецкого правительства с Москвой и Лондоном по вопросу вступления Турции во Вторую мировую войну. Автор приходит к выводу, что напряженные отношения с СССР заняли ведущее место среди причин преимущественной ориентации Турции после войны на США. В результате Турция превращается в важнейшего союзника Вашингтона на Ближнем Востоке.

The article deals with the attempts to analyze the policy of the United States of America in Turkey during World War II and the early postwar years. The author presents the regional peculiarities of transformation of American policy in 1939–1948 in respect of the Turkish Republic. He also tries to define factors that influenced the adoption and implementation of Washington's decisions on the Middle East's problems. Special attention is paid to the history of bilateral relations between Ankara and Washington in the context of the Turkish government's relations with Moscow and London on the question of Turkey's accession into World War II. The author comes to the conclusion that strained relations with the Soviet Union have taken a leading place among the causes of dominant position of Turkey after the war on the United States. As a result, Turkey is becoming the major ally of Washington in the Middle East.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Турция, Госдепартамент, США, дипломатия, нейтралитет, СССР, доктрина Трумэна, план Маршалла.

Keywords: The Second World War, Turkey, Department of State, the United States, diplomacy, neutrality, the Soviet Union, the Truman Doctrine, Marshall Plan.

Накануне Второй мировой войны Турция заметно усилила свою внешнеполитическую активность на Ближнем Востоке. Влиять на отношение этой страны к начавшейся войне пытались по существу все великие державы, в том числе СССР и США. Турецкое правительство вело сложную дипломатическую игру в Европе и Восточном Средиземноморье, в которую постепенно втягивались и Соединённые Штаты Америки.

Вашингтон играл незначительную роль в борьбе, которая развернулась накануне войны между европейскими державами за политическое влияние в Турции. Посол США в Турции Макмюррей сле-

* Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6

дующим образом охарактеризовал состояние американско-турецких отношений: «Я не думаю, что США имели какое-либо влияние на политику, проводимую Турцией накануне войны. США не предпринимали никаких усилий, чтобы каким-либо образом влиять на турецкую позицию, хотя, конечно, не делая секрета, что их симпатии находятся на стороне Великобритании» [1]. К началу Второй мировой войны между внешней политикой Турции и США можно было найти определенное сходство. Их объединяло стремление остаться нейтральными в разгоравшемся конфликте.

К началу 1940 г. ситуация в Европе и на Балканах резко обострилась. Проблема возможного вступления в войну стала предметом обстоятельного анализа в турецких политических кругах. Н. Менемджюоглу (генеральный секретарь МИДа) и Ш. Сараджоглу, ведущие фигуры турецкой внешней политики, пытались найти аргументы, чтобы удержать страну от участия в боевых действиях. В ходе возникшей дискуссии внутри правительства они заявили, что обещанные по договору с Великобританией и Францией вооружения и боеприпасы до сих пор не поступили, и если Турция вступит в войну, это может спровоцировать СССР на ответные меры. На основании этих аргументов турецкое правительство приняло решение о сохранении нейтралитета [2].

9 октября 1940 г. посол в США К. Эртэгюн в беседе с заместителем государственного секретаря А. Бёрлом обратился с просьбой к правительству США оказать содействие Турции в создании блока из четырёх государств – СССР, Греции, Турции и, возможно, Болгарии для противодействия агрессии Германии и Италии на Балканском полуострове, заметив, что, по мнению турецкого правительства, США недостаточно уделяют внимания вопросам, связанным с Турцией [3]. Бёрл заверил турецкого посла, что Госдепартамент рассмотрит его предложение и даст ответ в скором времени. Но уже сейчас он (Бёрл. – *И. С.*) может сказать, что согласие Госдепартамента поддержать новый союз будет зависеть от того, какими будут отношения США и СССР в ближайшее время. «В настоящий момент, – сказал он, – эти отношения ограничиваются, главным образом, торговыми поставками и решением проблем американских граждан, оказавшихся на территории СССР в результате присоединения Прибалтийских стран.

После беседы Бёрл пригласил к себе начальника Ближневосточного отдела У. Мюррея и попросил его дать оценку ситуации на Среднем Востоке, а также поинтересовался его мнением о том, стоит ли Соединённым Штатам соглашаться на предложение турецкого посла. Мюррей заявил, что он находит это предложение интересным, но, по его мнению, перед тем как дать своё согласие, необходимо прояснить главное: какую позицию должны занять США в случае нападения Германии на Турцию, и какова будет реакция СССР? Каким образом следует реагировать США, и следует ли оказывать Турции не только экономическую, но и военную поддержку? [4]

В ходе обсуждения этих вопросов аналитики Ближневосточного отдела пришли к заключению, что советские лидеры будут стараться установить контроль над Проливами в случае, если немецкое вторжение в Турцию будет иметь успех [5]. В Госдепартаменте на основании этого анализа пришли к выводу, что США должны содействовать сохранению Турцией статуса нейтральной страны. В скором времени Бёрл пригласил к себе турецкого посла и, основываясь на рекомендациях своих подчинённых, сообщил, что, обдумав предложение, которое было сделано 9 октября, правительство Соединённых Штатов отклоняет его, однако он готов обсудить вопросы, касающиеся заключения торгового соглашения между двумя странами [6].

Таким образом, Вашингтон дал понять Анкаре, что он не намерен связывать себя политическими обязательствами и предпочитает ограничиться развитием торговых отношений, пользуясь для этого преимуществами нейтралитета, которого придерживались в этот момент обе страны.

Однако в начале 1941 г. возросшая угроза государствам Балканского полуострова и Ближнего Востока со стороны Германии привлекла внимание президента США к этому региону. С целью изучить обстановку на месте и воодушевить правительства государств, чьё положение было особенно критическим, Ф. Рузвельт направил туда полковника Донована, который 1 февраля 1941 г. прибыл в Турцию. Он заверил турецкое руководство, что США окажут помощь Турции в случае нападения Германии. Однако официальная Анкара, объявив о своей приверженности Англии и США, никаких конкретных обязательств на себя не взяла.

К началу лета 1941 г. позиции Германии на Балканском полуострове стали настолько прочными, что турецкие лидеры поняли, что для того чтобы избежать немецкого вторжения, им требуется нечто большее, чем «моральная поддержка» США. Этим можно объяснить согласие турецкой стороны на предложение начать переговоры с Германией. Посол Макмюррей, внимательно следивший за ходом переговорного процесса, сообщал в Госдепартамент о причинах, побудивших турецкое правительство сесть за стол переговоров с нацистами. По его мнению, недавние неудачи Великобритании в Греции и оккупация Югославии показали туркам, что в настоящий момент им приходится рассчитывать только на себя [7].

В свою очередь турецкие дипломаты держали в курсе событий американцев, подчеркивая, что переговоры не направлены против США, объясняя свои действия тем, что у Турции в настоящий момент нет выбора, так как она находится в полной изоляции [8]. В итоге германо-турецкий договор о дружбе и нейтралитете был подписан 18 июня 1941 г.

Посол Великобритании в Вашингтоне лорд Галифакс по поручению своего правительства обратился к госсекретарю К. Хэллу с просьбой сделать заявление, в котором будет подчеркнута, что подписание договора приведёт к ухудшению турецко-американских отношений [9]. В свою очередь, Макмюррей советовал Государственному департаменту не делать громких заявлений, так как, по его мнению, такие действия ещё больше обострили бы ситуацию и привели бы к дополнительным осложнениям [10]. В итоге государственный секретарь согласился с мнением посла, но посоветовал намекнуть турецкому премьер-министру, что Соединённые Штаты недовольны самим фактом сотрудничества Турции и нацистской Германии [11].

Посол, следуя инструкциям, во время встречи с министром иностранных дел Сараджоглу заметил, что подписание договора с Германией может привести к некоторым осложнениям. Многие общественные и политические деятели в США возмущены фактом подписания договора с Германией и оказывают давление на Госдепартамент и президента, требуя прекратить сотрудничество с Турцией. В ответ министр заверил посла, что несмотря на подписание договора, Турция была и остаётся добрым другом США.

В ответ посол заявил, что министр должен понимать, каких усилий стоило президенту Рузвельту и его команде добиться принятия закона о ленд-лизе в Конгрессе. Теперь же, после того как Турция подписала договор с Германией, будет очень трудно убедить американское общественное мнение, что Турция намерена оказывать сопротивление нацизму. В ответ министр заметил, что страна, которая находится за много тысяч миль от войны, не может понять его страну, на пороге которой стоит вражеская армия [12].

В 1939–1941 гг. политика США в отношении Турции в основном строилась на учёте интересов Великобритании и ожидании конфликта между Германией и Советским Союзом. Ни Государственный департамент, ни президент не проявляли большого интереса к Восточному Средиземноморью. Кардинальным образом ситуация стала меняться только после нападения Германии на Советский Союз. Начиная с этого момента Турции отводилось все более заметное место во внешней политике США.

Постепенно в Вашингтоне пришли к осознанию важности Турции как потенциального союзника в регионе. А для того чтобы ресурсы этого государства могли быть задействованы в полной мере в войне против Германии и Италии, американской дипломатии требовалось решить две взаимосвязанные задачи: не допустить, чтобы здесь возобладали прогерманские настроения, создававшие в тот момент реальную угрозу присоединения Анкары к «оси», и создать необходимые условия для вовлечения этой страны в состав антигитлеровской коалиции с перспективой активного вступления в войну в тот момент, когда стратегическая обстановка будет более благоприятной. Первым шагом в этом направлении было распространение на Турцию действия закона о ленд-лизе [13].

25 августа 1941 г. советские войска с севера, а британские – с юга вошли на территорию Ирана. Для того чтобы успокоить турецкое руководство, Лондон обратился к Вашингтону с просьбой довести до сведения Анкары, что США полностью поддерживают действия Великобритании и СССР в Иране [14]. Вашингтон без большого энтузиазма откликнулся на это предложение. И прежде чем выступить с заявлением о поддержке США действий СССР и Великобритании, Хэлл добился от правительств этих стран гарантий территориальной целостности Ирана.

В сложившейся ситуации турецкое правительство придерживалось строгого нейтралитета, заявив как Германии, так и её противникам, что такая политика отвечает национальным интересам.

В информации нового американского посла Л. Штейнгардта для президента Рузвельта и Госдепартамента выделялись темы, которые, по его мнению, в то время волновали турецкое руководство. Так, во время беседы посла 11 марта 1942 г. с президентом Инёню последний выразил недовольство недостаточным объемом поставок по ленд-лизу [15].

24 апреля 1942 г. тот же Штейнгардт сообщал Гопкинсу: «Турки опасаются Германии и надеются на победу англо-американцев, но в то же самое время они не доверяют Советскому Союзу и выражают сомнение, что Великобритания и США смогут удержать Россию от захвата Проливов. Невозможно предсказать будущее, но я надеюсь, что и у турок, и у русских хватит благоразумия, для того чтобы дальнейшие события не привели к конфликту между ними» [16].

Для того чтобы понять, какое место в стратегическом планировании Вашингтона занимала «турецкая проблема» в этот период, следует прежде всего представлять в целом американские планы по поводу ведения военной кампании против Германии. Предложения по второму фронту,

разработанные начальником штаба армии США генералом Джорджем К. Маршаллом и его подчиненными в начале 1942 г., преследовали такие цели: концентрацию союзных войск для проведения одной стратегически важной операции; предоставление Красной армии помощи путем создания нового фронта; действуя согласованно с Красной армией, уничтожить сухопутные силы Германии, навязав им войну на два фронта [17]. Как видно, ни о каком участии Турции в планах американских военных стратегов не было и речи.

По-видимому, Рузвельт в таких второстепенных, на его взгляд, вопросах большой стратегии, каким в то время для него был вопрос об участии Турции в войне, полагался на мнение своих советников. Поэтому он ограничился только предложением, чтобы Объединённый кабинет начальников штабов армии США при планировании десантных операций в Италии рассмотрел вопрос о возможном участии турецких войск в наступлении на южный фланг германских армий на Балканском полуострове и Греции [18]. Но в целом и Госдепартамент, и президент Рузвельт и комитет начальников штабов армии США полагали, что вопрос о вступлении Турции в войну следует отложить на неопределённый срок [19].

Однако американцы резко возражали против попытки англичан в проведении самостоятельной политики в этой стране от имени англо-американцев. После переговоров в Касабланке в 1943 г. англичане стали заявлять о своём привилегированном положении в Турции, утверждая, что по результатам переговоров между президентом и премьер-министром английской стороне был дан «карт-бланш» в отношениях с этой страной. Против подобной точки зрения выступал госдепартамент, утверждая, что англичанам всего лишь было предоставлено право самостоятельного принятия решений по вопросам, связанным с поставками оборудования и вооружения для Турции [20].

В Вашингтоне без особого энтузиазма наблюдали, как англичане направляли в Турцию оружие, предоставляемое им в рамках соглашения о ленд-лизе. Осознавая, что большая часть турецких запросов может быть выполнена только Соединёнными Штатами, Военный департамент советовал не торопиться с поставками. Военное руководство также рекомендовало развивать с Турцией дружеские отношения, но удерживать её от вступления в войну, потому что это могло привести к переносу сроков высадки союзников во Франции [21].

Во время встречи Черчилля, Рузвельта и президента Турции Инёню в Каире в декабре 1943 г. американский президент, к разочарованию своего английского союзника, ни разу не прибег к жесткой аргументации. Напротив, когда уговоры Черчилля о немедленном вступлении Турции в войну стали слишком настойчивыми, американский президент поспешил заверить, что никто не будет угрожать Турции, даже если она не выполнит своих обещаний [22]. Такое поведение Рузвельта натолкнуло Инёню на мысль о том, что американцы лишь формально поддерживают англичан. В итоге, несмотря на формальное согласие турецкой стороны предоставить англо-американцам свои аэродромы с февраля 1944 г., что фактически означало вступление страны в войну, турки отказались от принятых обязательств, требуя увеличения объемов военных поставок.

Черчилль инструктировал посла Великобритании в Турции Хьюгессена оказать давление на турок [23]. Одновременно с этим английский посол в Вашингтоне обратился к Хэллу с просьбой рекомендовать Штейнгардту поддержать Хьюгессена в Анкаре [24]. Госсекретарь поручил Штейнгардту дать понять турецкому правительству, что США намерены действовать в Турции самостоятельно, без посредничества Великобритании, и рекомендовал донести до турецкого руководства мысль о том, что в их же собственных интересах внести вклад в общую победу над врагом, тем самым фактически поддержав англичан [25].

К разочарованию Анкары, где рассчитывали получить некоторую поддержку со стороны Вашингтона, этого не произошло. Штейнгардт писал Хэллу, что после его беседы с Менеменджиоглу у турок не должно остаться иллюзий относительно «особых» американо-турецких отношений [26]. Позицию Вашингтона можно объяснить тем, что в тот момент американцы всё еще продолжали рассматривать Турцию как периферийную область своих политических интересов. Кроме того, упорное нежелание турок вступать в войну увеличивало раздражение и у американских официальных лиц. В июне 1944 г. США и Великобритания предложили Турции разорвать дипломатические отношения с Германией [27].

Подводя итоги американской политики в отношении Турции в годы Второй мировой войны, можно отметить следующее. Предоставив инициативу в турецком вопросе своему английскому союзнику, США в то же время стремились не допустить полного контроля Великобритании над всеми аспектами переговорного процесса, включая его экономические, политические и военно-стратегические компоненты. Несмотря на тесное сотрудничество с англичанами, американцы в своей турецкой политике занимали самостоятельную позицию. Это проявилось в отказе США от поддержки балканской стратегии Лондона. Со своей стороны Анкара на завершающем этапе

Второй мировой войны и в первые послевоенные годы всеми силами стремилась заручиться поддержкой Вашингтона против возможных притязаний на Проливы со стороны СССР. В итоге на характер американо-турецких отношений стал оказывать влияние «советский фактор». Таким образом, дальнейшее развитие американской политики в Турции следует рассматривать в контексте послевоенной конфронтации двух супердержав.

Ещё в октябре 1944 г. во время визита премьер-министра Великобритании в Москву Сталин поставил перед ним вопрос об изменении Конвенции Монтрё. Черчилль сообщил Рузвельту, что он согласился с тем, что незначительные изменения могут быть внесены [28].

Позиция американского президента заключалась в том, что внесение небольших изменений в текст договора возможно, но основные пункты должны остаться без изменений, так как попытка любого кардинального изменения встретит жёсткий отпор со стороны турецкого правительства, что в свою очередь будет способствовать росту напряжённости в регионе [29].

Предложения Сталина по Проливам во время Ялтинской конференции насторожили советников Рузвельта и специалистов в Госдепартаменте, дав им понять, что они ошиблись в своих выводах относительно намерений СССР в отношении Турции [30]. Однако итоговый протокол конференции внушал столько оптимизма, что Рузвельт и его советники были уверены, что США не следует пересматривать свою позицию по этому вопросу. В результате в Вашингтоне вплоть до весны 1945 г. были абсолютно уверены в правильности выбранного курса и не реагировали на возрастающее давление со стороны СССР в отношении Турции.

23 февраля 1945 г. Турция объявила войну Германии. В этот день было подписано американо-турецкое соглашение об оказании Анкаре военной помощи по ленд-лизу [31].

Одной из причин, побудивших Анкару объявить войну Германии, было намерение заручиться поддержкой США в ожидаемом послевоенном противостоянии с СССР. В Анкаре всегда с недоверием смотрели на своего северного соседа и опасались, что после окончания войны Сталин попытается получить контроль над Черноморскими проливами. Турецкие опасения вскоре подтвердились. В 1945 г. истек срок действия советско-турецкого договора о дружбе. 19 марта 1945 г., принимая в Москве турецкого посла С. Сарпера, В. Молотов сделал заявление о желании СССР денонсировать договор со всеми относящимися к нему приложениями [32].

Американские дипломаты в Москве и Анкаре не придали особого значения произошедшему. Посол США в СССР А. Гарриман сообщал в Вашингтон, что такое развитие событий было ожидаемо. По словам посла, действия Молотова являлись результатом изменения политики Москвы в вопросе о Проливах. По его мнению, настойчивое желание СССР изменить режим проливов связан с тем, что в Москве создают пояс безопасности по периметру своих границ [33]. Сообщения из Анкары от посла Штейнгардта также были полны оптимизма. Он сообщал, что в разговоре с послом СССР в Турции Виноградовым последний заявил о том, что он просит правительство США не рассматривать действия СССР как недружелюбный акт в отношении Турции [34].

После возобновления переговоров 7 июня 1945 г. Молотов перечислил новые требования советского правительства: Турция должна возвратить СССР районы Карса и Ардагана, переданные ей Советской Россией по договору от 13 октября 1921 г., а также согласиться на внесение в конвенцию Монтрё пунктов, которые бы предусматривали совместную советско-турецкую оборону Проливов и строительство военных баз [35].

12 июня Сараджоглу, ставший премьер-министром, встретился с новым послом США Э. Вильсоном, сменившим Штейнгардта в июне 1945 г., и рассказал ему о полученной из Москвы информации о советских требованиях, отметив, что она подействовала на него удручающе [36].

20 июня Вильсон в своем отчёте в Государственный департамент предложил, чтобы Соединённые Штаты «заявили Москве о своей прямой заинтересованности в вопросе о пересмотре режима Проливов, отметив при этом, что требования, выдвинутые Москвой Анкаре, являются совершенно неприемлемыми» [37]. Однако в Госдепартаменте было принято решение, что какие-либо ноты протеста не только будут преждевременными, но и создадут «неблагоприятный фон» для возможной дискуссии на эту тему среди глав государств большой тройки в Потсдаме [38].

По указанию президента Трумэна, ставшего президентом США после смерти Рузвельта, заместитель директора отдела Ближнего Востока и Африки Дж. Аллен 15 июля 1945 г. предоставил докладную записку, в которой он, изучив характер советских предложений, делал вывод, что требование свободного прохода советских военных кораблей через Проливы во время военных действий является обоснованным, но подобное правило должно применяться ко всем черноморским государствам, и уж конечно не может быть и речи о строительстве военных баз [39]. Руководствуясь этими соображениями, Трумэн, несмотря на решимость советского руководства урегулировать этот сложный вопрос в Потсдаме, не поддержал претензии СССР к Турции [40].

Турецкое руководство воспринимало выдвижение территориальных требований со стороны СССР как акт давления с целью получения желаемого результата в зоне Проливов и обратилось к

США с просьбой о помощи в разрешении возникшей ситуации. В связи с нотой турецкого МИДа от 20 августа госсекретарь Дж. Бирнс писал Трумэну, что сейчас не тот момент, когда стоит урезать контроль турок над Проливами или же выступить с предложением об их нейтрализации [41].

К письму Дж. Бирнса президенту Трумэну были приложены «Предложения правительства США по изменениям в Конвенции Монтрё 1936 г.», которые строились вокруг четырех основных принципов. Во-первых, Бирнс считал, что Проливы должны быть открыты для торговых судов всех стран. Во-вторых, они должны быть открыты для военных судов черноморских держав «во все времена». В-третьих, Проливы следует закрыть для военных кораблей нечерноморских держав, кроме случаев, когда будет достигнута договоренность в отношении ограниченного тоннажа в мирное время. И, наконец, в-четвертых, Бирнс предлагал исключить из состава участников Конвенции Японию и заменить Лигу Наций, которая фигурировала в тексте Конвенции, на ООН [42]. Эти предложения были одобрены президентом. Таким образом, США не собирались допускать строительство советской военной базы, но также они отказались от первоначальной идеи международного контроля над Проливами.

10 января 1946 г. в Лондоне открылась первая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Турецкую делегацию возглавлял министр иностранных дел Сака. 17 января его принял госсекретарь Бирнс. Во время встречи Сака выразил беспокойство по поводу желания СССР создать военную базу на турецкой территории [43]. 1 февраля Вильсон встретился с Виноградовым. После долгой беседы с советским послом Вильсон сделал вывод, что главным вопросом для СССР по-прежнему остаются Проливы [44].

Имея в виду настойчивость Москвы в этом вопросе, Трумэн писал госсекретарю: «У меня нет ни малейших сомнений в стремлении России захватить Черноморские проливы, выводящие в Средиземное море, и проникнуть в Турцию. Пока Россия не столкнулась на словах и на деле с железным кулаком и жестким языком – возможна еще одна война. Они понимают только один язык – “У вас сколько дивизий?” Я не думаю, что и в будущем мы должны играть в компромиссы» [45]. В конечном итоге рассуждения президента привели его к важному концептуальному заявлению о том, что он склонен воспринимать советско-турецкую границу как границу СССР с США. Существенную роль в оформлении американской политики на этом направлении сыграли секретные немецкие документы, захваченные союзниками в конце войны, способствовавшие воссозданию полной картины советских намерений на Среднем Востоке, в районе Средиземного моря [46].

Для того чтобы морально поддержать турецких руководителей, президент Трумэн распорядился отправить в Стамбул линкор «Миссури». Поводом для этой акции послужило весьма печальное событие – 6 апреля 1946 г. линкор доставил на родину прах бывшего турецкого посла Мехмета Мюнира Эртегюна. Президент Инёню назвал визит «Миссури» новой и блестящей демонстрацией турецко-американской дружбы [47].

Посол Вильсон в отчете от 12 апреля о визите «Миссури», направленном в Госдепартамент, сообщал: «Турки считают, что американское правительство решило оказать сопротивление любым попыткам СССР подорвать независимость Турции и её территориальную целостность. В заключение Вильсон отметил: «Визит “Миссури” можно оценить как событие с далеко идущими последствиями» [48].

Визит «Миссури» в Проливы, открытая демонстрация Соединёнными Штатами политики поддержки Турции, как и в целом курс на укрепление позиций на Ближнем Востоке, оценивались советскими дипломатами как «военно-политическая демонстрация», направленная против Советского Союза. Такое положение дел оставляло советскому руководству лишь два выхода: либо снять вопрос о территориях и базах, либо, сохраняя свои требования, добиваться их выполнения путем максимально жесткого нажима [49].

В соответствии со своим подходом к вопросу об изменении Конвенции Монтрё, 7 августа 1946 г. советское правительство обратилось к турецкому руководству с нотой, в которой потребовало организовать вместе с СССР совместную оборону Проливов [50]. Посол Вильсон 8 августа доложил госсекретарю США, что турецкое правительство намерено ответить на ноту спустя дней десять после того, как правительства США и Британии выскажутся по этому поводу [51].

Ближневосточное управление Госдепартамента 9 августа передало свои рекомендации директору отдела по вопросам Ближнего Востока и Африки Л. Гендерсону. В них указывалось, что позиции правительств США и СССР по Проливам частично совпадают, однако советские предложения довольно далеки от американской идеи пересмотра конвенции Монтрё под контролем ООН. Поэтому Ближневосточное управление в своем меморандуме рекомендовало выступать против любой политики предоставления кому-либо, кроме Турции, права иметь базы в Проливах и непосредственно или опосредованно осуществлять военный контроль над ними [52].

В меморандуме Д. Ачесона Бирнсу от 15 августа отмечалось: «По нашему мнению, основная цель Советского Союза – установить контроль над Турцией, что приведет к исключению этой

страны из сферы воздействия Западного мира и значительно ослабит позиции США не только в этой стране, но и во всем Ближневосточном регионе. Ачесон полагал, что в создавшихся условиях США должны четко дать знать советскому правительству, что они не согласны с советской политикой в Турции» [53].

Опасаясь потерять контроль над Проливами и упустить инициативу в бассейне Средиземного моря, руководители внешней политикой США и Турции предпочли стиль жесткого противостояния. 19 августа правительство США передало свой ответ на советские предложения заместителю советского посла в Вашингтоне Ф. Орехову, в котором было категорично заявлено: «Турция должна продолжать нести основную ответственность за защиту Проливов» [54].

В очередной ноте советскому правительству от 9 октября 1946 г. правительство США подтвердило позиции, изложенные в ноте от 19 августа. Кроме того, США заявили, что обмен мнениями, состоявшийся на Потсдамской конференции, следует понимать как предварительный перед конференцией всех заинтересованных сторон, в том числе США [55]. Таким образом, США дали понять, что намерены настаивать на предложении о созыве конференции по режиму Проливов, к чему не стремилось советское руководство.

В свою очередь, 18 октября 1946 г. МИД Турции передал в советское посольство в Анкаре ответную ноту, в которой отмечалось, что совместная оборона Проливов означает потерю страной своего суверенитета, и поэтому данное предложение неприемлемо [56].

В сложившейся обстановке США стали пересматривать ближневосточную политику. Гендерсон 21 октября представил президенту и государственному секретарю меморандум, в котором отмечалось что «Турция нуждается в защите, ей необходимо оказать дипломатическую, моральную, экономическую и военную помощь». По мнению Гендерсона, взятые на себя Британией обязательства по поддержанию должного уровня турецкой армии должны постепенно переходить к США. Он считал возможным рассмотреть вопрос о прямых поставках американской военной техники [57]. Доказательством того, что Гендерсон был прав в своих предположениях относительно ослабления позиций Великобритании в Турции, могут служить две ноты, которые 24 февраля 1947 г. английский посол в США вручил своим американским коллегам. Британское правительство заявляло, что более не в состоянии оказывать экономическую помощь Турции и Греции [58], и просило Соединенные Штаты взять на себя эту функцию. С 31 марта 1947 г. британская помощь Турции и Греции прекращалась, и США были поставлены перед необходимостью решительных действий [59].

Президент Трумэн серьезно отнесся к этому меморандуму и в тот же день заявил, что намерен поддержать Грецию и Турцию. В отличие от Греции, оказание помощи Турции было сопряжено с определенными трудностями [60].

12 марта 1947 г., спустя два дня после начала работы Московского совещания министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции [61], Трумэн обратился к Конгрессу по поводу оказания помощи Греции и Турции. Эта информация отразилась на ходе конференции: Молотов и Вышинский ужесточили свою позицию. Вышинский выступил с жесткой критикой внешней политики Турции, обвинив её в сотрудничестве с Германией. Этой же линии придерживался и Молотов.

Из 400-миллионной долларовой помощи, которую Трумэн затребовал у Конгресса, 150 млн предназначались для Турции. Свое решение Трумэн обосновывал так: «Я верю: политика США заключается в том, чтобы помочь свободным народам бороться против вооруженного меньшинства и зарубежного давления и обеспечить им право выбирать свое будущее. Поэтому хочу, чтобы Конгресс одобрил предоставление помощи Греции и Турции» [62]. Доктрина Трумэна была с большим удовлетворением воспринята официальными кругами Турции.

Немедленно после выступления Трумэна 12 марта состоялось заседание начальников штабов вооруженных сил США по вопросу «О предоставлении военной помощи Турции». После длительных обсуждений начальники штабов определили цели помощи: а) усилить возможности этой страны оказывать сопротивление советскому давлению и поддержать её боевой национальный дух и волю; б) усилить военный потенциал с тем, чтобы в случае нападения Советов или столкновений в других местах турки могли силой подавить эту агрессию и обладали максимумом военных возможностей для осуществления превентивных мер [63].

После обсуждений 22 апреля в Сенате и 9 мая в Палате представителей Конгресс 22 мая утвердил «Закон о помощи Греции и Турции». День спустя президент Трумэн подписал этот закон.

Тем временем на доктрину Трумэна жестко отреагировал заместитель министра иностранных дел СССР и, одновременно, постоянный представитель Советского Союза в Совете Безопасности ООН А. А. Громыко. Он подчеркнул, что обращение Трумэна к Конгрессу с целью помочь Турции и Греции носит агрессивный и провокационный характер [64].

Советское правительство через своё посольство в Анкаре на протяжении всего 1947 г. внимательно следило за ситуацией в стране. Советник посольства П. Ершов в своих отчётах в Москву сообщал об увеличении американской помощи Турции и о том заметном влиянии, которое она оказывает на экономику страны [65]. В декабре 1947 г. заместитель министра иностранных дел СССР А. Вышинский в своей речи на генеральной ассамблее ООН назвал американскую помощь Турции и Греции «покупкой мира за доллары» [66]. А после того как Госдепартамент США опубликовал документы «О советско-нацистском сотрудничестве», которые попали в руки американцам в качестве трофеев, и где речь шла о советско-германских переговорах в ноябре 1940 г. в Берлине, отношения между Москвой и Анкарой резко ухудшились.

Через месяц после случившегося, 29 марта 1948 г., Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило подготовленные Молотовым для А. Лаврищева, нового посла СССР в Турции, «Указания», состоящие из девяти пунктов. В первом же из них предписывалось: «Учитывая, что политика нынешнего турецкого правительства ведет к превращению Турции в англо-американский военный плацдарм против Советского Союза, посольство СССР в Турции не должно проявлять инициативы в стремлении к улучшению отношений с Турцией. Не следует также давать турецкому правительству повод для толкования назначения советского посла в Анкару как признака улучшения советско-турецких отношений или отступления Советского правительства от его позиции по отношению к Турции и к ее нынешней политике» [67].

После утверждения Сенатом плана Маршалла [68] в апреле 1948 г., в июле был подписан американо-турецкий договор об оказании экономической помощи. Срок его действия заканчивался 30 июня 1953 г. Хотя размеры помощи были невелики, но включение Турции в число стран, получающих кредит по плану Маршалла, и в целом завоевание политического доверия США оценивалось турецким истеблишментом как «большая победа турецкой дипломатии».

Постоянное давление СССР способствовало тому, что сотрудничество с США стало ведущим направлением внешней политики Турции. Впрочем, для возрастания проамериканских тенденций имелись и иные предпосылки, включая и субъективные. Значительная часть турецкого руководства изначально имела прозападную ориентацию, что в свою очередь служило достаточно весомым мотивом при формировании советских подходов и их бескомпромиссном отстаивании. В конце 1948 г. президент Инёню заявил американским журналистам: «Даже в том случае, если бы СССР отказался от своих требований, я остался бы сторонником тесного сотрудничества между Соединенными Штатами и Турцией» [69].

Отправной точкой советской позиции в отношении Турции было мнение о том, что Конвенция Монтрё не гарантировала безопасность СССР. Все попытки добиться пересмотра статей конвенции, касающихся прохода военных кораблей через Проливы, наталкивались на сопротивление со стороны Турции и Великобритании. Пропуск военных кораблей Германии и Италии в Чёрное море во время войны дал повод советским лидерам утверждать, что Турция не способна в одиночку контролировать Проливы. Поэтому, начиная с января 1945 г., СССР неоднократно ставил перед союзниками вопрос об изменении Конвенции Монтрё. Позиция правительства США относительно пересмотра Конвенции Монтрё заключалась в том, что оно не возражало против изменения некоторых пунктов, но все поправки должны были соответствовать духу оригинала Конвенции, не ущемляя суверенитета Турции. Эта точка зрения коренным образом расходилась с позицией советского правительства. Несовпадение подходов правительств СССР и США по вопросу о пересмотре Конвенции создало один из очагов острой напряжённости и способствовало возникновению конфронтации между недавними союзниками.

Территориальные требования СССР к Турции диктовались не реальными потребностями, а носили преимущественно характер политического прессинга. В то время как развитие авиации уменьшало значение Проливов, СССР настаивал на их важности для своей безопасности. Было ясно, что этот путь интересовал СССР как средство укрепления своих позиций на Ближнем Востоке, Средиземном море и на Балканах. Попытки СССР занять выгодные стратегические позиции в Проливах имели характер односторонних действий и натолкнулись на решительное сопротивление Турции и США. Известный российский исследователь Н. И. Егорова справедливо отмечает, что именно грубое давление на Турцию, предпринятое по личной инициативе Сталина, заставило союзников предпринять совместные ответные действия [70].

Территориальные притязания Советского Союза к Турции заставили США пересмотреть свою стратегию на Ближнем и Среднем Востоке. В Вашингтоне стали осознавать, что наряду с Восточной Европой появился ещё один конфликтный регион. Этот процесс завершился принятием доктрины Трумэна, цель которой состояла, помимо «сдерживания коммунизма», в защите американских интересов в Турции, которая была окончательно включена в сферу жизненных интересов США.

Напряженные отношения с СССР заняли ведущее место среди причин преимущественной ориентации Турции после войны на США. В первые послевоенные годы весьма ослабленная в экономическом отношении Англия не смогла оказать Турции существенную материальную поддержку и тем самым сохранить своё прежнее влияние. В результате на смену традиционного советско-английского соперничества по поводу Турции и проливов приходит американо-советское, а Турция превращается в важнейшего союзника Вашингтона на Ближнем Востоке. Турецкий вопрос сыграл важную роль в генезисе холодной войны.

Примечания

1. *Trask R.* The United States Response to Turkish Nationalism and Reform, 1914–1939. Minneapolis, 1971. P. 239.
2. *Гасанлы Дж. П.* СССР–Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 48. С. 75.
3. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers.* 1940. Wash.: USGPO, 1940. Vol. III. P. 957.
4. *Ibid.* P. 962.
5. *Ibid.* P. 963.
6. *Ibid.* P. 963.
7. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers.* 1940. Wash.: USGPO, 1941. Turkey. Vol. III. PP. 849–850.
8. *Ibid.* P. 855–858.
9. *Ibid.* P. 853.
10. *Ibid.* P. 857.
11. *Ibid.* P. 858.
12. *Ibid.* P. 859–861.
13. *Kuniholm B. R.* The Origins of the Cold War in the Near East: Great power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. N. J., 1980. P. 28; *Thomas L. V. & Frye R. N.* The United States and Turkey and Iran. Cambridge, 1962. P. 142.
14. *Loewenheim F. L., Langley H. D.* Roosevelt and Churchill. The Secret Wartime Correspondence. P. 155–156.
15. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers.* 1940. Wash.: USGPO, 1942. Vol. IV. PP. 963–685.
16. *Ibid.* P. 964; См. также: *Knatchbull-Hugessen H.* Diplomat in Peace and War. L., 1949. P. 177–179.
17. *Matloff M., Snell Ed. M.* Strategic Planning for Coalition Warfare, 1941–1942. 1953. P. 174–197.
18. *Kimball W. F.* Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. I. Alliance Emerging. P. 668–669.
19. *Rubin B.* The Great Powers in the Middle East, 1941–1947: The Road to the Cold War. L., 1980. P. 115.
20. Подробнее см.: *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers.* 1943. Vol. IV. The Near East and Africa. Wash.: USGPO, 1964 P. 1064–1065.
21. *Alvarez D.* Bureaucracy and Cold War Diplomacy: The United States and Turkey, 1943–1946. Thessaloniki, 1980. P. 28.
22. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943.* Wash.: USGPO, 1943. P. 694.
23. *Deringil S.* Turkish Foreign Policy during the Second World War: an “Active” Neutrality. N. Y., 1989. P. 165.
24. *Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. N. Y., 1948. P. 1370.
25. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers.* 1944. Turkey. Vol. V. Wash.: USGPO, 1955. P. 814.
26. *Ibid.*
27. *Weisband E.* Turkish Foreign Policy, 1943–45: Small State Diplomacy and Great Power Politics. Princeton University Press, 1973. P. 268–73.
28. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers.* 1944. Vol. IV. Wash.: USGPO, 1955. P. 1024; *McNeill, William H.* America, Britain, and Russia, Their Cooperation and Conflict. N. Y., 1970, P. 500.
29. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta.* Wash.: USGPO, 1945. P. 328–29.
30. *Alvarez D.* *Op. cit.* P. 47.
31. *Гасанлы Дж. П.* Указ. соч. С. 174.
32. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 3. 1947. С. 146; См. также: *Howard H.* Turkey, the Straits and U.S. Policy, Baltimore, 1974. P. 216; См. также: *Гасанлы Дж. П.* Указ соч. С. 177.
33. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers.* Vol. VII. Wash.: USGPO, 1945. P. 1222.
34. *Ibid.*
35. Более подробно о встрече Молотова с Сарпером см.: *Гасанлы Дж. П.* Указ. соч. С. 200–204; См. также: *Howard H.* *Op. cit.* P. 219; *Hurewitz J. C.* Diplomacy in the Near and Middle East. Princeton, 1956. P. 154.
36. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers.* 1945. Vol. VIII. Wash.: USGPO, 1945. P. 1234.
37. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945.* Wash.: USGPO, 1960. P. 1017–1020, 1022–1023; см. также: *The Forrestal Diaries.* N. Y., 1951. P. 71; *Kirk G.* The Middle East in the War 1939–1945. L., 1950. P. 21.
38. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945.* Wash.: USGPO, 1960. P. 1027–1028.
39. *Howard H.* *Op. cit.* p. 224; см. также: *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945.* Wash.: USGPO, 1960. P. 1420–1422, 1425–1426.

40. Гасанлы Дж. П. Указ. соч. С. 236.
41. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Vol. VIII. Wash.: USGPO, 1955. P. 1234–1245.
42. Ibid; см. также: Гасанлы Дж. П. Указ. соч. С. 245–246.
43. Там же. С. 345.
44. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Near East and Africa. Wash.: USGPO, 1969. P. 810–814.
45. Truman H. S. The Memoirs. Vol. 1. Years of Decisions. N. Y., 1955. P. 552.
46. Речь идёт о ноябрьских переговорах 1940 г. в Берлине между Молотовым и Риббентропом, в ходе которых советский нарком пытался добиться от руководства рейха согласия на переход Проливов под полный военный контроль СССР. Эти и другие документы попали в руки американской разведке в самом конце войны. Подробнее о ходе советско-германских переговоров см.: Беседа председателя совета народных комиссаров СССР, народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом 12 ноября 1940 г. // Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII: в 2 кн. Кн. 2 (1). 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. М.: Междунар. отношения, 1998.
47. Гасанлы Дж. П. Указ. соч. С. 382.
48. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1946. Vol. VII. Wash.: USGPO, 1955. P. 822–823.
49. Кочкин Н. В. СССР, Англия, США и «Турецкий кризис» 1945–1947 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 69–70.
50. The Problem of the Turkish Straits. Department of State Publication. Near Eastern Series. Wash., 1947. P. 38–39; Vali F. The Turkish Straits. Hoover Institution Press, 1972. P. 255–265, 278–297.
51. Цит. по: Гасанлы Дж. П. Указ. соч. С. 416.
52. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1946. Vol. VII. Wash.: USGPO, 1955. P. 830–833.
53. Ibid.
54. The Problem of the Turkish Straits. P. 39–40; Vali F. Op. cit. P. 250–252.
55. The Problem of the Turkish Straits. P. 41–42; Поухверия Б. М. Советско-турецкие отношения и проблема Проливов накануне, в годы Второй мировой войны и послевоенные десятилетия // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 479–480.
56. The Problem of the Turkish Straits. P. 42–43; см. также: Vali F. Op. cit. P. 278–297.
57. Гасанлы Дж. П. Указ. соч. С. 441.
58. Здесь речь идёт о помощи, оказываемой этим странам в рамках работы Администрации помощи и восстановления Объединённых наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration – ЮНРРА), куда в марте 1946 г. была включена Турция. Помощь ЮНРРА осуществлялась путём предоставления продовольствия, медикаментов и других материалов за счет сумм, внесенных государствами – её членами, не подвергшимися вражеской оккупации, в размере около 2% от национального дохода каждой страны.
59. Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1980. P. 407.
60. Гасанлы Дж. П. Указ. соч. С. 516.
61. Четвёртая сессия Совета министров иностранных дел. Проходила в Москве с 10 марта по 24 апреля 1947 г.
62. Цит. по: Гасанлы Дж. П. Указ. соч. С. 519.
63. Memorandum by the Joint Chiefs of Staff to the Secretary of War (Patterson) and the Secretary of Navy (Forrestal) // FRUS. 1947. Vol. V. P. 111–113; более подробно о документе см.: Athanassopoulou E. Turkey – Anglo-American Security Interests 1945–1952. The First Enlargement of NATO. L., 1999. P. 60–65; Гасанлы Дж. П. Указ. соч. С. 527.
64. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 30. П. 287. Д. 2. Л. 85.
65. Гасанлы Дж. П. Указ. соч. С. 543.
66. Там же. С. 548.
67. Цит. по: Гасанлы Дж. П. Указ. соч. С. 568.
68. План Маршалла (англ. Marshall Plan) – официальное название «Программа восстановления Европы» (англ. European Recovery Program) – выдвинут в 1947 г. американским государственным секретарем Джорджем Маршаллом, вступил в действие в апреле 1948 г. Целью было восстановление разрушенной войной экономики Европы, устранение торговых барьеров, модернизация индустрии европейских стран и развитие Европы в целом.
69. Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: сб. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003. С. 54.
70. Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. по рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 24–42.

Notes

1. Trask R. The United States Response to Turkish Nationalism and Reform, 1914–1939. Minneapolis, 1971. P. 239.
2. J.P. Hasanly. SSSR–Turciya: ot nejtraliteta k holodnoj vojne (1939–1953) [USSR–Turkey: from neutrality to cold war (1939–1953)]. М. 2008. P. 48. P. 75.
3. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1940. Wash.: USGPO, 1940. Vol. III. P. 957.
4. Ibid. P. 962.
5. Ibid. P. 963.

6. Ibid. P. 963.
7. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1940. Wash.: USGPO, 1941. Turkey. Vol. III. Pp. 849–850.
8. Ibid. P. 855–858.
9. Ibid. P. 853.
10. Ibid. P. 857.
11. Ibid. P. 858.
12. Ibid. Pp. 859–861.
13. Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. N. J., 1980. P. 28; Thomas L. V. & Frye R. N. The United States and Turkey and Iran. Cambridge, 1962. P. 142.
14. Loewenheim F. L., Langley H. D. Roosevelt and Churchill. The Secret Wartime Correspondence. P. 155–156.
15. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1940. Wash.: USGPO, 1942. Vol. IV. Pp. 963–685.
16. Ibid. P. 964; См. также: Knatchbull–Hugessen H. Diplomat in Peace and War. L., 1949. P. 177–179.
17. Matloff M., Snell Ed. M. Strategic Planning for Coalition Warfare, 1941–1942. 1953. P. 174–197.
18. Kimball W. F. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. I. Alliance Emerging. P. 668–669.
19. Rubin B. The Great Powers in the Middle East, 1941–1947: The Road to the Cold War. L., 1980. P. 115.
20. For details see: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. IV. The Near East and Africa. Wash.: USGPO, 1964. P. 1064–1065.
21. Alvarez D. Bureaucracy and Cold War Diplomacy: The United States and Turkey, 1943–1946. Thessaloniki, 1980. P. 28.
22. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Tehran. Wash.: USGPO, 1943. P. 694.
23. Deringil S. Turkish Foreign Policy during the Second World War: an “Active” Neutrality. N. Y., 1989. P. 165.
24. Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. N. Y., 1948. P. 1370.
25. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. Turkey. Vol. V. Wash.: USGPO, 1995. P. 814.
26. Ibid.
27. Weisband E. Turkish Foreign Policy, 1943–45: Small State Diplomacy and Great Power Politics. Princeton University Press, 1973. P. 268–73.
28. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. Vol. IV. Wash.: USGPO, 1955. P. 1024; McNeill, William H. America, Britain, and Russia, Their Cooperation and Conflict. N. Y., 1970, P. 500.
29. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. Wash.: USGPO, 1945. P. 328–29.
30. Alvarez D. Op. cit. P. 47.
31. J. P. Hasanly. Op. cit. P. 174.
32. Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza v period Velikoj Otechestvennoj vojny – Foreign policy of the Soviet Union during the Great Patriotic War. Vol. 3. 1947. 146 P.; See also: Howard H. Turkey, the Straits and U.S. Policy, Baltimore, 1974. P. 216; See also: J. P. Hasanly. Op. cit. P. 177.
33. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Vol. VII. Wash.: USGPO, 1945. P. 1222.
34. Ibid.
35. Learn more about Molotov's meeting with Sarper: J. P. Hasanly. Op. cit. Pp. 200–204; See also: Howard H. Op. cit. P. 219; Hurewitz J. C. Diplomacy in the Near and Middle East. Princeton, 1956. P. 154.
36. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Vol. VIII. Wash.: USGPO. P. 1234.
37. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Wash.: USGPO. 1960. Pp. 1017–1020, 1022–1023; see. also: The Forrestal Diaries. N. Y., 1951. P. 71; Kirk G. The Middle East in the War 1939–1945. L., 1950. P. 21.
38. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Wash.: USGPO. 1960. Pp. 1027–1028.
39. Howard H. Op. cit. p. 224; см. также: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Wash.: USGPO, 1960. Pp. 1420–1422, 1425–1426.
40. J. P. Hasanly. Op. cit. P. 236.
41. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Vol. VIII. Wash.: USGPO. P. 1234–1245.
42. Ibid; see also: J. P. Hasanly. Op. cit. Pp. 245–246.
43. Ibid. P. 345.
44. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Near East and Africa. Wash.: USGPO. 1969. Pp. 810–814.
45. Truman H. S. The Memoirs. Vol. 1. Years of Decisions. N. Y., 1955. P. 552
46. We are talking about the November 1940 negotiations in Berlin between Molotov and Ribbentrop, during which the Soviet people's Commissar tried to get the leadership of the Reich consent to the transfer of the Straits under the full military control of the USSR. These and other documents came into the hands of American intelligence at the end of the war. Read more about the course of Soviet–German talks: Beseda predsedatelya soveta narodnyh komissarov SSSR, narodnogo komissara inostrannyh del V. M. Molotova s ministrom inostrannyh del Germanii I. Ribbentropom 12 noyabrya 1940 g. – Interview of President of the Council of people's Commissars, people's Commissar for foreign affairs V. M. Molotov with the Minister of foreign Affairs of Germany Joachim von Ribbentrop 12 Nov 1940 // Dokumenty vneshnej politiki – Foreign policy documents. 1940 – 22 June 1941. Vol. XXIII: in 2 books. Book. 2 (1). 1 November 1940 – 1 March 1941. M. International relationship. 1998.

47. J. P. Hasanly. Op. cit. Pp.382.
48. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1946. Vol. VII. Wash.: USGPO. Pp. 822–823.
49. Kochkin N. V. SSSR, Angliya, SSHA i «Tureckij krizis» 1945–1947 gg. [The Soviet Union, Britain, the US and the Turkish crisis 1945–1947] // Novaya i novejshaya istoriya – New and newest history. 2002, No. 2, pp. 69–70.
50. The Problem of the Turkish Straits. Department of State Publication. Near Eastern Series. Wash., 1947. Pp. 3839; Vali F. The Turkish Straits. Hoover Institution Press, 1972. Pp. 255–265, 278–297.
51. Cit. by: J. P. Hasanly. Op. cit. P. 416.
52. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1946. Vol. VII. Wash.: USGPO. Pp. 830–833.
53. Ibid.
54. The Problem of the Turkish Straits. Pp. 39–40; Vali F. Op. cit. Pp. 250–252.
55. The Problem of the Turkish Straits. Pp. 41–42; Potskhveria B. M. Sovetsko-tureckie otnosheniya i problema Prolivov nakanune, v gody Vtoroj mirovoj vojny i poslevoennye desyatletiya [Soviet-Turkish relations and the problem of the Straits on the eve of the Second world war and the postwar decade] // Rossiya i Chernomorskie proliivy (XVIII–XX stoletiya)– Russia and Black sea Straits (XVIII–XX centuries). M. 1999. pp. 479–480.
56. The Problem of the Turkish Straits. P. 42–43; see also: Vali F. Op. cit. P. 278–297.
57. J.P. Hasanly. Op. cit. P. 441.
58. Here we are talking about assistance provided to these countries through the work of the administration of relief and recovery of the United Nations (United Nations Relief and Rehabilitation Administration – UNRRA), which in March 1946 included Turkey. Assistance of UNRRA was carried out through the provision of food, medicines and other materials at the expense of the sums deposited by States members not subjected to enemy occupation to approximately 2% of the national income of each country.
59. Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1980. P. 407.
60. J. P. Hasanly. Op. cit. P. 516.
61. Fourth session of the Council of Ministers of foreign Affairs. Was held in Moscow from March 10 to April 24, 1947
62. Cit. by: J. Hasanli. P. Op. cit. P. 519.
63. Memorandum by the Joint Chiefs of Staff to the Secretary of War (Patterson) and the Secretary of the Navy (Forrestal) // FRUS. 1947. Vol. V. P. 111–113; learn more about the document, see E. Athanassopoulou Turkey – Anglo-American Security Interests 1945–1952. The First Enlargement of NATO. L., 1999. P. 60–65; J. Hasanli. P. Op. cit. P. 527.
64. AVP RF. F. 06. Sh. 30. P. 287. 2. Sh. 85.
65. J. Hasanli. P. Op. cit. P.543.
66. Ibid. P. 548.
67. Cit. by: J.P. Hasanly. Op. cit. P. 568.
68. The Marshall plan (eng. Marshall Plan) – the official name of "European Recovery Program" (eng. European Recovery Program) – nominated in 1947 by the American Secretary of state George Marshall, came into effect in April 1948, the aim was to restore war-ravaged economies of Europe, removing trade barriers, modernising industry of European countries and Europe as a whole.
69. Holodnaya vojna. 1945–1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva: sb. st. – The cold war. 1945–1963. Historical retrospect: collection of articles / ed. N. I. Egorova and A. O. Chubaryan. M. 2003. P. 54.
70. Egorova N. I. «Iranskij krizis» 1945–1946 gg. po rassekrechennym arhivnym dokumentam ["Iran crisis" of 1945–1946, according to declassified archival documents] // Novaya i novejshaya istoriya – New and newest history. 1994, No. 3, pp. 24–42.

УДК 94 (498)

М. А. Росина

Румыния как фактор сдерживания СССР / России в политике США в 1946–2016 гг.)[□]

Несмотря на фактическое прекращение биполярной конфронтации, российско-американские отношения остаются неоднозначными. В последние годы США вновь ужесточили свой курс в отношении России, стремясь не допустить возрождения прежней мощи бывшего противника.

В представленной статье на примере Румынии выявляются и анализируются основные инструменты, использовавшиеся США для получения и закрепления за собой статуса единственной сверхдержавы, определяется место Румынии в политике «сдерживания». Автор прослеживает динамику американо-румынских отношений в 1946–2016 гг. и приходит к выводу, что на протяжении всего указанного периода США стремились использовать Румынию как один из факторов ослабления международного влияния СССР, а впоследствии – России.

[□]* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01303.

After the end of the bipolar confrontation, the US-Russian relationships remain ambiguous. In last years, the United States once again deteriorated its policy towards Russia in an effort to prevent the revival of the power of the former enemy.

In this article on the example of Romania author identifies and analyzes the main tools used by the United States to obtain and retain its status as the sole superpower, determines the place of Romania in the “containment” policy. The author analyzes the dynamics of US-Romanian relations in 1946–2016 years and comes to the conclusion that during the of this period, the US sought to use Romania as one of the factors weakening the international influence of the Soviet Union / Russia.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика США, Румыния, холодная война, bipolar confrontation, политика сдерживания.

Keywords: international relations, foreign policy of the United States, Romania, the “Cold war”, bipolar confrontation, the policy of the containment.

В годы холодной войны США настойчиво и твердо стремились к ослаблению своего советского противника. Для этого была разработана и постоянно совершенствовалась концепция «сдерживания». После распада СССР и возглавляемых им военно-политических и экономических структур главная цель США – остаться единственным мировым лидером – оказалась достигнута. Несмотря на длительную напряженную борьбу, тщательную проработку внешнеполитической стратегии, колоссальные ресурсные затраты, победа в холодной войне в значительной степени оказалась неожиданной для Вашингтона. Президент Дж. Буш – старший и его советник по национальной безопасности Б. Скоукрофт признавались, что даже в мечтах не могли представить, что им доведется увидеть Европу единой и свободной от советского контроля [1].

В новых условиях американской администрацией был взят курс на сохранение и укрепление мирового лидерства. Несмотря на наблюдавшееся в первой половине 1990-х гг. потепление, в целом преемственность в отношениях Вашингтона и Москвы сохранилась. Хотя идеологического соперничества двух стран не стало, их геополитическое противостояние постепенно возродилось.

Начавшееся в постсоветский период размещение военных баз НАТО в непосредственной близости к государственным границам России является серьёзной угрозой безопасности нашей страны. В связи с возрастающей значимостью Черноморско-Средиземноморского региона всё большее значение приобретает соотношение сил России и США в этой геополитической точке. Крупнейшей страной названного региона является Румыния, которая в 2004 г. стала членом Североатлантического альянса.

Сближение Румынии с Соединенными Штатами и её интеграция в Европейский союз представляются вполне закономерными. В период bipolar confrontation эта страна практически всегда находилась в соцблоке вынужденно. С момента возникновения советского государства отношение к нему со стороны румынской политической элиты и значительной части населения было негативным [2]. Во Второй мировой войне Бухарест поддерживал Германию, стремясь вернуть утраченные в межвоенный период территории и защититься от возможной советской экспансии. Румыния, занятая с августа 1944 г. войсками Красной армии и приобретшая важное значение в обеспечении советской послевоенной безопасности [3], благодаря решительным и умелым действиям Кремля была втянута в холодную войну на стороне СССР.

В период становления политики «сдерживания коммунизма» Румыния рассматривалась как государство, уже находившееся под полным контролем Кремля, и по этой причине не была включена в список стран, защиту которых американцы считали приоритетной задачей.

Несмотря на всё возраставшее усиление советского влияния, только 1948–1953 гг. можно назвать временем, когда Бухарест позиционировал себя последовательным и непреклонным союзником Кремля. Однако и в этот период действия румынского руководства в значительной степени были обусловлены отсутствием иных альтернатив развития страны и желанием генерального секретаря РКП Г. Георгиу-Дежа укрепить режим личной власти путём неукоснительного исполнения всех предписаний Москвы [4]. Практически сразу после смерти Сталина Румыния начала предпринимать явные попытки встать на свой «особый путь» в русле социализма. Начались постепенное дистанцирование Бухареста от Москвы и политика лавирования в рамках социалистического лагеря. Руководство страны решительно стало смещать приоритеты с интересов всего соцблока на государственные, понимавшиеся в духе национальной модели коммунизма [5].

В 1965 г. румынское государство возглавил Н. Чаушеску, под руководством которого был предпринят ряд импонирующих США внешнеполитических действий [6]. Явным знаком одобрения нового политического курса стал визит Р. Никсона в Бухарест в 1969 г. Румыния явилась первой страной соцлагеря, которая приняла на своей земле действующего президента США. И во

время, и после этого визита Никсон неоднократно подчёркивал факт налаживания отношений между двумя странами [7]. В 1975 г., возвращаясь с Хельсинкского совещания, страну посетил президент Дж. Форд, который также одобрительно отзывался о сложившихся тенденциях румынской внешней политики [8]. В период 1970–1979 гг. Чаушеску неоднократно посещал США. В ходе взаимных визитов главами государств был заключён ряд важных торговых соглашений [9], по которым Румыния стала получать льготные займы и кредиты, начала торговлю с капиталистическими странами и получила во многих из них режим «наибольшего благоприятствования». Подобных привилегий не было ни у одной другой страны – члена ОВД и СЭВ.

Обозначенная тенденция вполне соответствовала политике «сдерживания», способствуя осложнению отношений внутри социалистического лагеря. С точки зрения американских аналитиков, следуя «особым курсом», Румыния достигла в своей внешней политике максимально допустимых пределов независимости для государств – членов ОВД и по данному показателю заметно выделялась среди партнеров по блоку [10], что могло служить залогом дальнейшего американо-румынского сближения. Тем не менее к концу 1980-х гг. отношения двух стран охладились, что было связано с глобальными изменениями на международной арене, и в первую очередь с радикальной корректировкой советской внешней политики.

«Новое политическое мышление», провозглашенное советским руководством, базировалось на стремлении соединить политику и морально-нравственные принципы, отказаться от силовых методов решения международных споров, деидеологизировать межгосударственные отношения, найти реальный путь прекращения холодной войны, обеспечить достижение глобальных интересов всего человечества [11]. Эти идеи в полной мере устраивали Вашингтон, поскольку способствовали ослаблению советского контроля за государствами Восточной Европы и утверждению в них демократических режимов. Последнее еще второй администрацией Р. Рейгана рассматривалось в качестве одного из успешных способов вытеснения советского влияния, что позволяло обеспечить американское присутствие в восточноевропейских странах и открывало в перспективе возможности для установления гегемонии США в мире [12]. Вмешательство Советского Союза во внутренние дела соцстран резко снизилось, что сделало невозможным поддержание жизнеспособности и легитимности существовавших там режимов. Происходившие политические изменения немедленно признавались Москвой законным и правомерным выражением воли народов [13].

В предложениях Горбачёва было много идеализации и мало прагматизма, они в значительной степени ущемляли интересы Советского Союза. По мнению Буша, Горбачеву в этот период изменяло чувство политической реальности, он «не понимал действительного положения, сложившегося в Восточной Европе» [14]. Осознавая, что ситуация развивается в выгодном русле, американское руководство стремилось «не создавать Горбачеву политических проблем в отношениях с партийными ортодоксами» в СССР и странах ОВД, чтобы не «побудить их восстать против начавшихся изменений» [15].

Чаушеску стал одним из немногих политических лидеров, кто не поддержал горбачевскую перестройку, утверждая, что она ведет к крушению социализма и развалу компартий. Румыния активно налаживала связи с Кубой, КНДР, Албанией, Китаем, Ираном, Ираком, Вьетнамом и другими недружественными США странами. Такая позиция не могла быть одобрена Вашингтоном. Политика Чаушеску становилась потенциальной угрозой реализации американских интересов. Во-первых, румынский лидер стремился акцентировать внимание Горбачёва на возможных неблагоприятных последствиях «перестройки» для СССР, а во-вторых, примеру «особого курса», отвергающего наставничество не только Москвы, но и Вашингтона, могли последовать главы других социалистических государств.

В 1989 г. по Восточной Европе прокатилась волна демократических революций. Ряд исследователей утверждает, что они были подготовлены при активном содействии Вашингтона. Другие – что США и НАТО не вмешивались в происходившее в странах ОВД и зачастую даже не были информированы о деталях этих процессов [16]. В любом случае имела место совокупность внешне- и внутриполитических факторов в каждой из стран региона, где к концу 1980-х гг. происходило созревание антисоветских настроений [17]. Важную роль в этом играло ухудшение экономического положения социалистических стран. Это предоставляло США возможность активно взаимодействовать с политической, экономической и интеллектуальной элитой Восточной Европы, поддерживать оппозиционные группы, осуществлять экономическое проникновение в восточноевропейские страны, чтобы тем самым способствовать их независимости от СССР, а также стимулировать распад государственных образований и политических систем, находившихся под его контролем [18].

Важнейшим инструментом усиления влияния США стало распространение демократии американского образца во всём мире. В центр внимания были поставлены вопросы уважения

прав человека, политического плюрализма, становления демократических институтов [19]. Сложившаяся в Румынии ситуация предоставляла Вашингтону прекрасную возможность подвергнуть режим Чаушеску жёсткой критике. К 1989 г. ценой колоссального напряжения экономики и лишений для населения Бухарест выплатил весь внешний долг. Произошло абсолютное сокращение национального дохода и промышленного производства, уровень жизни резко снизился, росло недовольство. В Румынии господствовало откровенное насилие, существовал доведенный до абсурда культ личности Чаушеску, отсутствовало гражданское общество, страна не имела ни малейшего демократического опыта. Хотя скрытые оппозиционные настроения существовали, они не находили своего идейного и организационного оформления [20]. Руководство страны упорно отказывалось от каких-либо реформ. Широкий размах приобрели коррупция, незаконное присвоение общественных благ, неоправданные привилегии власть имущих.

Выступая на пресс-конференциях, Буш отмечал, что в Румынии существует «режим, который мы (США. – М. Р.) осуждаем» [21], правительство Чаушеску систематически нарушает фундаментальные права своих граждан, однако в свете происходящих в мире изменений Румыния вряд ли сможет противостоять наметившимся в Восточной Европе положительным тенденциям и неизбежно встанет на путь демократических преобразований. Президент также выражал намерение Соединенных Штатов, несмотря на трудности, всячески содействовать позитивным изменениям в этой стране [22].

В начале декабря 1989 г. на Мальте состоялась встреча лидеров США и СССР, которая прошла в атмосфере предельно доброжелательной откровенности и являла собой «прорыв» в отношениях двух сверхдержав [23]. Буш и Горбачев солидаризировались в позитивной оценке происходивших в Восточной Европе преобразований [24]. Это обстоятельство привело Чаушеску к выводу, что все изменения, происходившие в соцблоке, – государственные перевороты, организованные Советским Союзом при поддержке Америки и Запада [25].

Несмотря на растущее недовольство румынского населения, до конца 1989 г. ситуация в стране оставалась спокойной. По воспоминаниям И. Илиеску, в тот период во всех эшелонах власти, включая самые высшие её структуры, зрело недовольство вождем, по сути, весь народ участвовал в своего рода заговорах против Чаушеску [26]. В середине декабря начались волнения в Тимишоаре, которые очень скоро были поддержаны жителями других городов, в том числе Бухареста. Народные массы, в значительной мере спровоцированные акциями режима, стали главной действующей силой событий [27]. Полиции было приказано разогнать протестующих. Просуществовавший четверть века режим уходил, захлебываясь в крови. Всего 22 декабря погибло 942 человека, было ранено 2245 [28]. Николае Чаушеску и его жена Елена были арестованы и 25 декабря в ходе наспех организованного суда приговорены к смертной казни, которая немедленно была приведена в исполнение. Власть в Румынии перешла к Фронту национального спасения во главе с И. Илиеску.

Соединенные Штаты резко осудили действия полиции против демонстрантов [29]. В конце декабря 1989 г. Буш отметил, что он всецело поддерживает румынский народ и беспокоится о его благополучии и свободе [30]. В поздравительном послании новому главе Румынии И. Илиеску президент выразил надежду на то, что теперь страна будет двигаться по мирному пути демократических преобразований, и обещал поддержку и помощь США на время переходного периода [31].

После свержения режима Чаушеску американско-румынские отношения вновь стали налаживаться. Илиеску взял курс на интеграцию страны в евроатлантические структуры. При этом интересы доживавшего свой век Советского Союза в новой расстановке сил ввиду ослабления его экономического потенциала и политического влияния на международной арене в расчет практически не принимались [32].

Начало 1990-х гг. привело к колоссальным изменениям политической картины мира. Не стало СССР, социалистического блока стран, а также связанных с ними организаций и структур. Соединенным Штатам, как и многим другим государствам, пришлось переосмыслить своё место, цели и задачи в «новом» мире. Для американских аналитиков было очевидно, что важнейшей причиной победы в американско-советском противостоянии стали непрекращавшиеся с 1940-х гг. попытки Вашингтона создать многостороннюю систему институтов, союзов, торговых соглашений и политических партнерств. Это помогло вовлечь многие страны в орбиту Соединенных Штатов. Альянсы, партнерства, мультилатерализм и демократия стали важнейшими инструментами, обеспечившими победу США в холодной войне [33].

Когда перед американской администрацией встал вопрос о дальнейшей судьбе НАТО, было очевидно, что Североатлантический альянс необходимо сохранить, несколько скорректировав его функциональное значение. Организация провозглашалась одним из важнейших гарантов мира в Европе и помощником в адаптации стран к изменившимся международным условиям [34]. США заявили о необходимости борьбы с новыми угрозами, такими как внутренние конфликты,

порождаемые этнической и религиозной ненавистью, терроризмом, распространением оружия массового уничтожения. Решение этих задач предполагало изменение состава и функций альянса [35] и, вместе с тем, позволяло в очередной раз подчеркнуть мессианскую роль Америки, которая к началу 1990-х гг. являлась «единственной всеобъемлющей глобальной силой» и которой «по-прежнему суждено было играть особую роль в мире, желает ли она того или нет» [36].

После распада СССР, роспуска ОВД и СЭВ национальные интересы новой России еще не были осознаны и четко сформулированы. Администрация Клинтона стремилась путём баланса уступок и сдерживаний направлять Россию в русло своей внешней политики указанием пути демократических преобразований по американскому образцу. Наибольшую критику США в этот период вызывали попытки Кремля отстаивать свои интересы на международной арене [37]. В рамках НАТО были разработаны программы сотрудничества «Партнерство во имя мира» и «Средиземноморский диалог». В Москве полагали, что они будут предусматривать лишь сотрудничество бывших соцстран с НАТО, а не их членство в организации. Однако позиция США сводилась к тому, что страны Центральной и Восточной Европы независимы и способны самостоятельно решать, к каким военнополитическим организациям им присоединяться. Началось расширение НАТО на восток, которое можно считать очередным инструментом сдерживания России. В 1999 г. альянс закрепил за собой право использовать силу за пределами своих границ.

Привлекательность Румынии для НАТО и ЕС заключается в её выгодном геостратегическом положении. Она находится в непосредственной близости к Балканам, Кавказу, а также районам Ближнего и Среднего Востока. Контроль Румынии над нижней частью Дуная, а также наличие нефти вызывает интерес к развитию экономических связей с этой страной. Выход к Черному морю открывает возможности влиять на ситуацию в регионе, где пересекаются интересы Турции, России, Украины, Восточных Балкан, стран Кавказа. Здесь сконцентрированы проблемы, угрожающие безопасности Европы: нелегальная миграция, безопасность энергоснабжения, наркотрафик и торговля оружием. Вместе с тем Румыния находится на цивилизационном перекрестке, где пересекается влияние православия, ислама, а также усиливается влияние западной политической культуры [38].

На сайте Госдепартамента США отмечено, что после революции 1989 г. политика Румынии стала «однозначно прозападной», эта страна «зарекомендовала себя в качестве последовательного союзника как США, так и НАТО» [39]. Действительно, в 1994 г. она присоединилась к программе «Партнерство во имя мира», в 1995 г. начала индивидуальное партнерство с НАТО, а в 1997 г. получила статус страны – кандидата на членство. Бухарест стремился к участию в различных прозападных организациях [40]. Руководству страны было ясно, что реализация государственных интересов зависела от соответствия внешнеполитического курса Румынии целям США [41].

По этой причине в 1990–2000-х гг. особое внимание Бухарест уделял выработке своей позиции на международной арене. Несмотря на сильное противодействие общественного мнения внутри страны, Румыния поддержала натовские бомбардировки Югославии в 1999 г., что впоследствии стало одним из самых убедительных аргументов в пользу принятия её в НАТО [42]. После терактов 11 сентября 2001 г. страна уверенно заявила о своём намерении участвовать в международной борьбе против терроризма с использованием всех имевшихся у неё средств. Войскам Североатлантического альянса был предоставлен доступ к аэропортам, наземным и морским объектам. Румыния принимала участие в войнах в Афганистане и Ираке.

С 29 марта 2004 г. Румыния официально стала членом НАТО, после чего Бухарест и Вашингтон продолжили усиление сотрудничества. Выступая в марте 2005 г. в Совете по международным отношениям в ходе своего визита в США, президент Т. Бэеску заявил, что «Румыния готова стать плацдармом для распространения ценностей свободы и демократии в регионе Черного моря» [43]. Рамочный договор о размещении на румынской территории американских баз был подписан в декабре того же года, став первым соглашением такого рода с бывшей социалистической страной в Восточной Европе. Это вызвало серьёзную обеспокоенность России, поскольку размещение военных баз США в Румынии ведёт к увеличению оперативной дальности деятельности войск НАТО на 600–650 км к востоку и даёт Вашингтону возможность контролировать черноморскую зону и Приднестровье [44].

В 2011 г. между Вашингтоном и Бухарестом было подписано соглашение о баллистической противоракетной обороне, предполагавшее размещение американского персонала, оборудования и ракет-перехватчиков на территории Румынии в течение ближайших пяти лет. Страны также приняли двустороннюю совместную декларацию о стратегическом партнерстве, где были определены ключевые области для расширения сотрудничества: военно-политические отношения, правоохранительная деятельность и борьба с терроризмом, торговля и инвестиции, энергетическая безопасность. После изменения геополитической ситуации в Черноморском регионе, про-

изошедшего в марте 2014 г., стремление Вашингтона к сотрудничеству с Бухарестом усилилось [45]. В октябре того же года в Румынии появилась первая военно-морская база США, а в 2015 г. на её территории были размещены элементы американской противоракетной обороны [46].

В феврале 2000 г. Румыния начала переговоры о вступлении в Евросоюз. Несмотря на серьёзные экономические проблемы, наличие патрон-клиентских отношений между элитами и обществом, несформированность гражданского общества, ей всё же удалось добиться результатов, которые в целом удовлетворили зарубежных партнеров. 1 января 2007 г. Румыния стала членом Европейского союза [47].

Согласно стратегии национальной обороны на 2015–2019 гг. её деятельность направлена на развитие сотрудничества с государствами евроатлантического региона в рамках инициатив НАТО и ЕС. В настоящее время Бухарест постоянно демонстрирует лояльность геополитической стратегии Запада, при этом в большей мере политике США, нежели стран Евросоюза [48]. Отношения Бухареста и Москвы неоднозначны и в первую очередь зависят от характера американо-российского диалога [49].

На протяжении последних 70 лет Соединенные Штаты по мере возможности использовали Румынию как фактор сдерживания СССР, а впоследствии – России. До середины 1960-х гг. румынская политика США осуществлялась в рамках генерального курса по отношению ко всей группе социалистических стран. Американское руководство считало наиболее рациональным использовать факты, подтверждающие зависимость Бухареста от Москвы, для дискредитации Советского Союза в глазах мировой общественности. После прихода к власти Н. Чаушеску Вашингтон всячески поощрял «особый путь» Румынии и её постепенное дистанцирование от СССР.

На рубеже 1980–1990-х гг., когда расстановка сил на мировой арене стремительно менялась, США удалось своевременно использовать открывшиеся для них возможности. Внешнеполитический курс Буша-старшего реализовывался в благоприятных условиях. Политика «сдерживания» в период перестройки скорректировалась. Курс в отношении Советского Союза и «новой» России стал более мягким и доброжелательным, что, безусловно, было связано с выгодными для Вашингтона тенденциями во внешней политике Кремля. Отношения с Румынией, напротив, осложнились из-за того, что Чаушеску не поддержал начавшиеся в социалистическом блоке преобразования. Позитивные тенденции возродились сразу после свержения прежнего режима и перехода Бухареста к последовательной проамериканской политике.

Несмотря на то что с распадом Советского Союза холодная война закончилась, идиллия в американо-российских отношениях не наступила. Как только Москва заговорила о своих национальных интересах, Вашингтон вновь ужесточил свой курс, стремясь не допустить возрождения прежней мощи бывшего противника. Главными элементами «сдерживания» после 1991 г. стали расширение НАТО на восток, поддержка евроинтеграции, усиление своего экономического влияния. На сегодняшний день важнейшей задачей США остаётся закрепление за собой статуса единственной сверхдержавы. В связи с этим особую важность для них имеет усиление геополитических позиций в первую очередь за счёт размещения американских военных объектов на территориях бывших социалистических стран Восточной Европы, к числу которых относится Румыния.

Примечания

1. Иванов Р. Ф. Крушение Организации Варшавского договора и Советского Союза. Американская версия // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 170.

2. АВП РФ. Ф. 125. Оп. 26. П. 23а. Д. 15. Л. 50; *Kolko G. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943–1945.* N. Y., 1968. P. 156; *Fisher-Galati S. The New Romania from People's Democracy to Socialist Republic.* Cambridge, 1967. P. 20; *King F. P. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943–1945.* N. Y., 1968. P. 74–75; *Карлей М. Дж. «Только СССР имеет... чистые руки»: Советский Союз, коллективная безопасность в Европе и судьба Чехословакии (1934–1938 годы)* // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 48–49, 56.

3. Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953 гг. / под ред. Т. В. Волокитиной. Т. 1. М., 2002. С. 24, 31–33.

4. Существуют косвенные свидетельства симпатий Г. Георгиу-Дежа к англо-американцам. В середине 1947 г. в Москву поступила записка члена РКП Э. Боднараша. В ней утверждалось, что основной причиной тяжелого экономического положения в Румынии Георгиу-Деж видел пребывание советских войск на её территории и выполнение условий перемирия. Автор также утверждал, что Георгиу-Деж симпатизировал англо-американцам, считая, что Советский Союз не может удовлетворить экономические нужды Румынии. См.: РГАСПИ. Ф.17. Оп. 128. Д. 1081. Л. 9.

5. *Гладышева А. А. Формирование «особого курса» Румынии в социалистическом лагере (середины 1950-х – начало 1960-х гг.)* // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 32.

6. Чаушеску поднял вопрос о возвращении Советским Союзом золотого запаса румынского Национального Банка, который был вывезен на хранение в Российскую империю во время Первой мировой вой-

ны. Румыния не пошла на разрыв дипломатических отношений с Израилем после Шестидневной войны, не только не поддержала, но и резко осудила ввод советских войск в Чехословакию, сохранила дипломатические отношения с Чили после военного переворота А. Пиночета. В 1979 г. официальный Бухарест резко осудил ввод советских войск в Афганистан.

7. Remarks on Arrival at Bucharest, Romania August, 2 1969. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2172&st=Romania&st1=>; First Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy for the 1970's. February 18, 1970. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2835&st=Romania&st1=>.

8. Remarks and a Question-and-Answer Session With Representatives of Greater Milwaukee Ethnic Organizations. April 2, 1976. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=5781&st=Romania&st1=>.

9. Presidential Campaign Debate October 6, 1976. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=6414&st=Romania&st1=>.

10. *Белевцева С. Н.* Позиция Конгресса и президента США в отношении «особого курса» Румынии во второй половине 1980-х гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4 (5). С. 116.

11. *Горбачев М. С.* Размышления о прошлом и будущем. М., 1998. С. 195–196, 200, 202.

12. *Белевцева С. Н.* Восточноевропейская стратегия США в конце 1980-х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 18.

13. *Горбачев М. С.* Указ. соч. С. 211.

14. Цит. по: *Иванов Р. Ф.* Указ. соч. С. 170, 173; *Белевцева С. Н.* Конгресс США о Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений в 1989–1996 гг. // 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Киров, 2015. С. 486; *Черняев А. С.* Шесть лет с Горбачёвым. М., 1993. С. 291.

15. Цит. по: *Иванов Р. Ф.* Указ. соч. С. 170, 173.

16. Подробнее см.: *Белевцева С. Н.* Конгресс США о Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений... С. 482–483; *Иванов Р. Ф.* Указ. соч. С. 169.

17. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Трансформации 90-х годов. Т. 3 / под ред. С. П. Глинкиной. М., 2002. С. 26.

18. *Белевцева С. Н.* Восточноевропейская стратегия США... С. 22.

19. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века... С. 25.

20. *Бэр Э.* Целуй руку, которую не можешь укунить // Иностранная литература. 1992. № 4. С. 173–225; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века... С. 18–19, 23, 49; 13.

21. Joint News Conference Following Discussions With French President Mitterrand in St. Martin, French West Indies. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17951&st=Romania&st1=>.

22. Proclamation 6005 – Helsinki Human Rights Day, 1989. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=1724&st=Romania&st1=>; Remarks and a Question-and-Answer Session With Reporters on the Relaxation of East German Border Controls. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17783&st=Romania&st1=>; Interview With Members of the White House Press Corps. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17880&st=Romania&st1=>.

23. *Черняев А. С.* Указ. соч. С. 301–303.

24. *Согрин В. В.* Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны». 1945–1991 годы // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 39.

25. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века... С. 49.

26. *Калашникова Н.* Версия одной казни // Столица. 1991. № 27. С. 59.

27. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века... С. 52.

28. Данные по: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века... С. 51.

29. Statement by Press Secretary Fitzwater on Romania's Suppression of Political Demonstrations. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17958&st=Romania&st1=>.

30. Remarks and a Question-and-Answer Session With Reporters in Corpus Christi, Texas. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17979&st=Romania&st1=>.

31. Так, правительство Соединенных Штатов пожертвовало 500 000 долларов в Международный комитет Красного Креста на нужды Румынии. См.: Statement by Press Secretary Fitzwater on the Situation in Romania. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17980&st=Romania&st1=>; Remarks at a Barbecue in Beeville, Texas. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17981&st=Romania&st1=>.

32. *Лошаков А. А.* Основные принципы внешней политики президента Румынии И. Илиеску (1990–1996 гг.) // Вестник нижегородского университета Н. И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 239.

33. Цит. по: *Юнгблуд В. Т.* 1945 год и современный мир // 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Киров, 2015. С. 39.

34. Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council (“The London Declaration”). URL: http://nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23693.htm?selectedLocale=ru.

35. *Фурне Ж.* Трансформация НАТО, 1990–2004 // Актуальные проблемы Европы. 2004. № 4. С. 10; *Белевцева С. Н.* Конгресс США о Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений... С. 495–496.

36. *Белевцева С. Н.* Конгресс США о Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений... С. 482.

37. Там же. С. 493.
38. U.S. Relations with Romania. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/35722.htm>; Биткова Т. Г. Евроатлантический выбор как фактор геополитики: случай Румынии // Восточная Европа в современной геополитике. М., 2008. С. 120–121.
39. U.S. Relations with Romania. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/35722.htm>.
40. Биткова Т. Г. Румыния и ближайшие соседи: контакты и региональные проекты // Восточная Европа в современной геополитике. М., 2008. С. 141, 147.
41. Биткова Т. Г. Евроатлантический выбор как фактор геополитики... С. 117.
42. Биткова Т. Г. Румыния и ближайшие соседи... С. 130.
43. The Black Sea Area: Advancing Freedom, Democracy, and Regional Stability // Council on Foreign Relations. URL: <http://www.cfr.org/world/black-sea-area-advancing-freedom-democracy-regional-stability/p7969>.
44. Биткова Т. Г. Евроатлантический выбор как фактор геополитики... С. 121–122.
45. НАТО разместит в Румынии тяжелую военную технику. URL: <https://rg.ru/2015/03/31/nato-site.html>.
46. Allen G. Reallocating NATO Forces in Europe // The Washington Times. 2003. 29 April; U.S. Relations with Romania. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/35722.htm>.
47. Баринов И. И. Траектории нацистроительства в странах Восточной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59. № 12. С. 95–96; Биткова Т. Г. Евроатлантический выбор как фактор геополитики... С. 118.
48. Vezuina M. A. Romania and the Conditions of Ensuring National Security // European Research. 2016. № 3 (14). С. 108; Vezuina M. A. Новая глобальная стратегия безопасности ЕС и её возможные последствия для внешней политики Румынии // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 6 (48). С. 211–212.
49. Биткова Т. Г. Румыния и ближайшие соседи... С. 135; Биткова Т. Г. Евроатлантический выбор как фактор геополитики... С. 125.

Notes

1. Ivanov R. F. Krushenie Organizacii Varshavskogo dogovora i Sovetskogo Soyuz. Amerikanskaya versiya [Collapse of the Warsaw Pact and the Soviet Union. The American version] // Novaya i novejshaya istoriya – New and newest history. 2000, No. 1, p. 170.
2. AVP RF. F. 125. Sh. 26. Art. 23a. File 15. Sh. 50; Kolko G. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943–1945. N. Y., 1968. P. 156; Fisher–Galati S. The New Romania from People's Democracy to Socialist Republic. Cambridge, 1967. P. 20; King F. P. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943–1945. N. Y., 1968. P. 74–75; M. J. Carley. «Tol'ko SSSR imeet... chistye ruki»: Sovetskij Soyuz, kollektivnaya bezopasnost' v Evrope i sud'ba CHechoslovakii (1934–1938 gody) ["Only the USSR has... clean hands": the Soviet Union, collective security in Europe and the fate of Czechoslovakia (1934–1938 years)] // Novaya i novejshaya istoriya – New and newest history. 2012, No. 1, pp. 48–49, 56.
3. Sovetskij faktor v Vostochnoj Evrope, 1944–1953 gg. – The Soviet factor in Eastern Europe 1944–1953s / ed. by T. V. Volokitina. Vol. 1. M. 2002. Pp. 24, 31–33.
4. There are indirect evidence of the sympathy of G. Gheorghiu–Dej to the Anglo–Americans. In mid–1947 in Moscow they received a note from the member of the RCP E. Bodnarash. It was argued that the main reason for the difficult economic situation in Romania Gheorghiu–Dej considered to be the presence of Soviet troops on its territory and the conditions of the truce. The author also argued that Gheorghiu–Dej was sympathetic to the Anglo–Americans, believing that the Soviet Union can not meet the economic needs of Romania. See: RGASPI. F. 17. Sh. 128. File 1081. Sh. 9.
5. Gladysheva A. A. Formirovanie «osobogo kursa» Rumynii v socialisticheskom lagere (seredina 1950–h – nachalo 1960–h gg.) [Formation of a "special course" of Romania in the socialist camp (mid 1950s – early 1960s)] // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanities and legal studies. 2014, No. 2, p. 32.
6. Ceausescu raised the issue of the return by the Soviet Union gold reserves of the Romanian National Bank, which was removed for safekeeping to the Russian Empire during the First world war. Romania did not break diplomatic relations with Israel after the six day war, not only supported, but strongly condemned the Soviet invasion of Czechoslovakia maintained diplomatic relations with Chile after the military coup of Augusto Pinochet. In 1979, Bucharest condemned the Soviet invasion of Afghanistan.
7. Remarks on Arrival at Bucharest, Romania August, 2 1969. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2172&st=Romania&st1=>; First Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy for the 1970's. February 18, 1970. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2835&st=Romania&st1=>.
8. Remarks and a Question–and–Answer Session With Representatives of Greater Milwaukee Ethnic Organizations. April 2, 1976. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=5781&st=Romania&st1=>.
9. Presidential Campaign Debate October 6, 1976. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=6414&st=Romania&st1=>.
10. Belevtseva S. N. Poziciya Kongressa i prezidenta SSHA v otnoshenii «osobogo kursa» Rumynii vo vtoroj polovine 1980–h gg. [The position of Congress and the President of the United States against the "special course" of Romania in the second half of the 1980s.] // estnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities. 2012, No. 4 (5), p. 116.
11. Gorbachev M. S. Razmyshleniya o proshlom i budushchem [Reflections on the past and future]. M. 1998. Pp. 195–196, 200, 202.

12. Belevtseva S. N. Vostochnoevropeskaya strategiya SSHA v konce 1980–h godov [The Eastern strategy of the United States in the late 1980–ies] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and newest history. 2002, No. 6, p. 18.
13. Gorbachev M. S. Op. cit. P. 211.
14. Cit. by: Ivanov R. F. Op. cit. P. 170, 173; Belevtseva S. N. Kongress SSHA o YAltinsko–Potsdamskoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij v 1989–1996 gg. [The U.S. Congress on the Yalta–Potsdam system of international relations in 1989–1996] // 1945 god: formirovanie osnov poslevoennogo miroustrojstva: sb. materialov Vseros. nauch. konf., posvyashch. 70–letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne – 1945: laying the foundations of the postwar world order: materials of All–Russia scientific conf. to the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. Kirov. 2015. P. 486; A.S. Chernyaev SHeSt' let s Gorbachyovym [Six years with Gorbachev]. M. 1993. P.291.
15. Cit. by: Ivanov R. F. Op. cit. P. 170, 173.
16. For more details see: Belevtseva S. N. Kongress SSHA o YAltinsko–Potsdamskoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij... [The U.S. Congress on the Yalta–Potsdam system of international relations...] Pp. 482–483; Ivanov R. F. Op. cit. P. 169.
17. Central'no–Vostochnaya Evropa vo vtoroj polovine XX veka. Transformacii 90–h godov. – Central–Eastern Europe in the second half of the twentieth century. The transformation of the 90–ies. Vol. 3. / under the editorship of S. P. Glinkina. M. 2002. P. 26.
18. Belevtseva S. N. Vostochnoevropeskaya strategiya SSHA... [The Eastern strategy of the United States...] P. 22.
19. Central'no–Vostochnaya Evropa vo vtoroj polovine XX veka... – Central–Eastern Europe in the second half of the XX century. P.25.
20. E. Behr Celuj ruku, kotoruyu ne mozhesh' ukusit' [Kiss the hand you cannot bite] // *Inostrannaya literatura* – Foreign literature. 1992, No. 4, pp. 173–225; Central–Eastern Europe in the second half of the twentieth century... Pp. 18–19, 23, 49; 13.
21. Joint News Conference Following Discussions With French President Mitterrand in St. Martin, French West Indies. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17951&st=Romania&st1=>.
22. Proclamation 6005 – Helsinki Human Rights Day, 1989. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=1724&st=Romania&st1=>; Remarks and a Question–and–Answer Session With Reporters on the Relaxation of East German Border Controls. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17783&st=Romania&st1=>; Interview With Members of the White House Press Corps. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17880&st=Romania&st1=>.
23. Chernyaev A. S. Op. cit. Pp. 301–303.
24. Sogrin V. V. Dinamika sopernichestva SSSR i SSHA v period «holodnoj vojny». 1945–1991 gody [Dynamics of rivalry between the USSR and the USA during the "cold war". 1945–1991] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and newest history. 2016, No. 1, p.39.
25. Central'no–Vostochnaya Evropa vo vtoroj polovine XX veka... – Central–Eastern Europe in the second half of the XX century. P. 49.
26. Kalashnikova N. Versiya odnoj kazni [Version of one execution] // *Stolica* – The Capital. 1991, No. 27, p. 59.
27. Central'no–Vostochnaya Evropa vo vtoroj polovine XX veka... – Central–Eastern Europe in the second half of the XX century. P.52.
28. Data form: Central and Eastern Europe in the second half of the XX century... P.51.
29. Data from: Central'no–Vostochnaya Evropa vo vtoroj polovine XX veka... – Central and Eastern Europe in the second half of the XX century... p.51.
30. Statement by Press Secretary Fitzwater on Romania's Suppression of Political Demonstrations. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17958&st=Romania&st1=>. Remarks and a Question–and–Answer Session With Reporters in Corpus Christi, Texas. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17979&st=Romania&st1=>.
31. So, the United States government donated \$ 500,000 to the international Committee of the Red Cross to the needs of Romania. See: Statement by Press Secretary Fitzwater on the Situation in Romania. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17980&st=Romania&st1=>; Remarks at a Barbecue in Beeville, Texas. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17981&st=Romania&st1=>.
32. Loshakov A. A. Osnovnye principy vneshnej politiki prezidenta Rumynii I. Iliescu (1990–1996 gg.) [Basic principles of the foreign policy of the President of Romania I. Iliescu (1990–1996 gg.)] // *Vestnik nizhegorodskogo universiteta N. I. Lobachevskogo* – Herald of Nizhny Novgorod University n.a. N. Lobachevsky. 2008, No. 5, p. 239.
33. Cit. by: V. T. Jungblut 1945 god i sovremennyj mir [1945 and the modern world] // 1945 god: formirovanie osnov poslevoennogo miroustrojstva: sb. materialov Vseros. nauch. konf., posvyashch. 70–letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne – 1945: laying the foundations of the postwar world order: materials of All–Russia scientific conf. to the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. Kirov. 2015. P.39.
34. Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council ("The London Declaration"). Available at: http://nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23693.htm?selectedLocale=ru.
35. Jean Fournet. Transformaciya NATO, 1990–2004 [NATO's transformation, 1990–2004] // *Aktual'nye problemy Evropy* – Actual problems of Europe. 2004, No. 4, p. 10; Belevtseva S. N. [The U.S. Congress on the Yalta–Potsdam system of international relations...] Pp. 495–496.
36. Belevtseva S. N. Kongress SSHA o YAltinsko–Potsdamskoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij... [The U.S. Congress on the Yalta–Potsdam system of international relations...] P. 482.
37. Ibid. P. 493.

38. U. S. Relations with Romania. Available at: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/35722.htm>; Bitkova T. G. Euro-Atlantic choice as a factor of geopolitics: the case of Romania / Eastern Europe in modern geopolitics. M., 2008. S. 120-121.
39. U.S. Relations with Romania. Available at: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/35722.htm>.
40. Bitkova T. G. Rumyniya i blizhajshie sosedi: kontakty i regional'nye proekty [Romania and neighbours: contacts and regional projects] // Vostochnaya Evropa v sovremennoj geopolitike – Eastern Europe in modern geopolitics. M. 2008, pp. 141, 147.
41. Bitkova T. G. Evroatlanticheskij vybor kak faktor geopolitiki... [Euro-Atlantic choice as a factor of geopolitics...] P. 117.
42. Bitkova T. G. Rumyniya i blizhajshie sosedi... [Romania and next-door neighbors...] P. 130.
43. The Black Sea Area: Advancing Freedom, Democracy, and Regional Stability // Council on Foreign Relations. Available at: <http://www.cfr.org/world/black-sea-area-advancing-freedom-democracy-regional-stability/p7969>.
44. Bitkova T. G. Evroatlanticheskij vybor kak faktor geopolitiki... [Euro-Atlantic choice as a factor of geopolitics...] Pp. 121-122.
45. NATO razmestit v Rumynii tyazheluyu voennuyu tekhniku – NATO will place in Romania heavy military equipment. Available at: <https://rg.ru/2015/03/31/nato-site.html>.
46. Allen G. Reallocating NATO Forces in Europe // The Washington Times. 2003. 29 April; U.S. Relations with Romania. Available at: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/35722.htm>.
47. Barinov I. I. Traektorii naciestroitel'stva v stranah Vostochnoj Evropy [Trajectory of nation-building in Eastern Europe] // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World economy and international relations. 2015. Vol. 59. No. 12. Pp. 95-96; Bitkova T. G. Evroatlanticheskij vybor kak faktor geopolitiki... [Euro-Atlantic choice as a factor of geopolitics...] P. 118.
48. Vezuina M. A. Romania and the Conditions of Ensuring National Security // European Research. 2016. № 3 (14). P. 108; Vezunina M. A. Novaya global'naya strategiya bezopasnosti ES i eyo vozmozhnye posledstviya dlya vneshnej politiki Rumynii [New global EU security strategy and its possible consequences for Romania's foreign policy] // Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya – Problems of modern science and education. 2016, No. 6 (48), pp. 211-212.
49. Bitkova T. G. Rumyniya i blizhajshie sosedi... [Romania and next-door neighbors...] p. 135; T. G. Bitkova Evroatlanticheskij vybor kak faktor geopolitiki... [Euro-Atlantic choice as a factor of geopolitics]. P. 125.

УДК 94(519) История Кореи

Д. А. Садаков

Корея 1945–1948. Решения США и СССР в процессе конструирования будущего полуострова как триггеры раскола*

Союзники по антигитлеровской коалиции, определяя облик послевоенного мира в годы Второй мировой войны, взяли на себя ответственность за строительство единого и независимого корейского государства после освобождения территории полуострова. Таким образом, вопрос об ответственности за раскол Кореи – это в первую очередь вопрос ответственности внешних сил. Процесс раздела Корейского полуострова целесообразно представить в виде последовательности принятия череды принципиальных решений, вносящих свой вклад в дело раскола страны. Анализ процесса принятия международных решений по вопросу о будущем Кореи позволяет сделать вывод, что обсуждение данной проблемы велось при безоговорочном лидерстве Соединённых Штатов, каждый раз инициатива по переходу к сценарию на раскол исходила от США, которые пытались защитить своё влияние на полуострове от коммунистической угрозы, не считаясь с территориальной целостностью Кореи.

During the Second World War Allied powers took responsibility for the construction of a unified and independent state after the liberation of the Korean peninsula. Consequently, the question of responsibility for the division of Korea is a question of the responsibility of external forces. Partition of Korea should be presented as a series of international decisions. Each of them made a contribution to the country's division. Analysis of the international decision-making on the future of Korea leads to the conclusion that the discussion on this issue was conducted with unconditional leadership of the United States and every time the initiative for switching to the division scenario came from the US, trying to protect its influence on the peninsula from the communist threat, regardless of the status of Korean territorial integrity.

Ключевые слова: раскол Кореи, освобождение Кореи, советско-американские отношения, внешняя политика США, ООН.

Keywords: division of Korea, liberation of Korea, soviet-american relations, US foreign policy, United Nations.

* Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6.

Раскол Кореи на два независимых государства, ставший реальностью в 1948 г., на долгие годы сделал этот полуостров постоянным источником напряжённости на международной арене. Эта проблема продолжает сохранять свою актуальность и по сей день.

Причиной раскола послужил сложный комплекс факторов, как международных, так и внутренних. Однако важно подчеркнуть, что именно союзники по антигитлеровской коалиции, определяя облик послевоенного мира в годы Второй мировой войны, взяли на себя ответственность за строительство единого и независимого корейского государства после освобождения территории полуострова от японской армии, а значит вопрос об ответственности за раскол Кореи – это в первую очередь вопрос ответственности внешних сил. Стоит отметить, что позиции наиболее глубоко погружённых в корейские дела США и СССР поначалу не носили конфликтный характер, так как обе стороны выступали за построение единого и независимого корейского государства, способного стать своеобразной буферной зоной. Поэтому процесс раздела Корейского полуострова целесообразно представить в виде последовательности принятия череды принципиальных решений, каждое из которых могло идти вразрез прежнему курсу или угрожать единству корейского полуострова, тем самым внося свой вклад в дело раскола страны. Анализируя эти решения, необходимо обратить внимание на три главных момента: инициатора их принятия, цели, которые планировалось достичь, а также последствия реализации инициативы.

На 1945 г. общие контуры будущего корейского урегулирования уже были согласованы между ведущими игроками. Обсуждение этой проблемы велось по инициативе и при безоговорочном лидерстве Соединённых Штатов. В качестве базового сценария послевоенного будущего Кореи была принята предложенная президентом США Ф. Рузвельтом концепция опеки. Суть этой идеи заключалась в создании специального международного органа, который бы взял на себя подготовку находящегося под японским колониальным гнётом корейского народа к независимости. В отличие от многих других вопросов, обсуждение которых велось на международных конференциях периода Второй мировой войны, разногласий по проблеме будущего Кореи практически не возникало. Косвенно этому способствовала малозначительность корейского вопроса на фоне европейских проблем, а также малая осведомлённость истеблишмента великих держав о ситуации в этой стране.

Переход от сотрудничества к конкуренции между США и СССР применительно к корейскому вопросу начал происходить после того, как в апреле 1945 г. президентом США стал Г. Трумэн. По мнению историка У. Мискембла, новый американский лидер искренне пытался продолжать внешнеполитическую линию своего предшественника на этом посту [1]. Однако, будучи вице-президентом, Трумэн не был посвящён в детали целого ряда важнейших международных и стратегических событий и процессов [2]. Лишённый рузвельтовского идеализма и стратегического видения, Трумэн, несмотря на свои антиколониальные воззрения [3], в первую очередь увязывал корейский вопрос с общей стратегией США в войне против Японии [4]. Весной 1945 г. военные советники американского президента настаивали на важности вступления СССР в войну на Тихом океане, оценивая в 500 000 человек ориентировочные американские потери в случае десанта на Японские острова при сохранении японского контроля над Китаем [5]. Соответственно, вопросы сдерживания военной мощи Советского Союза на второстепенном корейском театре не играли ведущей роли в принятии решений о будущем этой азиатской страны.

16 июля 1945 г. произошло событие, во многом перечеркнувшее прежние планы Соединённых Штатов. Им стало успешное испытание американской атомной бомбы. Это событие повлекло за собой кардинальные изменения в американской внешней политике. Уже в ходе Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) состоялась встреча Трумэна с начальником штаба сухопутных войск США генералом Дж. Маршаллом и верховным главнокомандующим союзных войск на Юго-Восточно-Азиатском театре боевых действий британцем Л. Маунтбеттеном, на которой обсуждалась возможность применения нового разрушительного оружия в войне против Японии с целью принуждения её к капитуляции [6]. С этого момента Трумэн начал терять интерес к вступлению СССР в войну на Тихом океане [7]. Сталин, напротив, стремился использовать военную силу на Дальнем Востоке для достижения своих геополитических целей в регионе [8].

Именно в этот период в Вашингтоне стали крепнуть подозрения по поводу намерений Москвы играть руководящую роль в корейских делах [9]. Так, ещё на Ялтинской конференции, когда Сталин озвучил своё предложение отказаться от установления опеки, если корейцы самостоятельно сумеют сформировать «удовлетворительное правительство», посол США в СССР А. Гарриман отмечал, что под термином «удовлетворительное правительство» Сталин подразумевал коммунистическое [10]. С течением времени опасения в недобросовестности Кремля укреплялись, в том числе благодаря поступающим слухам о формировании на советском Дальнем Востоке одной-двух дивизий, состоящих из этнических корейцев, которые могли бы использоваться

для захвата контроля над страной и создания подконтрольного Москве правительства [11]. Соответственно, в ходе подготовки к Потсдамской конференции американцы утвердились в желательности организации такого порядка административного управления полуостровом, при котором «Советский Союз обладал бы лишь номинальным голосом» [12].

Первым конфронтационным актом в советско-американских отношениях по поводу Кореи стало казавшееся поначалу техническим решение о разделении территории полуострова на две оккупационные зоны по 38-й параллели, которое было принято спустя три дня после того, как 8 августа 1945 г. Советский Союз вступил в войну против Японии. Как вспоминал Д. Раск, то, что Японская империя внезапно оказалась перед лицом военного поражения, побудило Госдепартамент и военные ведомства провести ряд срочных совещаний с целью подготовки инструкций, которые следовало бы дать главнокомандующему американскими войсками на Тихом океане генералу Д. Макартуру. На одном из таких собраний, затянувшемся вплоть до ночи с 10 на 11 августа, и была определена разграничительная линия между советскими и американскими войсками. В Госдепартаменте считали, что американская армия должна продвинуться как можно дальше на север, однако военные опасались, что факторы пространства и времени не позволят развить быстрое наступление до того, как подразделения РККА появятся на полуострове. В результате было решено заранее договориться с СССР о демаркационной линии. В этом качестве Госдепартаментом была предложена 38-я параллель, поскольку она располагалась гораздо севернее, чем успели бы продвинуться войска США, кроме того, американская зона оккупации включила бы в себя столицу Кореи Сеул, а также значительно большую часть корейского населения [13]. Аргументом в пользу разграничения по 38-й параллели были и особенности организационной структуры японских войск, размещённых на полуострове. К середине 1945 г. часть базирующихся в Корее подразделений подчинялась командованию Корейского военного округа, а часть входила в состав 17-й войсковой группы, непосредственно подчинённой главнокомандующему сил на Японских островах. Рубеж их зон ответственности практически совпадал с 38-й параллелью [14]. С. Уэллес (уже не работавший в Госдепартаменте к тому времени) в своей работе «Семь решений, сформировавших историю» убеждённо доказывает, что это решение было принято под давлением высокопоставленных офицеров из Пентагона и без консультаций с теми членами администрации, которые имели представление о политических и экономических условиях на полуострове, которые это решение столь откровенно игнорировали [15].

Также не консультировались американцы ни с корейцами, ни со своими союзниками по антигитлеровской коалиции. Как указывает в своих мемуарах Трумэн, «линия разделения Кореи по 38-й параллели никогда не была предметом международных дискуссий» [16]. До достижения полной и безоговорочной капитуляции противника власть в зонах ответственности должна была осуществляться военными администрациями союзников.

Образованные в итоге северная и южная зоны кардинально отличались друг от друга. Юг почти в полтора раза превосходил север по численности населения [17], американскими войсками была оккупирована столица Кореи – г. Сеул. С другой стороны, к северу от 38-й параллели располагались почти все разведанные на полуострове месторождения полезных ископаемых [18], вырабатывалась большая часть корейской электроэнергии, выплавлялось 95% корейской стали, добывалось 80% угля, производилось 85% продукции химической промышленности, в частности удобрений, в которых остро нуждалось сельское хозяйство Юга. Промышленность Южной Кореи носила, преимущественно, обрабатывающий характер – южнее 38-й параллели располагалось 65% корейского машиностроения и 80% производства товаров народного потребления, кроме того, на юге была сосредоточена пищевая промышленность страны [19]. Таким образом, северная и южная части Кореи до освобождения полуострова были теснейшим образом связаны между собой. После того как раздел полуострова на две оккупационные зоны стал свершившимся фактом, поддержание традиционных экономических связей было существенно затруднено. Соответственно, наравне с необходимостью выработки механизмов реализации существующих договорённостей по Корее, объективная реальность диктовала потребность в налаживании товарообмена и поставок электроэнергии между северной и южной оккупационными зонами, организации связи между советской и американской администрациями, обеспечения перемещения населения.

Как отмечает Ки Кван Со, «дислокация войск двух стран... обеспечивала им условия для реализации там собственных политических интересов» [20]. Тем не менее поначалу стороны старались избегать шагов, которые могли быть истолкованы как попытки саботировать договорённости военного периода, и приступить к созданию в своих оккупационных зонах сепаратных маррионеточных правительств.

На Севере местному населению объявлялось, что Советский Союз не намерен переустраивать политическую систему Кореи по образцу собственной политической системы, гарантировалась не-

прикосновенность частной собственности, свобода вероисповедания и создания рабочих организаций [21]. Историк Б. Камингс в монографии «Истоки Корейской войны» отмечает, что к началу декабря 1945 г. американская разведка заключила, что Советский Союз не стремится манипулировать народными комитетами, а, напротив, признаёт их в качестве руководящих органов в отдельных провинциях и населённых пунктах. Один из служащих советской администрации позволил себе следующую ремарку в беседе с неназванным американцем: «Нам нравятся англичане и американцы – они похожи на нас... Нам не нравятся корейцы. Мы останемся до формирования приемлемого правительства, а затем уйдём». Аналитики американской разведки предположили, что единое северокорейское правительство до сих пор не было образовано, потому что в Москве считали, что Север скоро вернётся под контроль центральной администрации в Корею [22].

Американцы также декларировали приверженность курсу на создание единого и независимого корейского государства. Базовая директива, определяющая генеральную линию американской стратегии по отношению к Корейскому полуострову после его освобождения, была подготовлена координационным подкомитетом государственного, военного и морского департаментов США по Дальнему Востоку к 17 октября 1945 г. Конечной задачей для военной администрации США на полуострове провозглашалось превращение корейского народа в свободную и независимую нацию, способную стать полноправным членом мирового сообщества. На пути к этой цели Вашингтон предлагал американским властям сосредоточить свои усилия на четырёх основных направлениях: принятии капитуляции японских войск; реализации комплекса мер по политическому и экономическому отделению Кореи от Японии; создании дееспособной экономической системы, а также способствовании процессу формирования органов местного самоуправления [23].

Негативную роль в этой ситуации сыграл стремительный рост взаимного недоверия между недавними союзниками. Хотя отношения между советскими и американскими войсками, расквартированными на полуострове, внешне оставались дружественными [24], уже осенью 1945 г. по Корею начали распространяться слухи, что СССР и США готовятся объявить друг другу войну. До американцев доходила информация, что бойцы РККА неоднократно обсуждали эту возможность в разговорах между собой. Более того, в распоряжении военной администрации США оказались сведения об активном перемещении советских войск на юг и о строительстве полевой линии обороны вдоль 38-й параллели [25].

Информационная закрытость Северной Кореи вкупе с молчанием командования РККА начинали провоцировать американцев на восприятие всерьёз самых разных, в том числе диких и нелепых, известий о происходящем на Севере – источники США на севере полуострова докладывали, что советская администрация искусственно формирует политические партии, состоящие из скрытых коммунистов, с целью манипуляции составом будущего объединённого корейского правительства, в то время как в новооткрытых коммунистических школах Кореи рассказывают о необходимости уничтожения США [26], а люди, перешедшие без визы 38-ю параллель, арестовываются по обвинению в шпионаже в пользу американцев [27].

В совокупности с крупными проблемами, которые испытывала американская администрация при наведении порядка на юге, представления американцев о ситуации в Северной Корею побуждали их к размышлениям над достаточно радикальными вариантами выхода из сложившегося положения. В частности, инициатором нового подхода стал помощник министра обороны США Дж. Макклой, который в ноябре 1945 г. предложил предотвратить захват коммунистами власти в Южной Корею путём формирования своего собственного, «разумного и уважаемого» правительства [28]. Со стороны Госдепартамента идеи Макклоя были развиты политическим советником администрации США в Корею У. Лэнгдоном, который сомневался в перспективах советско-американского диалога. В конечном итоге эти усилия и привели к выработке политики, в рамках которой сначала независимо от СССР были созданы корейские совещательные органы при американской администрации, а затем и провозглашён сепаратный южнокорейский режим [29]. На данном этапе зарождающиеся разногласия в советско-американских отношениях ощутимо осложняли осуществление межзонного взаимодействия, а также укрепляли опасения в недобросовестности партнёра по переговорам. С каждым днём риски фиксирования раскола полуострова росли.

В этих условиях потенциально фатальным оказалось следующее решение великих держав относительно будущего полуострова, принятое на Московском совещании министров иностранных дел 1945 г. Оно предусматривало создание Совместной советско-американской комиссии, которая должна была содействовать формированию Временного корейского демократического правительства, а также разработать меры помощи прогрессу корейского народа (опека), которая устанавливалась на срок до пяти лет [30]. Таким образом, задуманная ещё Рузвельтом задержка в предоставлении корейскому народу независимости окончательно стала реальностью. Данные

положения были приняты по инициативе Советского Союза, являясь, по факту, ответом на более раннее американское предложение, которое предполагало два этапа создания корейского государства. На первом этапе управление Кореей должны были осуществлять военные администрации Советского Союза и Соединённых Штатов. В это время предлагалось восстановить транспортное сообщение, ввести единую налоговую политику, решить проблему перемещённых лиц. Кроме того, американцы внесли предложение о создании объединённой администрации двух держав [31]. На второй стадии предполагалось установление четырёхстороннего управления страной при помощи организации опеки на срок до 10 лет, которую должен был осуществлять специальный административный орган, состоящий из представителей США, СССР, Великобритании и Китая. Во главе него должны были встать командующие советских и американских войск на территории Кореи. При этом США получали преимущество, так как согласно этому плану они могли бы использовать себе во благо британский и гоминьдановский голоса, что позволяло Вашингтону в течение длительного времени контролировать ситуацию в стране [32].

Таким образом, в отличие от американского предложения, которое, в случае его принятия, делало бы Вашингтон хозяином положения на полуострове, советский проект позволял соблюсти баланс интересов Кремля и Белого дома. Однако идеи Москвы также не были лишены недостатков. Главным из них стало сохранение в качестве уступки американцам вызывавшего негодование корейцев пункта об опеке.

Истоки концепции опеки связаны с англо-американским территориальным спором 1936–1939 гг., предметом которого являлся остров Кантон в Тихом океане [33]. В итоге стороны достигли компромисса – спорный остров вошёл в состав новообразованного кондоминиума Кантон и Эндербери, который на 50 лет был поставлен под совместное англо-американское управление, что обеспечило соблюдение интересов обеих держав [34]. Именно тогда у Рузвельта и возникла мысль, что «нет причин, по которым данный подход не мог успешно сработать и для гораздо больших по размеру территорий в других частях света» [35].

Другим источником вдохновения для рассматриваемой концепции служил филиппинский опыт США [36] – в 1935 г. Филиппинам был предоставлен автономный статус, на островах действовало переходное национальное правительство. В целом, концепция опеки предусматривала постепенное создание национального государства под тщательным присмотром со стороны специального международного органа.

В масштабах Тихого океана, наравне с антиколониальной составляющей, концепция опеки позволяла решить целый ряд стратегических задач – найти замену уходящей в небытие вместе с Лигой Наций мандатной системе, не допустить возврат в орбиту влияния старых колониальных держав отторгнутых Японией территорий, предотвратить приход к власти в опекаемых территориях радикальных движений и обеспечить доминирование в постколониальных странах нейтральных или, что более предпочтительно, дружественных США политических сил. Стоит отметить, что международный характер опеки формально соблюдал интересы союзников Соединённых Штатов по Антигитлеровской коалиции. По мнению Рузвельта, решение этих задач обеспечивало создание дееспособной Тихоокеанской системы международной безопасности как минимум на ближайшие 20 лет [37].

К концу 1945 г. важными стимулами к претворению в послевоенном мире рузвельтовской идеи опеки в жизнь по-прежнему были антиколониальные соображения. Однако они относились лишь к утраченным странами Оси колониям и бывшим подмандатным территориям Лиги наций, преимущественно располагавшимся на африканском континенте. Обязательства по опеке над ними впоследствии взяли на себя европейские колониальные страны. Вашингтон проявил реальный интерес лишь к опеке над рядом стратегически важных островов Тихого океана, что было дипломатическим прикрытием фактической аннексии этих территорий американцами с целью обустройства на них военных баз. Это ознаменовало собой свершившийся переход от идеалистического подхода Рузвельта к прагматическим решениям американского военного и дипломатического истеблишмента. Корея же находилась на перекрёстке этих двух направлений, являясь одновременно и колонией Японской империи, и стратегически важной точкой Тихоокеанского региона. Ситуацию осложняла заинтересованность в её судьбе имевших с ней сухопутную границу СССР и Китая. В этих условиях у Кореи был шанс оказаться одним из немногих в мире испытательных полигонов для практической проверки идеи международной опеки на не готовой к немедленному предоставлению независимости территорией на практике.

Сами корейцы, однако, крайне негативно восприняли принятые на конференциях союзных держав решения. Идея опеки над Кореей выглядела в глазах лидеров корейской эмиграции как «не соответствующая Атлантической хартии и противоречащая воле 30 000 000 корейцев» [38]. Опасались корейские лидеры и того, что китайцы могут воспользоваться этими обстоятельством

ми для вмешательства во внутренние дела будущей независимой Кореи [39]. Впрочем, риторика корейской эмиграции не оказывала заметного влияния на позицию руководства США.

Протесты против опеки продолжились и после освобождения полуострова. Так, правонационалистические партии выступили резко против Московских решений сразу после их публичного обнародования. Левые партии Юга Кореи также поначалу выступили в качестве организаторов протестных выступлений, однако вскоре перешли на позиции поддержки решений великих держав. По всей видимости, в Пхеньяне также не ожидали введения опеки в Корею. Ответственный секретарь Северокорейского оргбюро Компартии Кореи Ким Ир Сен в обращении к корейскому народу заявил, что «такое решение может более или менее противоречить нашему субъективному желанию» [40]. Тем не менее под давлением СССР северокорейские коммунисты согласились с решениями Московского совещания. Всё это внесло значительный вклад в процесс поляризации политического спектра полуострова. Кроме того, под большим вопросом находились перспективы советско-американского органа, который должен был принимать свои решения в условиях роста напряжённости как в международных, так и во внутрикорейских делах.

В целом, на Московском совещании министров иностранных дел 1945 г. великие державы оказались заложниками предшествующих договорённостей и не сумели выработать принципиально новых подходов, способных гарантировать создание единого и независимого корейского государства. Между тем подход Рузвельта, с которым Сталин в своё время согласился в ходе Ялтинской конференции, с самого начала исходил из неверных посылок – в условиях фактического отсутствия в США серьёзной корееведческой школы американским истеблишментом была проигнорирована многотлетняя история корейской государственности, а сама Корея поставлена в длинный ряд постколониальных стран, никогда не имевших суверенитета. Применение концепции опеки к полуострову было обусловлено тем, что в глазах США и их ближайших союзников Корея воспринималась как бывший «варварский вассал» Китая, которого аннексировали японцы и теперь приобщают к цивилизации жёсткими методами [41]. Население корейского полуострова виделось неспособным к самостоятельному государственному строительству и не готовым к передаче судьбы Кореи в руки её народа. В условиях стремительного повышения уровня напряжённости в советско-американских отношениях, растущей взаимоизоляции северной и южной оккупационных зон и резкой поляризации политического спектра Кореи решения о разделе Кореи по 38-й параллели и об отсрочке в предоставлении корейскому народу независимости преопределили скорую фиксацию раскола полуострова путём провозглашения двух независимых и враждебных друг другу государств.

Решение, непосредственно приведшее к этому результату, было принято спустя два года после Московского совещания министров иностранных дел, 17 сентября 1947 г. Именно тогда США объявили о намерении отказаться от реализации договорённостей с СССР и передать корейский вопрос на рассмотрение ООН [42].

Этому событию предшествовала долгая череда бесплодных дискуссий, проводимых в рамках работы Совместной советско-американской комиссии. Первое её заседание состоялось 20 марта 1946 г. в Сеуле. Продуктивность работы комиссии с самого начала оставляла желать лучшего. Стороны не могли прийти к общему решению ни о принципах организации Временного правительства, ни о мерах осуществления опеки над Кореей. Особые разногласия вызвал вопрос о порядке консультаций с корейскими политическими партиями и организациями. Ни одна из сторон не могла пойти на значительные уступки, что и привело к тупику в переговорах и последующей приостановке работы комиссии 6 мая 1946 г.

С каждым днём в среде американского истеблишмента, а также среди значительной части корейских правых националистов всё громче начинали звучать голоса в поддержку отказа от достижения договорённостей с СССР и создания сепаратного южнокорейского правительства. Впрочем, долгое время преимуществом владели сторонники продолжения взаимодействия с Советским Союзом. Так, в аналитической записке межведомственного комитета по Корею, подготовленной в конце февраля 1947 г., отмечалось, что только на первый взгляд кажется, что признание независимости Южной Кореи позволит сбросить с плеч США бремя ответственности за будущее полуострова. При более внимательном рассмотрении становилось ясно, что это не решит ни одной из актуальных проблем Кореи. В первую очередь это касалось южнокорейской экономики, которую можно было заставить эффективно функционировать лишь после объединения страны и осуществления масштабной программы внешней экономической помощи. В то же время подразумевавшийся после признания независимости вывод американских войск поставил бы Южную Корею в уязвимое положение перед мощью Советской армии [43]. Президент США видел выход из сложившегося положения в том, чтобы, несмотря на помехи со стороны коммунистов, продолжать строительство независимого корейского государства. Трумэн поддерживал оказание всесторонней помощи корей-

цам и предлагал строить сотрудничество с СССР на базе принятия компромиссных решений, держиваемых корейским народом. К примеру, планировалось провести национализацию некоторых отраслей промышленности и перераспределение земли [44].

Однако 12 марта 1947 г. начался процесс смены курса американской политики по отношению к СССР во всех регионах мира. В этот день президент США Г. Трумэн произнёс свою знаменитую речь перед конгрессом, в которой попросил поддержать усилия греческого правительства в его борьбе против коммунистов [45]. Эта речь стала важным актом политики сдерживания. Американцы ещё не были готовы ни сепаратно признать независимость Южной Кореи, ни разорвать Московские соглашения. Однако именно в эти дни был начат процесс пересмотра политики США на полуострове в сторону повышения её эффективности [46]. В Вашингтоне было принято решение предпринять последнюю попытку договориться с Советским Союзом.

В то же время госдепартаментом были предприняты шаги, направленные на активизацию подготовки южнокорейских представительных органов к обретению полноты власти. Ещё в феврале 1947 г., после назначения умеренного правого националиста Ан Чжэ Хона на пост главы корейской гражданской администрации, последняя получила название Южнокорейское внутреннее правительство [47]. Теперь планировалось разработать и принять новый избирательный закон, по которому следовало бы провести новые выборы во временную законодательную ассамблею. Вслед за этим военная администрация должна была как можно быстрее начать формирование временного правительства Кореи, которому следовало предоставить существенную автономию. Саму же военную администрацию предстояло постепенно реформатировать в гражданский орган [48]. Начинался процесс подготовки к запуску строительства сепаратного южнокорейского государства.

Заседания Совместной комиссии были возобновлены 21 мая 1947 г. Несмотря на то что советские и американские дипломаты поначалу сумели достигнуть определённого прогресса, вскоре работа этого органа вновь застопорилась. Камнем преткновения вновь стал вопрос о порядке консультации с корейскими партиями и политическими организациями. В итоге стороны так и не смогли найти взаимоприемлемый выход из ситуации. Последняя попытка добиться результата в переговорах была предпринята американцами 26 августа – в этот день заместитель госсекретаря США Р. Ловетт направил на имя В. М. Молотова письмо с новыми предложениями по Корее. Их смысл сводился к передаче корейского вопроса на рассмотрение четырёх держав (к СССР и США присоединялись Великобритания и гоминдановский Китай) и проведению отдельных выборов под наблюдением ООН в северной и южной частях Кореи с целью формирования единого законодательного органа. Кроме того, предлагалось согласовать сроки вывода из страны оккупационных сил [49]. После того как Молотов отверг предложение американцев, сославшись на то, что Совместная комиссия не исчерпала своих возможностей, а проведение отдельных выборов неминуемо приведёт к окончательному разделению Кореи [50], американцы окончательно разочаровались в Совместной комиссии [51]. Последнее заседание Совместной комиссии состоялось 18 октября 1947 г. Обе стороны не замедлили обвинить друг друга в провале её работы.

Последняя попытка достижения двусторонних договорённостей с СССР была предпринята американцами в конце августа – начале сентября 1947 г. К тому времени в Вашингтоне были твёрдо уверены, что только присутствие армии США на полуострове удерживает Корею от того, чтобы попасть под коммунистическое влияние целиком. В то же время сохранение режима оккупации на неопределённый срок приводило к тому, что общественное мнение США всё громче начинало требовать снизить военные расходы и вернуть своих солдат домой [52].

Ситуация мало-помалу приближалась к критической – в Вашингтоне помнили опыт народных восстаний в своей оккупационной зоне и опасались, что если в ближайшее время не удастся предпринять конкретные шаги на пути к предоставлению независимости Корее, то радикалы правого или левого толка смогут подогреть настроения местного населения до такой степени, что продолжение военного присутствия США на полуострове станет невозможным. Беспокоили американцев и вопросы поддержания международного престижа – потеря Кореи нанесла бы по нему тяжёлый удар и продемонстрировала американское бессилие в деле защиты других стран от проникновения коммунистического влияния [53].

В этих условиях задача США заключалась в том, чтобы минимизировать своё участие в корейских делах, но сделать это так, чтобы сохранить лицо – продемонстрировать корейцам и мировому сообществу верность предшествующим соглашениям и идее независимости Кореи, а также избежать подпадания полуострова под колпак Советского Союза целиком [54]. Новый план Вашингтона строился вокруг проведения в северной и южной частях Кореи сепаратных выборов под наблюдением ООН по двум различным, принятым действующими корейскими представительными органами избирательным законам. По итогам выборов планировалось сформировать временное законодательное собрание, в котором депутаты от севера и юга Кореи были бы пред-

ставлены в количестве, пропорциональном численности населения обеих оккупационных зон – в этом случае южнокорейские депутаты заняли бы порядка 2/3 мест. Предложения были направлены в адрес министра иностранных дел СССР Молотова 26 августа [55]. Москву они, как и предложение перенести вопрос на рассмотрение четырёх держав [56], устроить заведомо не могли, поскольку гарантировали преобладание американского влияния в объединённой Корее. Контрпредложения СССР вызвали, в свою очередь, обоснованные возражения американцев, которые были не согласны с равным количеством представителей Севера и Юга в будущем законодательном органе, а также исключением из избирательного процесса ряда крупных правых партий. Высказывались также сомнения в честности и прозрачности проводимых на Севере выборов [57].

Впрочем, американцы с самого начала не особо рассчитывали на достижение соглашения с СССР [58]. Запускался хорошо продуманный к тому времени сценарий по передаче корейского вопроса на рассмотрение Организации Объединённых Наций. 17 сентября 1945 г. представитель США в ООН, У. Остин, отправил на имя генерального секретаря ООН Трюгве Ли запрос о внесении проблемы будущего Кореи в повестку дня второй сессии Генеральной Ассамблеи [59]. В тот же день к ГА ООН в специальном адресе, озаглавленном «Программа для более эффективных Объединённых Наций», обратился госсекретарь США Дж. Маршалл. В документе вновь была поднята корейская проблематика. Американский дипломат повторил основные тезисы официальной позиции Вашингтона по этому вопросу и сделал акцент на неконструктивной роли Советского Союза на полуострове, подытожив, что «дальнейшие попытки решить корейскую проблему при помощи двусторонних переговоров будут лишь оттягивать создание независимой и единой Кореи» [60].

21 сентября 1947 г. по инициативе американцев генеральный комитет ГА ООН рекомендовал включить корейскую проблему в повестку дня организации. Это решение вызвало резкий протест со стороны СССР. Советское правительство ссылалось на 107-ю статью 17 главы Устава ООН, которая предусматривала, что Устав ООН не позволяет лишить «юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате Второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение Второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав», а также препятствовать таким действиям [61]. Таким образом, с точки зрения СССР, она исключала возможность обсуждения этой организацией вопросов послевоенного урегулирования [62]. В речи на пленарном заседании второй сессии ГА ООН заместитель министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинский возложил ответственность за положение, сложившееся в Совместной комиссии, на американскую сторону и заявил, что «советская делегация настаивает на том, чтобы вопрос о Корее не был включён в повестку дня настоящей сессии» [63].

Стоит отметить, что возражения относительно целесообразности переноса вопроса о Корее на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН США к корейскому вопросу имелись и у других государств, в том числе у ближайших союзников Соединённых Штатов. Так, позиция австралийского министерства иностранных дел заключалась в том, что проблема Кореи является неотъемлемой частью японского урегулирования. С точки зрения австралийцев, вынесение её на рассмотрение Генеральной ассамблеи, в состав которой входило множество государств, не только не связанных с тихоокеанским регионом, но даже не находящихся в состоянии войны с Японией, было ошибкой. Австралийцы подчёркивали свои особые интересы на Корейском полуострове [64] и настаивали на привлечении своих представителей к выработке механизма решения его судьбы [65].

Внутри Южной Кореи американская политика также находилась под огнём критики. Коммунисты, их союзники в среде умеренных левых, а также часть центристов были солидарны с советской позицией и настаивали на немедленном выводе войск, дабы как можно скорее сбросить с Кореи бремя оккупации [66]. Однако если делегация СССР предлагала предоставить корейцам возможность самостоятельно решить свою судьбу, то американцы настаивали на предварительной разработке механизма формирования единого и независимого корейского государства [67], что давало большой простор для политических манипуляций. В итоге, несмотря на то что американцы не хотели выдвигать заведомо неприемлемые для СССР предложения и готовы были прислушиваться к пожеланиям остальных членов ООН [68], позиции Москвы и Вашингтона вновь оказались заведомо несовместимыми. В ходе обсуждения проектов резолюций по Корее в ООН были отклонены все существенные предложения Москвы – об обоюдном выводе войск с полуострова и о привлечении представителей Кореи к обсуждению корейского вопроса в ООН.

14 ноября 1947 г. была принята резолюция Генеральной Ассамблеи по Корее, составленная на основе проекта США. В ней рекомендовалось провести выборы в Национальное собрание по всей территории полуострова до 31 марта 1948 г. Для наблюдения за ними предполагалось создать комиссию ООН из представителей Австралии, Канады, Китая, Сальвадора, Франции, Индии, Филиппин, Сирии и Украинской ССР [69].

По мнению советской стороны, вопрос о Корее не входил в компетенцию ООН, а должен был решаться заинтересованными государствами. Советская делегация отказалась участвовать в голосовании. Её поддержали представители просоветски настроенных государств. Сотрудничать с Временной комиссией ООН по Корее Москва отказалась. Решение Советского Союза безоговорочно поддержали просоветские политические силы Северной Кореи. Выступили против инициативы американцев и многие партии Юга, лидеры которых высказывали опасения, что её реализация закрепит раскол полуострова.

Стоит отметить, что несмотря на ожидание Вашингтоном именно такой реакции Москвы, в Координационном комитете государственного, военного и морского департаментов была изучена и противоположная возможность. Американцы опасались, что в случае согласия Советского Союза с условиями резолюции ООН левые силы могут получить большинство в парламенте объединённой Кореи за счёт вмешательства коммунистов в демократический процесс на Севере. В таком случае победившие с большим преимуществом левые из советской оккупационной зоны смогли бы объединиться с вполне вероятно получившими бы значительный процент голосов левыми Юга. Для противодействия такому развитию событий в комитете предлагали отказываться признавать выборы на Севере до того, как они будут проведены «в условиях, которые эффективно обеспечат полную свободу выражения людьми этой зоны своей воли» [70]. Естественно, никаких критериев, по которым можно было оценивать «свободу» корейского народа, в документе не предлагалось, и, как это часто бывает, таковым могло стать достаточное количество голосов, набранное правыми партиями. Как отмечают авторы монографии «Корея в огне войны», «демократические соображения в развернувшейся на Дальнем Востоке политической и геополитической борьбе занимали для Вашингтона едва ли не последнее место» [71].

Прибывшая 8 января 1948 г. в Сеул комиссия ООН сразу же столкнулась с активным противодействием корейского населения. Ею были проведены консультации с партиями юга Кореи. Политические движения Севера не стали отвечать на приглашение принять в них участие. Не видя путей к проведению выборов по всей Корее, комиссия запросила инструкций у секретариата ООН. Решение этого вопроса было передано во Временный комитет Генеральной Ассамблеи. В результате, под давлением США, комиссии ООН было дано указание реализовать постановление Генеральной Ассамблеи на территории южнее 38-й параллели. Временная комиссия назначила выборы на 10 мая 1948 г. Процесс фиксирования раскола полуострова вышел на финишную прямую. Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика были провозглашены 15 августа и 9 сентября 1948 г. соответственно.

Представляется возможным выделить три принципиально важных решения, превратившие Корею из «острова спокойствия» советско-американских отношений в будущий эпицентр холодной войны. Первым из них стал выбор 38-й параллели в качестве линии разграничения между оккупационными зонами СССР и США. Принятое по инициативе американцев решение было обусловлено исключительно мотивами ограничения влияния СССР и создало внутри Кореи искусственную границу.

Второй важный рубеж – итоги Московского совещания министров иностранных дел 1945 г. На этой международной конференции был принят советский проект корейского устройства, гарантировавший сохранение границы по 38-й параллели на ближайшую перспективу и приведший к стремительному обособлению двух оккупационных зон и поляризации политического спектра Кореи. Впрочем, ошибочно возлагать ответственность за эту ошибку целиком на СССР. Предложения Москвы по вопросу об опеке выглядели уступкой американцам и во многом были обусловлены необходимостью соблюдения договорённостей периода Второй мировой войны. Важно сказать, что на всех международных конференциях, где обсуждался вопрос об опеке, позиция СССР была неизменной – советские дипломаты настаивали на необходимости сокращения её срока до минимума.

Третье решение окончательно подвело черту под попытками создать единое и независимое корейское государство, как то было предусмотрено всеми советско-американскими договорённостями. Это произошло, когда американцы, разуверившись в возможности договориться с Советским Союзом о взаимоприемлемом механизме строительства корейской государственности, приняли решение перенести корейский вопрос на рассмотрение полукарманной Генеральной Ассамблеи ООН. Американцы переставали брать во внимание аргументы партнёров по переговорам и переводили решение вопроса на рельсы собственного, заведомо неприемлемого для СССР сценария. Запускался процесс строительства сепаратных корейских государств.

Таким образом, в случае с Кореей американцы не справились с бременем лидерства, которое сами на себя возложили. Ни одно существенное решение по вопросу не было принято Советским Союзом в одностороннем порядке – он выступал лишь ведомым в двустороннем процессе

корейского урегулирования. Не следует целиком обелять политику Москвы, совершившей множество спорных действий как в своей оккупационной зоне, так и в организации взаимодействия с США [72]. Однако действия Москвы в северной оккупационной зоне были лишь фактором, но никак не первопричиной процесса фиксирования раскола корейского полуострова. Не меньшее (если не большее) число сомнительных шагов на Юге допустили сами американцы – недаром в 1946 г. по Южной Корее прокатилась волна народных выступлений. Строительство самостоятельного коммунистического режима не являлось исходной целью Москвы, но недавние союзники попросту оказались не в силах выработать взаимоприемлемое решение – и каждый раз инициатива по переходу к сценарию, ориентированному на раскол, исходила от американцев.

Примечания

1. *Miscamble W.* From Roosevelt to Truman: Potsdam, Hiroshima, and the Cold War. N. Y., 2007.
2. *Truman H.* Memoirs of Harry S. Truman. Vol. I. Year of Decisions. N.Y., 1955. P. 54.
3. *Pifer T.* "I had always been opposed to colonialism" : President Harry S. Truman and the end of European colonialism." // Electronic Theses and Dissertations. Paper 1139. URL: <http://ir.library.louisville.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2138&context=etd> , свободный. P. 57.
4. *Matray J.* Civil war of a sort. The International origins of the Korean Conflict // The Korean war in Retrospect: Lessons for the future. Lanham, 1998. P. 151.
5. *Truman H.* Op. cit. P. 265.
6. *Bernstein B.* Truman at Potsdam. His secret diary // Foreign service journal. 1980. July/august. P. 34.
7. *Matray J.* Op. cit. P. 153.
8. *Hasegawa T.* The Soviet Factor in Ending the Pacific War: From the Hirota-Malik Negotiations to Soviet Entry into the War. Wash., 2003. P. 1.
9. Foreign Relations of United States (Далее – FRUS). 1945. The Conference of Berlin. Vol. I. P. 313.
10. *Forrestal J.* The Forrestal Diaries. N. Y., 1951. P. 56.
11. На самом деле 88-я отдельная стрелковая бригада, состоящая не только из корейцев, но и из китайцев, включала в себя только четыре стрелковых батальона.
12. FRUS. 1945. The Conference of Berlin. Vol. I. P. 313.
13. FRUS. 1945. Vol. VI. P. 1039; Стоит отметить, что использование 38-й параллели в качестве разграничительной линии не было изобретением американцев. 9 июня 1896 г. японский посланник А. Ямагата внёс предложение о разделе по ней Кореи в ходе переговоров с министром иностранных дел Российской империи А. Б. Лобановым-Ростовским. На тот момент Россия предпочла сохранить независимость Кореи и отвергла эту идею.
14. Корейский вопрос и американские войска в Южной Корее. Пхеньян, 2003. С. 10.
15. *Welles S.* Seven decisions that shaped History. N.Y. 1950. P. 167.
16. *Truman H.* Memoirs. Vol. 2. Years of Trial and Hope. N. Y., 1955. P. 317.
17. *Byoung-Lo Philo Kim.* Two Koreas in Development: A Comparative Study of Principles and Strategies of Capitalist and Communist Third World Development. New Brunswick, 1995. P. 88.
18. *Sŏng-ch'ŏl Yang.* The North and South Korea political systems. Seoul, 1999. P. 159.
19. *Ki-baik Lee.* A New History of Korea. Cambridge, 1988. P. 376.
20. *Ku Кван Со.* Московское совещание министров иностранных дел (декабрь 1945 г.) и раскол Кореи // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 97.
21. Отношения Советского Союза с Народной Кореей. М., 1981. С. 13.
22. *Cumings B.* The Origins of the Korean war (in 2 vols.). Vol. 1. Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947. Seoul, 2002. P. 392.
23. FRUS 1945. Vol. VI. P. 1074.
24. Ibid. P. 1146; *Hodge J.* With the US Army in Korea // National Geographic Magazine, June, 1947. P. 840; War Department Incoming Classified Message, September 28, 1945 URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-13.pdf . P. 10.
25. FRUS. 1945. Vol. VI. P. 1146–1147; War Department Incoming Classified Message, September 28, 1945 URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-13.pdf. P. 10. FRUS 1946. Vol. VIII. P. 647.
26. Ibid. P. 641.
27. *Cumings B.* Op. cit. P. 183.
28. Ibid. P. 186.
29. Отношения Советского Союза с Народной Кореей. М., 1981. С. 16–17.
30. FRUS. 1945. Vol. II. P. 619.
31. *Ku Кван Со.* Указ. соч. С. 98.
32. *Stettinius E.* The Diaries, 1943–1946. N. Y., 1975. P. 40–41.
33. Интересно, что этот опыт стал успешным и в антиколониальном плане – в 1979 г. кондоминиум вошёл в состав новопровозглашённой республики Кирибати.
34. *Stettenius E.* Op. cit. P. 41.
35. *Donovan F.* Mr. Rosevelt's four freedoms. N. Y., 1966. P. 22.
36. *Dallek R. Franklin. D.* Roosevelt and American foreign policy, 1932–1945. N. Y., 1979. P. 429.

37. Цит по: *Kim J. Representing the Invisible: The American Perceptions of Colonial Korea (1910–1945)*. N. Y., 2011. P. 333.
38. FRUS. 1943. Vol. 3. P. 1096.
39. Цит. по: *Ки Кван Со*. Указ. соч. С. 104.
40. *Асмолов К. В.* От Тэвонгуна до Сонгуна. Очерки социально-политической истории Кореи в новое и новейшее время. Ч. 2. [Рукопись предоставлена автором.] Гл. 2. С. 3.
41. FRUS. 1947. Vol. VI. P. 794.
42. Ibid. P. 611–612.
43. Ibid. P. 713–714.
44. Our Documents – Truman Doctrine (1947) URL: <https://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=true&doc=81>, свободный.
45. FRUS. 1947. Vol. VI. P. 621.
46. *Nahm A. Historical Dictionary of the Republic of Korea / A. Nahm, J. Hoare*. Lanham; Toronto; Oxford, 2004. P. 193.
47. FRUS. 1947. Vol. VI. P. 622.
48. Советский Союз и корейский вопрос. С. 46–47.
49. Там же. С. 50–51.
50. АВП РФ. Ф. 102. Оп. 7. П. 3. Д. 2. Л. 18.
51. *Hyun Woong Hong American foreign policy toward Korea, 1945–1950*. Stillwater, 2007. P. 176.
52. *Containment: documents on American policy and Strategy, 1945–1950*. N. Y., 1978. P. 78.
53. FRUS. 1947. Vol. VI. P. 738–739.
54. Ibid. P. 773–774.
55. Ibid. P. 773.
56. Ibid. P. 778.
57. Ibid. P. 776.
58. A Program for a More Effective United Nations // The Department of State Bulletin. 1947. Vol. 17. P. 618.
59. Ibid. P. 620.
60. Устав ООН. ГЛАВА XVII: МЕРОПРИЯТИЯ ПО БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД. URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-xvii-0/index.html>, свободный.
61. *Ryo Sung Chol Korea: The 38th Parallel North*. Honolulu, 1995. P. 218–219.
62. Советский Союз и корейский вопрос. М., 1948. С. 53–55.
63. Согласно договорённостям Австралии с Великобританией, первая должна была занять место Соединённого Королевства среди держав, устанавливающих четырёхстороннюю опеку над Кореей, в случае реализации подобного варианта.
64. FRUS. 1947. Vol. VI. P. 543–544.
65. Ibid. P. 852.
66. *Yearbook of the United Nations*. 1947–1948. N. Y., 1949. P. 82.
67. FRUS. 1947. Vol. VI. P. 820.
68. Ibid. P. 857–859; Resolutions: General Assembly (GA), 2nd session: United Nations (UN). 1947. A/RES/112(II) [A-B] The problem of the independence of Korea. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/038/19/IMG/NR003819.pdf>, свободный.
69. *Encyclopedia of the Korean war*. Vol. III. Santa Barbara, 2002. P. 806.
70. *Попов И. М.* Корея в огне войны: к 55-летию начала войны в Корее: 1950–1953 гг. / И. М. Попов, С. Я. Лавренов, В. Н. Богданов. М., 2005. С. 25.
71. См. подробнее: *Садаков Д. А.* Восприятие американцами советской политики в северной части корейского полуострова в 1945–1948 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 8. С. 58–69.

Notes

1. *Miscamble W. From Roosevelt to Truman: Potsdam, Hiroshima, and the Cold War*. N. Y., 2007.
2. *Truman H. Memoirs of Harry S. Truman*. Vol. I. Year of Decisions. N.Y., 1955. P. 54.
3. *Pifer T. "I had always been opposed to colonialism" : President Harry S. Truman and the end of European colonialism.* // Electronic Theses and Dissertations. Paper 1139. Available at: <http://ir.library.louisville.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2138&context=etd>, свободный. P. 57.
4. *Matray J. Civil war of a sort. The International origins of the Korean Conflict // The Korean war in Retrospect: Lessons for the future*. Lanham, 1998. P. 151.
5. *Truman H. Op. cit.* P. 265.
6. *Bernstein B. Truman at Potsdam. His secret diary // Foreign service journal*. 1980. July/august. P. 34.
7. *Matray J. Op. cit.* P. 153.
8. *Hasegawa T. The Soviet Factor in Ending the Pacific War: From the Hirota–Malik Negotiations to Soviet Entry into the War*. Wash., 2003. P. 1.
9. *Foreign Relations of United States (Далее – FRUS)*. 1945. The Conference of Berlin. Vol. I. P. 313.
10. *Forrestal J. The Forrestal Diaries*. N. Y., 1951. P. 56.
11. Actually the 88th independent infantry brigade, consisting not only of Koreans but also the Chinese, had only four infantry battalions.

12. FRUS. 1945. The Conference of Berlin. Vol. I. P. 313.
13. FRUS. 1945. Vol. VI. P. 1039; it is worth noting that the use of the 38th parallel as the dividing line was not an invention of the Americans. 9 Jun 1896 during the talks with Minister of foreign Affairs of the Russian Empire A. B. Lobanov-Rostovsky Japanese envoy A. Yamagata made a suggestion about the division of Korea along it. At that time, Russia had chosen to maintain the independence of Korea and rejected the idea.
14. The Korean question and USA forces in South Korea. Pyongyang. 2003. P. 10.
15. Welles S. Seven decisions that shaped History. N.Y. 1950. P. 167.
16. Truman H. Memoirs. Vol. 2. Years of Trial and Hope. N. Y., 1955. P. 317.
17. Byoung-Lo Philo Kim. Two Koreas in Development: A Comparative Study of Principles and Strategies of Capitalist and Communist Third World Development. New Brunswick, 1995. P. 88.
18. Söng-ch'öl Yang. The North and South Korea political systems. Seoul, 1999. P. 159.
19. Ki-baik Lee. A New History of Korea. Cambridge, 1988. P. 376.
20. Ki Kwang So. [Moscow meeting of foreign Ministers (December 1945) and the division of Korea] // Problems of the Far East. 1997, No. 5, p. 97.
21. The relationship of the Soviet Union with People's Korea. M. 1981. P.13.
22. Cumings B. The Origins of the Korean war (in 2 vols.). Vol. 1. Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945-1947. Seoul, 2002. P. 392.
23. FRUS 1945. Vol. VI. P. 1074.
24. Ibid. P. 1146; Hodge J. With the US Army in Korea // National Geographic Magazine, June, 1947. P. 840; War Department Incoming Classified Message, September 28, 1945 Available at: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-13.pdf. P. 10.
25. FRUS. 1945. Vol. VI. P. 1146-1147; War Department Incoming Classified Message, September 28, 1945 Available at: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-13.pdf. P. 10. FRUS 1946. Vol. VIII. P. 647.
26. Ibid. P. 641.
27. Cumings B. Op. cit. P. 183.
28. Ibid. P. 186.
29. The relationship of the Soviet Union with People's Korea. M., 1981. Pp.16-17.
30. FRUS. 1945. Vol. II. P. 619.
31. Ki Kwang So. Op. cit. p. 98.
32. Stettinius E. The Diaries, 1943-1946. N. Y., 1975. Pp. 40-41.
33. Interestingly that this experience was successful in the anti-colonial plan in 1979, the condominium became part of the newly proArt.ed Republic of Kiribati.
34. Stettenius E. Op. cit. P. 41.
35. Donovan F. Mr. Rosevelt's four freedoms. N. Y., 1966. P. 22.
36. Dallek R. Franklin. D. Roosevelt and American foreign policy, 1932-1945. N. Y., 1979. P. 429.
37. Cited from: Kim J. Representing the Invisible: The American Perceptions of Colonial Korea (1910-1945). N. Y., 2011. P. 333.
38. FRUS. 1943. Vol. 3. P. 1096.
39. Cit. by: Ki Kwan So. Op. cit. P. 104.
40. Asmolov K. V. Ot Tehvonguna do Songuna. Ocherki social'no-politicheskoy istorii Korei v novoe i novejshee vremya [From Tevongun to Songun. Essays on the socio-political history of Korea in modern and contemporary times. Part 2]. [Manuscript is provided by the author.] Ch. 2. P.3.
41. FRUS. 1947. Vol. VI. P. 794.
42. Ibid. Pp. 611-612.
43. Ibid. Pp. 713-714.
44. Our Documents - Truman Doctrine (1947) Available at: <https://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=true&doc=81>, free.
45. FRUS. 1947. Vol. VI. P. 621.
46. Nahm A. Historical Dictionary of the Republic of Korea / A. Nahm, J. Hoare. Lanham; Toronto; Oxford, 2004. P. 193.
47. FRUS. 1947. Vol. VI. P. 622.
48. The Soviet Union and the Korean question. Pp. 46-47.
49. Ibid. Pp. 50-51.
50. AFP RF. F. 102. Inv. 7. Art. 3. 2. Sh. 18.
51. Hyun Woong Hong American foreign policy toward Korea, 1945-1950. Stillwater, 2007. P. 176.
52. Containment: documents on American policy and Strategy, 1945-1950. N. Y., 1978. P. 78.
53. FRUS. 1947. Vol. VI. Pp. 738-739.
54. Ibid. Pp. 773-774.
55. Ibid. P. 773.
56. Ibid. P. 778.
57. Ibid. P. 776.
58. A Program for a More Effective United Nations // The Department of State Bulletin. 1947. Vol. 17. P. 618.
59. Ibid. P. 620.
60. The Charter of the United Nations. CHAPTER XVII: ARRANGEMENTS FOR SECURITY DURING THE TRANSITION PERIOD. Available at: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-xvii-0/index.html> free. (in Russ.)

61. Ryo Sung Chol Korea: The 38th Parallel North. Honolulu, 1995. Pp. 218–219.
62. The Soviet Union and the Korean question. M. 1948. Pp. 53–55.
63. According to the agreement of Australia with Great Britain, the first one was to take the place of the United Kingdom among the powers, which establishes a four-sided trusteeship over Korea, in the case of the implementation of this option.
64. FRUS. 1947. Vol. VI. Pp. 543–544.
65. Ibid. P. 852.
66. Yearbook of the United Nations. 1947–1948. N. Y. 1949. P. 82.
67. FRUS. 1947. Vol. VI. P. 820.
68. Ibid. Pp. 857–859; Resolutions: General Assembly (GA), 2nd session: United Nations (UN). 1947. A/RES/112(II) [A–B] The problem of the independence of Korea. Available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/038/19/IMG/NR003819.pdf>, free.
69. Encyclopedia of the Korean war. Vol. III. Santa Barbara, 2002. P. 806.
70. Popov I. M. Koreya v ognе vojny: k 55-letiyu nachala vojny v Koree: 1950–1953 gg. [Korea in the flames of war: to the 55th anniversary of the outbreak of war in Korea: 1950–1953] / I. M. Popov, S. J. Lavrenov, V. N. Bogdanov. M. 2005. P.25.
71. Read more: Sadakov D. A. Vospriyatіe amerikancami sovetskoj politiki v severnoj chasti korejskogo poluostrova v 1945–1948 gg. [Perception of Americans of Soviet policy in the Northern part of the Korean Peninsula in 1945–1948] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State Humanities University. 2015, No. 8, pp. 58–69.

УДК: 94(410)

Г. А. Довгиленко

Ратификация Лиссабонского договора в Великобритании и консервативная оппозиция

Статья посвящена процессу ратификации Лиссабонского договора в британском парламенте и позиции консервативной партии Великобритании в отношении ратификации данного договора. Подписание Лиссабонского договора являлось одной из важнейших вех в процессе европейского строительства. Договор подразумевал серьезные изменения в структуре Европейского союза, что вызвало неоднозначную реакцию со стороны стран – членов ЕС. В Великобритании, являющейся одной из крупнейших экономик Европы, подписание и дальнейшая ратификация Лиссабонского договора вызвали серьезную критику со стороны консервативной оппозиции. Автор исследует стенограммы заседаний британского парламента, материалы периодической печати и выступления наиболее значимых деятелей консервативной партии Великобритании. В результате автор делает вывод о позиции консервативной партии Великобритании, в отношении ратификации Лиссабонского договора.

The article is devoted to the process of ratification of the Lisbon Treaty in the British Parliament, and the position of the Conservative Party of Great Britain in relation to the ratification of this agreement. The signing of the Treaty of Lisbon was one of the most important milestones in the process of European construction. The agreement meant major changes in the structure of the European Union, which caused a mixed reaction from the EU member states. In the UK, which is one of the largest economies in Europe, the signing and subsequent ratification of the Lisbon Treaty have caused serious criticism from the conservative opposition. The author examines the transcript of the British Parliament sessions, periodical press materials and speeches of the most significant figures of the Conservative Party of Great Britain. As a result, the author concludes about the position of the Conservative Party of Great Britain, on ratification of the Lisbon Treaty.

Ключевые слова: Лиссабонский договор, Гордон Браун, Дэвид Кэмерон, европейская интеграция, Великобритания, ЕС.

Keywords: Lisbon Treaty, Gordon Brown, David Cameron, European integration, United Kingdom, European Union.

«Ратификация Лиссабонского договора в Великобритании и консервативная оппозиция»

Подписание Маастрихтского договора и последующая его ратификация показали серьезный раскол внутри консервативной партии Великобритании, которая на тот момент имела абсолютное большинство в парламенте. Джон Мэйджор с большим трудом смог добиться ратификации договора в парламенте. Однако события «черной среды» 16 сентября 1992 г. ударили по имиджу консервативного правительства. Великобритания покинула ERM (Exchange rate mechanism), а также серь-

езно скорректировала свой курс в отношении Европейского союза. Особенно сильные противоречия возникли между Великобританией и Германией, в силу различных точек зрения на будущее единой Европы. В 1997 г. консерваторы проиграли выборы, что спровоцировало серьезный кризис внутри консервативной партии. В 2005 г. лидером партии был избран Дэвид Кэмерон. Во время выборов лидера партии, в своей предвыборной речи, он заявил о необходимости реформирования ЕС по трем основным составляющим: возвращение полномочий в социальной сфере, отказ от идеи единой конституции, а также развитие свободной торговли и удаление субсидий [1].

В то же время у власти в Великобритании находилось правительство Гордона Брауна, которое было настроено проевропейски. Свой первый зарубежный визит в качестве премьер-министра Г. Браун осуществил в Берлин, где во время переговоров подтвердил верность курсу, взятому его предшественником Тони Блэром, на активное участие страны в вопросах европейского строительства, а также заявил, что британское правительство будет содействовать продвижению нового договора ЕС через парламент [2]. В ходе своего визита он также заявил, что Великобритания пересмотрит свое решение не вступать в Еврозону [3].

В 2000 г. на саммите в Лиссабоне странами – участниками ЕС была принята «Лиссабонская стратегия», которая имела своей целью превращение ЕС в наиболее сильную и конкурентоспособную экономику мира. Однако реализация данной стратегии столкнулась с ощутимыми трудностями, поскольку темпы экономического роста среди стран-участниц сильно различались. В результате стремительного расширения Европейского союза и принятия в его состав новых членов возникла необходимость дальнейшего развития и укрепления наднациональных институтов ЕС. Кроме того, после принятия в ЕС новых членов проведение решений через Совет Европейского Союза стало еще более проблематичным, поскольку новые государства – члены ЕС также имели там право вето. Эта необходимость требовала масштабной институциональной реформы ЕС. В Заключениях Европейского Совета безусловным приоритетом было обозначено скорейшее осуществление необходимых внутренних реформ [4]. Проект единой Европейской конституции, разработанный к 2004 г. и одобренный большинством стран – участниц ЕС, был сорван состоявшимися референдумами во Франции и Нидерландах. Новый договор должен был прийти на смену несостоявшемуся проекту единой конституции Европейского Союза. Хотя проект договора, устанавливающего конституцию для Европы, так и не был подписан, большинство положений о институциональной реформе ЕС, содержащихся в проекте договора, было включено в текст Лиссабонского договора [5].

Выступая на заседании парламента 9 октября 2007 г., министр по делам Европы Джим Мерфи заявил, что юридическая группа закончила проект будущего договора 3 октября. Представители Соединённого Королевства изложили все «красные линии» (те вопросы, в которые ЕС не может вмешиваться в соответствии с правом Великобритании на неучастие) и убедились в том, чтобы они будут учтены [6]. Марк Франсуа, представитель консервативной партии и теневой министр по делам Европы, в ответ заявил, что главная «красная линия», требующая сохранения для Великобритании права накладывать вето на решения Совета Европы, нарушена, что морально обязывает британское правительство поставить вопрос о ратификации договора на референдум [7].

Еще до самого подписания договора в консервативной прессе стали появляться призывы по проведению референдума, по вопросу ратификации будущего договора. М. Франсуа заявил, что проект будущего договора есть не что иное, как возрожденный проект конституции ЕС, отвергнутый на референдумах во Франции и Нидерландах, добавив, что британцы так же, как в свое время французы и голландцы, должны иметь право проголосовать за новый договор [8].

22 октября Г. Браун во время отчета о неформальной встрече глав стран – членов ЕС в Лиссабоне представил основные тезисы нового договора. Премьер-министр призвал сосредоточиться на поддержании конкурентоспособности и борьбы с изменением климата, отказавшись от дальнейших институциональных изменений [9]. В ответ лидер консерваторов Дэвид Кэмерон спросил, почему, уделяя внимание данным вопросам, премьер-министр обошел тот факт, что с этим договором Великобритания теряет право вето в 60 областях. Также Дэвид Кэмерон призвал вынести вопрос о ратификации договора на народное голосование [10]. Он также подверг резкой критике основные аргументы Г. Брауна, которые заключались в том, что голосование не требуется, поскольку новый договор отличается от проекта европейской конституции, а также из-за особого статуса Великобритании в ЕС и ее права неучастия. Д. Кэмерон привел пример высказывания премьер-министра Ирландии, министра иностранных дел Испании и канцлера Германии о том, что это практически тот же проект европейской конституции [11]. По поводу второго аргумента он указал на то, что с принятием нового договора количество сфер, куда не может вмешиваться ЕС в Великобритании, все равно сокращается [12]. Другой консерватор Ян Дункан Смит

высказал опасение из-за усиления влияния европейского права на судебную систему Великобритании, на что премьер-министр ответил, что благодаря особому статусу Великобритании решения европейского права станут необязательными для Великобритании [13]. Консерватор Дэвид Хеткот-Амори напомнил Г. Брауну, что в недавней речи он обозначал право голоса британцев как основополагающее для демократии, вследствие чего отказом от референдума он наносит вред вере людей в эту демократию [14].

В целом, основные вопросы со стороны консерваторов сводились к необходимости проведения референдума, в то время как Г. Браун придерживался взятого курса, утверждая, что никаких кардинальных изменений во взаимоотношениях ЕС и Великобритании в договоре нет, вследствие чего в референдуме нет необходимости. Кроме того, лейбористы настаивали на том, что между проектом европейской конституции и Лиссабонским договором есть серьезные различия.

Лиссабонский договор был подписан 13 декабря 2007 г. на саммите в Лиссабоне. Договор значительно расширил компетенцию Европейского парламента, фактически уравнивая его с Советом Европейского Союза, выводя большинство решений внутри Союза в рамки общей законодательной процедуры [15]. Кроме того, для продвижения решения через Совет ЕС стало необходимым, чтобы за него проголосовали 55 процентов члена совета, представляющих не менее 65 процентов населения ЕС (в отдельных вопросах 72 процента членов совета, представляющих 65 процентов населения ЕС). Это изменение существенно осложняло блокирование решений Совета ЕС со стороны отдельных стран-участниц. Важным изменением было учреждение поста Верховного представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности, который одновременно являлся вице-президентом Европейской комиссии. На этот пост была назначена баронесса Кэтрин Эштон, вся заслуга которой, как отмечали британские СМИ, была в продвижении Лиссабонского договора через палату лордов [16].

Подписание договора было встречено критикой со стороны консервативной оппозиции. Так, лидер консервативной партии Дэвид Кэмерон высказал, что несмотря на заявления о том, что он доверяет британскому народу, Г. Браун боится доверить своему народу выбор [17].

Во время обсуждения изменений, которые ждет бизнес в Европе, консерваторы поднимали тему возможности вмешательства европейского суда в дела бизнеса. Также критике было подвергнуто то, что теперь среди основных приоритетов ЕС не было упомянуто развитие «свободной конкуренции». В частности, теневой канцлер казначейства Филип Хамонд заявил, что британские цели в ЕС – это открытый рынок и честная конкуренция, в то время как Лиссабонский договор идет другим путем [18]. Джэймс Клэписон заявил, что изначально ЕС создавался по другим принципам и передача власти от совета министров стран-участниц чиновникам противоречит изначальным целям ЕС [19]. Другой консерватор Дэвид Гаук отметил, что вмешательство институтов ЕС в вопросы торговли будет тормозить создание единого европейского рынка, что противоречит интересам Великобритании [20]. При этом стоит отметить, что со стороны консерваторов звучали и положительные оценки последствий принятия Лиссабонского договора. Так, Джон Гаммер призвал принять те изменения, которые предусматривает новый договор, обосновывая это тем, что страны – члены ЕС изменяются вместе с союзом, и эти изменения в конечном счете нужны [21]. Однако большая часть консерваторов, включая членов теневого кабинета, сохраняла негативное отношение к договору. Кроме того, особое беспокойство вызвали сообщения о переориентации целей ЕС, в особенности высказывания Николя Саркози по этому поводу.

Впоследствии, при обсуждении Лиссабонского договора, консерваторы продолжали отстаивать свою позицию о том, что никакое вмешательство европейских институтов и, в частности, суда в британскую внутреннюю и внешнюю политику недопустимо. Одно из центральных мест в выступлении консерваторов занимала потеря Великобританией право вето, в связи с институциональными изменениями внутри ЕС.

Во время обсуждения вопросов обеспечения безопасности консерватор Николас Сомс отметил, что вне структуры НАТО невозможно обеспечение безопасности, а также то, что он за тесное сотрудничество с ЕС по многим вопросам, кроме вопросов безопасности [22]. Билл Кэш, бывший в свое время одним из лидеров евроскептиков, отметил, что политика ЕС в отношении таких кризисов, как Ирак и Косово, была провальной [23]. Консерватор Боб Спинк заявил, что 80 процентов британцев хотят сохранить контроль над оборонной политикой и лишь 15 процентов готовы его передать ЕС [24]. Особой критике договор и его последствия, в контексте вопросов обеспечения безопасности, подверг теневой министр иностранных дел Великобритании Вильям Хейг. В частности, он отметил, что нет необходимости в создании новой системы обороны альтернативной НАТО, которая, к тому же, не имеет тех возможностей, которые есть у альянса [25].

Можно отметить, что позиция консерваторов по вопросам обеспечения безопасности заключалась в четкой опоре на НАТО и отказе от инициатив по созданию альтернативной НАТО системы.

Касательно вопросов борьбы с изменением климата консерваторы тоже вели критику. В частности, теневой министр окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства П. Эйнсворт осудил обсуждение изменений климата вместе с обсуждением Лиссабонского договора, так как это уменьшает значимость обоих вопросов [26]. Помимо прочего он отметил, что правительство Г. Брауна использует данный вопрос с целью отвлечения внимания от обсуждения конституциональных изменений в структуре ЕС. В ответ на аргументы лейбористов о том, что институциональные изменения в ЕС помогут лучше координировать политику в отношении окружающей среды, П. Эйнсворт заявил, что для борьбы с изменением климата не нужно реформирование ЕС, а Лиссабонский договор не вносит ничего нового для борьбы с изменением климата [27].

В целом, консерваторы положительно оценивали работу по борьбе с загрязнением окружающей среды, проводимую в ЕС. Критику вызывала лишь возможная необходимость корректировки британской политики в данном вопросе, в соответствии с решениями институтов ЕС.

Представители консервативной партии также подвергли критике количество дней, которое дали на обсуждение Лиссабонского договора. Так, Джэймс Кэписон отметил, что не удалось детально обсудить многие положения договора, в особенности связанные с общей политикой обеспечения безопасности [28]. В ответ на аргумент со стороны лейбористов о том, что обсуждению Лиссабонского договора выделили столько же времени, сколько и обсуждению договоров в Ницце и Амстердаме, Кеннет Кларк отметил, что оба договора были намного короче и вызывали меньше споров, чем Лиссабонский договор [29]. Теневой министр по делам Европы М. Франсуа по этому поводу заметил, что говоря о времени для обсуждения Лиссабонского договора, правительство сравнивает его с договорами в Ницце и Амстердаме, игнорируя сравнение его с Маастрихтским договором, на обсуждение которого было выделено вдвое больше времени [30]. Питер Лили упомянул, что после нарушения своего обещания о проведении референдума Г. Браун обещал провести подробное обсуждение каждой строки договора, а значит он нарушил оба обещания [31]. Б. Кэш также выступил за более детальное обсуждение договора, добавив, что из-за некоторых его положений британские солдаты в Афганистане оказываются под угрозой [32].

Консерваторы выступали за более широкое обсуждение текста Лиссабонского договора, таким образом стремясь оттянуть его ратификацию. В данном ключе стоит отметить неоднократные заявления Д. Кэмерона о том, что в случае прихода к власти консерваторов до вступления договора в силу будет проведен референдум по его ратификации.

5 марта по инициативе консервативной партии было проведено обсуждение возможности проведения референдума по вопросу ратификации Лиссабонского договора. Теневой министр иностранных дел У. Хейг заявил, что необходимость проведения референдума по вопросу ратификации договора продиктована обязательствами парламентариев перед своими избирателями, так как в предвыборных манифестах всех ключевых партий содержалось обещание о проведении референдума о ратификации договора [33]. Кроме этого он отметил, что неоднократно, в том числе в последних выпусках ВВС, говорилось, что различия между данным договором и конституцией минимальны. Он также отметил, что из 250 основных положений проекта европейской конституции 240 реплицируются в Лиссабонских договор [34]. На опасения либерал-демократов о возможных последствиях отказа от ратификации договора по результатам референдума У. Хэйг ответил, что если у них есть такие опасения, то им не следовало включать их в свой предвыборный манифест [35]. В довершение он также отметил, что отказ от обещанного представителями всех ключевых партий референдума подрывает веру людей в парламентскую демократию [36]. Другой консерватор, Дезмонд Свей, также отметил, что важным отличием сложившейся ситуации по сравнению с ситуацией вокруг Маастрихтского договора является то, что тогда ни одна партия не шла на выборы с обещанием референдума о ратификации договора [37].

Лейбористская партия же продолжала стоять на своем, в частности на том, что Лиссабонский договор не является повтором проекта европейской конституции. Так, лейбористка Анжела Кристин Смит даже высказала свое мнение о том, что неспособность консерваторов отличить проект европейской конституции от Лиссабонского договора продиктована господством в консервативной партии евроскептиков [38].

В результате голосования предложение консерваторов о проведении референдума было отвергнуто с 311 голосами против 248, при этом трое депутатов-тори проголосовали против проведения референдума [39].

11 марта состоялось обсуждение договора в третьем чтении. Дэвид Милибенд, открывая чтение, отметил вклад всех сторон в обсуждение текста договора, а также суммировал основные аргументы в пользу договора. В своем выступлении он отметил, что Лиссабонский договор формирует четкие цели для деятельности ЕС в Европе и во всем остальном мире, упрощает ин-

ституты и процесс принятия решений в ЕС, а также делает ЕС более подотчетным по отношению к государствам-членам [40]. Также он отметил, что данный договор открывает путь для дальнейших реформ ЕС, на что Б. Кэш заявил, что в таком случае, если данный договор не защищает судебную систему Великобритании, то, вероятно, это британские суды мешают дальнейшей реформе. М. Харпер напомнил лейбористам, что на выборах в парламент они обещали провести референдум по вопросу принятия европейской конституции, а новый договор практически полностью с ней совпадает [41]. Теневой министр иностранных дел У. Хейг в своем выступлении отметил, что Лиссабонский договор имеет слишком много общего с отвергнутым проектом европейской конституции, что означает, что его обсуждению было выделено слишком мало времени, а также были отвергнуты все поправки со стороны парламентариев. Кроме того, правительство решило не давать британскому народу права высказаться по поводу ратификации договора на референдуме. В силу этих причин он призвал проголосовать против ратификации данного договора [42]. Энн Макинтош возмутилась тем, что для обсуждения всего договора было выделено так мало времени, тогда как обсуждению одного момента договора, связанному с борьбой с глобальным потеплением, уделили целый день [43]. Б. Кэш также заявил, что Лиссабонский договор был задуман и рожден из обмана, поскольку, ратифицируя договор, никто не сможет вернуться назад и окажется под давлением институтов ЕС [44]. Ричард Шеперд подробно перечислил дни обсуждения и вопросы, которые не успели обсудить. Свое выступление он закончил утверждением, что в сложившейся ситуации простое большинство в парламенте может запретить палате общин обсуждать договор только на основании того, что это самое большинство избрано, игнорируя тот факт, что остальные также являются народными избранниками [45]. Теневой министр по делам Европы М. Франсуа в своем выступлении заявил, что не будет вести длительную дискуссию о том, различается ли проект Европейской конституции и Лиссабонский договор, поскольку считает утверждение об их различии фарсом [46]. Он также отметил, что обсуждению договора, при всей его значимости, уделили вдвое меньше времени, чем Маастрихтскому договору, а также заявил, что в связи с тем что поправки, внесенные парламентариями, не обсуждались, все обсуждения являются сфальсифицированными. В довершение он отметил, что у правительства есть только один способ узаконить свои действия в глазах народа, а именно – соблюсти свой предвыборный манифест, проведя референдум [47].

По итогам третьего чтения в Палате общин Лиссабонский договор удалось ратифицировать с 346 голосами против 206.

В дальнейшем новую активность вокруг требования провести референдум по ратификации договора вызвали итоги референдума, прошедшего в Ирландии, на котором жители высказались против ратификации Лиссабонского договора. Теневой министр иностранных дел У. Хейг, выступая в парламенте, отметил референдум и его результаты как пример чистой демократии [48]. Также он высказал сожаления в связи с давлением на Ирландию в данном вопросе и тем, что действующий министр иностранных дел не поздравил ирландцев с их выбором. В довершение он призвал власти провести референдум в Великобритании, который бы показал ирландцам, что в вопросе отказа от ратификации Лиссабонского договора они не одиноки. Другой консерватор, Эндрю Робатен, заявил, что непринятия итогов ирландского референдума со стороны министра иностранных дел и других европейских лидеров показывает то презрение, с которым они подходят к мнению людей [49].

Во время обсуждения вопросов европейской политики 18 июня в палате общин произошла бурная дискуссия по результатам прошедшего в Ирландии референдума. Со стороны консерваторов звучали призывы к пересмотру решения о референдуме. В частности, теневой министр по делам Европы М. Франсуа процитировал европейского комиссара Чарли Маккриви, который признался после голосования, что если бы подобный референдум был проведен в другой стране, он мог бы дать аналогичный результат [50]. Он также отметил, что если бы правительство Великобритании имело смелость вынести вопрос о ратификации на референдум, слова Ч. Маккриви подтвердились бы.

В тот же день произошел спор между Г. Брауном и лидером оппозиции Дэвидом Кэмероном. Лидер консерваторов назвал Лиссабонский договор мертвым после итогов ирландского референдума, а также заявил, что это не тот договор, который нужен Великобритании [51]. Особой критике он подверг слова Г. Брауна о том, что ирландскому народу надо больше времени на принятие решения, спросив Г. Брауна, какой части слова «нет» тот не понимает. В ответ премьер-министр отметил, что многие вопросы, которые являются для консервативной партии приоритетными, во многом обеспечиваются за счет членства Великобритании в ЕС, обвинив консерваторов в том, что они поддерживают цели, но критикуют средства. Д. Кэмерон также отметил,

что если премьер-министр хочет узнать британский взгляд на проблему ратификации, он может спросить народ, проведя референдум [52]. В ответ на это Г. Браун напомнил, что консерваторы выступили против проведения аналогичного референдума по поводу Маастрихтского договора [53]. После этого лидер оппозиции призвал Г. Брауна не идти по пути Джона Мэйджора и не повторять ошибок прошлого [54]. В довершение он отметил, что видел у медузы более сильный хребет и больше лидерских качеств, чем у премьер-министра Г. Брауна [55].

18 июня договор прошел через палату лордов, а 19 июня 2008 г. был одобрен королевской санкцией, договор вступил в силу 1 декабря 2009 г. Тем не менее до самого вступления договора в силу Д. Кэмерон обещал в случае прихода консерваторов к власти провести референдум по вопросу ратификации договора. Однако перед вступлением в силу Лиссабонского договора лидер консервативной партии объявил об окончании кампании за его проведение, отметив, что партия, несмотря на это, сохраняет свою позицию по вопросам европейской политики [56].

В целом, консерваторы были настроены критически к Лиссабонскому договору, что объясняется, в первую очередь, ограничением суверенитета страны внутри ЕС, против чего выступали консерваторы со времен М. Тэтчер. Особое беспокойство вызывало возможное вмешательство институтов ЕС в судебную систему Великобритании, а также необходимость корректировки внутренней и внешней политики в соответствии с решениями, принятыми в рамках ЕС. При этом основная часть консервативной партии настаивала на том, что Лиссабонский договор является повторением несостоявшегося проекта конституции ЕС. В то же время лейбористы утверждали, что Лиссабонский договор не вносит кардинальные изменения во взаимоотношения между ЕС и Великобританией и ни в коем случае не ограничивает британский суверенитет.

По вопросам совместной политики безопасности внутри ЕС консерваторы высказывались решительно против, обосновывая это тем, что структуры НАТО вполне достаточно для решения основных проблем в данной сфере.

В процессе обсуждения договора консерваторы старались оттянуть его принятие, требуя более подробного обсуждения каждого пункта договора. Параллельно с этим они требовали проведения референдума по его ратификации, апеллируя как к опыту других стран, так и к предвыборным манифестам ключевых британских политических партий.

Само обсуждение договора велось в достаточно агрессивном ключе, что объясняется невозможностью консерваторов повлиять на решение о ратификации договора.

Примечания

1. Мещерякова О. Лиссабонский договор и развитие наднациональных функций в деятельности институтов Европейского Союза. М., 2011.
2. Hansard Parliamentary Debates. 2007. Vol. 464; 2007. Vol. 465; 2008. Vol. 471; 2008. Vol. 472; 2008. Vol. 473; 2008. Vol. 477.
3. Full text of speech by Tory leadership candidate David Cameron, given today at the Centre for Policy Studies. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2005/nov/08/toryleadership2005.conservatives> (дата обращения: 16.05.2016). P. 258.
4. MPs consider fallout from EU vote URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_politics/7277644.stm (дата обращения: 16.05.2016). P. 19.
5. Helm T. Giscard: EU Treaty is the constitution rewritten. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1567804/Giscard-EU-Treaty-is-the-constitution-rewritten.html> (дата обращения: 16.05.2016). P. 5.
6. Brown signs EU Treaty as experts warn UK will surrender control of immigration URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-501637/Brown-signs-EU-Treaty-experts-warn-UK-surrender-control-immigration.html> (дата обращения: 16.05.2016). 2007. Vol. 464. Col. 159.
7. Ibid. Col. 160.
8. Энтин М. Евросоюз: Договор о реформе // Современная Европа. 2007. № 4(32).
9. <http://www.dailymail.co.uk/news/article-501637/Brown-signs-EU-Treaty-experts-warn-UK-surrender-control-immigration.html> (дата обращения: 16.05.2016). 2007. Vol. 465. Col. 19.
10. Ibid. Col. 22–23.
11. Ibid. Col. 23.
12. Ibid.
13. Ibid. Col. 29.
14. Ibid. Col. 30.
15. Helm T. Giscard: EU Treaty is the constitution rewritten URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1567804/Giscard-EU-Treaty-is-the-constitution-rewritten.html> (дата обращения: 16.05.2016). P. 7.
16. Hansard Parliamentary Debates. 2007. Vol. 464; 2007. Vol. 465; 2008. Vol. 471; 2008. Vol. 472; 2008. Vol. 473; 2008. Vol. 477.

17. Капитонова Н. К. Британия в Евросоюзе: эволюция взглядов // Дилеммы Великобритании: поиск путей развития / под ред. А. Громыко (отв. ред.), Е. Ананьевой. М.: Весь мир, 2014.
18. <http://www.dailymail.co.uk/news/article-501637/Brown-signs-EU-Treaty-experts-warn-UK-surrender-control-immigration.html> (дата обращения: 16.05.2016). 2008. Vol. 471. Col. 991–992.
19. Ibid. Col. 1016.
20. Ibid. Col. 1024–1025.
21. Ibid. Col. 1011–1012.
22. Ibid. Vol. 472. Col. 381.
23. Ibid. Col. 371.
24. Ibid. Col. 394.
25. Ibid. Col. 291–392.
26. Ibid. Col. 1107–1108.
27. Ibid. Col. 1112.
28. Ibid. Col. 1457.
29. Ibid. Col. 1457.
30. Ibid. Col. 1464.
31. Ibid. Col. 1467.
32. Ibid. Col. 1460.
33. Ibid. Col. 1762.
34. Ibid. Col. 1767.
35. Ibid.
36. Ibid. Col. 1173–1774.
37. Ibid. Col. 1775.
38. Ibid. Col. 1783.
39. David Cameron admits Lisbon treaty referendum campaign is over URL: <http://www.theguardian.com/politics/2009/nov/04/david-cameron-referendum-campaign-over> (дата обращения: 16.05.2016).
40. Ibid. Vol. 473. Col. 154.
41. Ibid. Col. 160.
42. Ibid. Col. 163.
43. Ibid. Col. 170.
44. Ibid. Col. 199.
45. Ibid. Col. 212–215.
46. Ibid. Col. 242–246.
47. Ibid. Col. 245–246.
48. Ibid. Vol. 477 Col. 705.
49. Ibid. Col. 718.
50. Ibid. Col. 1044–1045.
51. Ibid. Col. 939.
52. Ibid. Col. 939.
53. Ibid. Col. 940.
54. Ibid. Col. 940.
55. Ibid. Col. 940.
56. Капитонова Н. К. Отношения с Францией и Германией // Дилеммы Великобритании: поиск путей развития / под ред. А. Громыко (отв. ред.), Е. Ананьевой. М.: Весь мир, 2014.

Notes

1. Mescheryakova O. Lissabonskij dogovor i razvitie nadnacional'nyh funkcij v deyatel'nosti institutov Evropejskogo Soyuza [Lisbon Treaty and the development of supranational functions in the institutions of the European Union]. М. 2011.
2. Hansard Parliamentary Debates. 2007. Vol. 464; 2007. Vol. 465; 2008. Vol. 471; 2008. Vol. 472; 2008. Vol. 473; 2008. Vol. 477.
3. Full text of speech by Tory leadership candidate David Cameron, given today at the Centre for Policy Studies. Available at: <http://www.theguardian.com/politics/2005/nov/08/toryleadership2005.conservatives> (дата обращения: 16.05.2016). P. 258.
4. MPs consider fallout from EU vote Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_politics/7277644.stm (дата обращения: 16.05.2016). P. 19.
5. Helm T. Giscard: EU Treaty is the constitution rewritten. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1567804/Giscard-EU-Treaty-is-the-constitution-rewritten.html> (дата обращения: 16.05.2016). P. 5.
6. Brown signs EU Treaty as experts warn UK will surrender control of immigration Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-501637/Brown-signs-EU-Treaty-experts-warn-UK-surrender-control-immigration.html> (дата обращения: 16.05.2016). 2007. Vol. 464. Col. 159.
7. Ibid. Col. 160.
8. Entin M. Evrosoyuz: Dogovor o reforme [EU: Treaty reform] // Sovremennaya Evropa – Modern Europe. 2007, No. 4(32).

9. <http://www.dailymail.co.uk/news/article-501637/Brown-signs-EU-Treaty-experts-warn-UK-surrender-control-immigration.html> (date accessed: 16.05.2016). 2007. Vol. 465. Col. 19.
10. Ibid. Col. 22–23.
11. Ibid. Col. 23.
12. Ibid.
13. Ibid. Col. 29.
14. Ibid. Col. 30.
15. Helm T. Giscard: EU Treaty is the constitution rewritten Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1567804/Giscard-EU-Treaty-is-the-constitution-rewritten.html> (accessdate: 6.05.2016). P. 7.
16. Hansard Parliamentary Debates. 2007. Vol. 464; 2007. Vol. 465; 2008. Vol. 471; 2008. Vol. 472; 2008. Vol. 473; 2008. Vol. 477.
17. Kapitonova N. K. Britaniya v Evrosoyuze: ehvolyuciya vzglyadov Germaniej [Britain in the European Union: the evolution of Germany] // Dilemmy Velikobritanii: poisk putej razvitiya – Dilemmas of UK: search of ways of development.
18. <http://www.dailymail.co.uk/news/article-501637/Brown-signs-EU-Treaty-experts-warn-UK-surrender-control-immigration.html> (date accessed: 16.05.2016). 2008. Vol. 471. Col. 991–992.
19. Ibid. Col. 1016.
20. Ibid. Col. 1024–1025.
21. Ibid. Col. 1011–1012.
22. Ibid. Vol. 472. Col. 381.
23. Ibid. Col. 371.
24. Ibid. Col. 394.
25. Ibid. Col. 291–392.
26. Ibid. Col. 1107–1108.
27. Ibid. Col. 1112.
28. Ibid. Col. 1457.
29. Ibid. Col. 1457.
30. Ibid. Col. 1464.
31. Ibid. Col. 1467.
32. Ibid. Col. 1460.
33. Ibid. Col. 1762.
34. Ibid. Col. 1767.
35. Ibid.
36. Ibid. Col. 1173–1774.
37. Ibid. Col. 1775.
38. Ibid. Col. 1783.
39. David Cameron admits Lisbon treaty referendum campaign is over Available at: <http://www.theguardian.com/politics/2009/nov/04/david-cameron-referendum-campaign-over> (date accessed: 16.05.2016).
40. Ibid. Vol. 473. Col. 154.
41. Ibid. Col. 160.
42. Ibid. Col. 163.
43. Ibid. Col. 170.
44. Ibid. Col. 199.
45. Ibid. Col. 212–215.
46. Ibid. Col. 242–246.
47. Ibid. Col. 245–246.
48. Ibid. Vol. 477 Col. 705.
49. Ibid. Col. 718.
50. Ibid. Col. 1044–1045.
51. Ibid. Col. 939.
52. Ibid. Col. 939.
53. Ibid. Col. 940.
54. Ibid. Col. 940.
55. Ibid. Col. 940.
56. Kapitonova N. K. Otnosheniya s Franciej i Germaniej [Relations with France and Germany] // Dilemmy Velikobritanii: poisk putej razvitiya – Dilemmas of UK: search of ways of development.

**Н. Г. Первухин как археолог (по материалам переписки
А. А. Спицына и П. С. Уваровой 1886–1889 гг.)***

В статье на материалах переписки А. А. Спицына и председателя Московского археологического общества П. С. Уваровой 1886–1889 гг. раскрываются новые подробности биографии Н. Г. Первухина, его работы над составлением археологического описания древностей Глазовского уезда Вятской губернии, роль научных контактов с провинциальными и столичными коллегами в жизни исследователя, выявляются проблемы развития провинциальной науки. В результате раскрывается образ Н. Г. Первухина как человека работоспособного, практичного, ревностно относящегося к своему делу. Письма обнажают парадоксальную ситуацию, когда всесторонняя поддержка Московского археологического общества в развитии провинциальной науки, раскрывавшего потенциал региональных исследователей, обернулась причиной конфликта в среде местных деятелей, что отрицательно сказалось на организации целенаправленных исследований в губернии.

This article is based on materials of correspondence of 1886–1889 of A. A. Spitsyn and P. S. Uvarova, chairman of the Moscow archaeological society where the new facts of the biography of N. G. Pervukhin, details of his work on the description of archaeological antiquities of the Glazov County of the Vyatka province are discovered. These materials are also indicative from the point of view of a role of scientific communications with colleagues from the province and the capital in the researcher's life, show problems of provincial science. The research has shown that N. G. Pervukhin was a person efficient, practical, jealously treated the business. Letters show a paradoxical situation when full support of the Moscow archaeological society of provincial researchers has turned back the conflict among local figures. It has had an adverse effect on the organization of purposeful researches in the province.

Ключевые слова: Московское археологическое общество, провинция, Вятская губерния, письма, П. С. Уварова, А. А. Спицын, Н. Г. Первухин.

Keywords: Moscow archaeological society, Russian province, Vyatka province, correspondence, P. S. Uvarova, A. A. Spitsyn, N. G. Pervukhin.

А. А. Спицын и Н. Г. Первухин – одни из первых историков и археологов Вятского края, заложившие основы научного подхода к сбору, описанию и анализу разнохарактерных свидетельств прошлого региона. Биографии исследователей и их научное наследие не раз становились предметом изучения современных ученых [1]. Однако взаимоотношения этих двух современников еще не были предметом отдельного изучения, что довольно странно при схожести их научных интересов.

Новые источники по истории региональной археологии дают возможность переосмыслить опыт сотрудничества провинциальных и столичных деятелей периода профессионализации археологии (конец XIX – начало XX в.), дополнить историю изучения финно-угорских народов на территории Вятской губернии (современных Удмуртии и Кировской области), расширят базу для оценки современных событий. Обращение к деятельности этого первого поколения местных исследователей позволит понять истоки формирования современных научных традиций, условия возникновения организационных структур изучения археологии Удмуртии.

Становление научного интереса к изучению местных древностей на местах происходило в условиях стимулирования этого процесса со стороны столичных организаций и научных обществ. Особую роль в этом сыграло Московское археологическое общество (МАО). В Отделе письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва) в фонде Уваровых сохранилась многостраничная переписка А. А. Спицына и графини П. С. Уваровой, председателя МАО, раскрывающая подробности взаимодействия региональных корреспондентов и столичного патрона [2]. Письма датируются временем с 1886 по 1914 г., за которое преподаватель Вятской Мариинской женской гимназии, член Вятского губернского статистического комитета, начинающий исследователь стал видным деятелем российской археологии. Из 60 сохранившихся писем большая часть относится к периоду проживания А. А. Спицына в Вятке и раскрывает методологические, библиографические, организационные, финансовые проблемы изучения древностей в провинции. Среди прочего переписка отражает археологическую деятельность инспектора народных училищ Н. Г. Первухина и связанные с ней научные коммуникации провинциала.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Вятские и пермские корреспонденты Московского археологического общества» № 16-11-18008.

Николай Григорьевич Первухин (1850–1889) закончил духовную семинарию в Твери и Московскую духовную академию. После этого он начинает педагогическую деятельность в Ярославской, затем в Тверской губерниях, а спустя некоторое время поступает на службу в главное управление военно-учебных заведений. Начало его увлечения краеведением относится к 1875–1877 гг., когда Н. Г. Первухин преподавал историю в Нижегородской военной гимназии и одновременно давал уроки истории и педагогики в Мариинском женском институте. В 1875 г. он представляет в Нижегородский статистический комитет доклад о состоянии отхожих промыслов Арзамасского уезда в середине XIX в., что явилось его первым опытом исследовательской работы. Вскоре он избирается членом статкомитета и продолжает краеведческую работу, приобретая профессиональные навыки. Однако главные труды его жизни были написаны на материалах Глазовского уезда Вятской губернии, куда он переезжает в 1885 г., приняв предложенную ему должность инспектора народных училищ.

Отношения А. А. Спицына с МАО начались, по-видимому, с того времени, как он стал действительным членом Вятского губернского статистического комитета. Именно через комитеты МАО проводило работу по выявлению кадров – рассылало запросы, собирая сведения обо всех лицах, занимающихся историко-археологическими, этнографическими и прочими изысканиями [3]. В одном из первых писем П. С. Уваровой от 14 июня 1886 г. А. А. Спицын пишет, что «очень тронут Вашим вниманием ко мне и навсегда сохраню о нем добрую память» и добавляет, «так как Вы уже заинтересованы моей работой, то я буду сообщать Вам о ходе ее время от времени небольшие сведения, причем, вероятно, не раз мне придется воспользоваться Вашим согласием доставлять мне нужные указания и справки» [4].

О начале сотрудничества и открытости П. С. Уваровой к провинциальным исследователям говорит приглашение графини зайти «потолковать», которое А. А. Спицын из скромности отклоняет: несмотря на множество тем для обсуждения, «прежде всего я человек стесняющийся. Что толку в таком госте?» [5]. И, тем не менее, общность интересов способствовала укреплению научных связей и налаживанию деловых отношений. Так, в переписке того же года уже обсуждаются: программа провинциального исследователя (вероятно, «Программа для описания доисторических древностей Вятской губернии») и перипетии ее издания, распространения в губернии. Поднимается вопрос о публикации на основе этих материалов брошюры «Новые сведения о доисторической археологии Вятского края», анализируются его занятия по обработке писцовых книг, подготовка вещей для выставки на предстоящем Ярославском археологическом съезде, написание по заданию Московского археологического общества исторической записки о Вятском музее, составление археологической карты губернии, желание поработать над темой по истории расселения инородцев по территории края, сообщение о любопытной находке «пелены» в Свято-боровском Пафнутьевском монастыре Калужской губернии, вопросы организации полевых исследований А. А. Спицына в Вятской губернии, наличие в местной библиотеке периодических изданий МАО, просьба содействовать в допуске брата в архив и музей Археологической комиссии для работы с вятскими коллекциями [6]. Это говорит о большой заинтересованности обеих сторон в общении и его высокой интенсивности по таким параметрам, как собирание сведений о крае и организационная, интеллектуальная, мотивационная поддержка провинциальных исследований.

Одним из сюжетов этой переписки является обсуждение краеведческой работы инспектора народных училищ Глазовского уезда Н. Г. Первухина. Речь идет о его рукописи «Краткий очерк кладовищ, встречающихся в Глазовском уезде Вятской губернии, и находок, сделавшихся здесь известными» [7]. Эта работа в том виде, как ее составил автор, так и не была опубликована до 2015 г. [8] Однако именно она стала пригласительным билетом в мир большой науки. Благодаря ей провинциальный исследователь был замечен МАО и уже в сотрудничестве с ним опубликовал три статьи в «Материалах по археологии восточных губерний России» – крупном столичном продолжающемся издании, разошедшемся по многим губерниям России. В переписке П. С. Уваровой и А. А. Спицына раскрываются подробности того, как работа Н. Г. Первухина попала в столичную печать, какую роль в этом сыграл А. А. Спицын, показывается развитие отношений провинциальных исследователей и столичного патрона.

При многочисленных разъездах по Глазовскому уезду, связанных с его официальной службой, Н. Г. Первухин, интересовавшийся этнографическими вопросами, начал изучать быт бесермян, пермяков и, главным образом, удмуртов. С помощью учителей из вотяков он составил словарь вотского языка. Одновременно с этим Н. Г. Первухин собирал произведения вотского народного творчества (молитвы, легенды, сказки, песни), сведения о разного рода памятниках древности.

Рукопись Н. Г. Первухина «Краткий очерк кладовищ, встречающихся в Глазовском уезде Вятской губернии, и находок, сделавшихся здесь известными» 1886 г., соединившая материалы устных источников и личного обследования исследователем мест находок древних вещей в Вятской гу-

бернии, была отправлена автором в губернский статистический комитет. Так делали многие провинциальные исследователи, это был единственно возможный путь опубликовать свое исследование на страницах местной периодической печати. Неофициальные отделы «Памятных книжек Вятской губернии» или «Вятских губернских ведомостей» являлись накопителем научно-исторического знания в провинции, закладывая основы местной региональной историографии [9].

Однако в данном случае с публикацией рукописи возникло «некоторое затруднение», в результате чего история стала развиваться совсем по иному сценарию [10].

В письмах декабря 1886 – начала 1887 гг. А. А. Спицын сообщает графине П. С. Уваровой о том, что инспектор Глазовских училищ Н. Г. Первухин прислал в Вятский статистический комитет объемную рукопись с описанием доисторических древностей своего уезда, «содержание которой превзошло все наши ожидания» [11]. «Прекрасное изложение, тщательность изысканий, богатство материала», отмеченные А. А. Спицыным, приводят его к выводу, что труд Н. Г. Первухина «в местной археологии займет очень почетное место», и даже может быть назван «выдающимся» [12]. Надо уточнить, что к этому времени уже вышла в свет работа самого А. А. Спицына «Каталог древностей Вятского края», в которой были впервые систематизированы все известные сведения по археологии губернии. Столь лестная характеристика человека, получившего высшее историко-филологическое образование, специалиста в той же области знаний, давала серьезные основания обратить пристальное внимание на собранные материалы и на исследователя.

Древности Глазовского уезда Вятской губернии были одним из необходимых компонентов изучения истории заселения данной территории и реконструкции этнической истории региона, где по соседству проживали русские, удмурты, пермяки, татары и бесермяне. Работая над серьезным обобщающим трудом по древней истории Вятского края, А. А. Спицын писал в конце 1887 г. в МАО, что «с научно обработанной статьей о вятских древностях, я полагаю, невозможно будет выступить и в начале будущего года: нужно подождать выхода в свет статьи Первухина (о Глазовских древностях) и исследования о костеносных городищах, которое зимой обещал издать Пономарев, нужно многое прочесть и еще о большем подумать. <...> Невозможно спешить с теорией, обсуждением фактов, но чем скорее изложены самые факты, тем лучше» [13]. Археологические исследования Н. Г. Первухина в Глазовском уезде представляли ценный фактический материал, без которого немислимы были серьезные выводы и теоретические обобщения.

Удивительным кажется то, как уважительно отзывается А. А. Спицын об исследовательской работе своего земляка. Несмотря на то что в рукописи Н. Г. Первухина периодически встречалась фраза «в каталоге древностей г. Спицына не указывается», а также говорилось о неточностях, допущенных предшественником [14], Александр Андреевич не критиковал автора. Представив сильные стороны работы, он также поделился теми наблюдениями, которые сделал на ее основе. Если часть из них непосредственно выводятся из авторского текста, как, например, принадлежность глазовских городищ вотякам и черемисам, поражающая многочисленность серебряных находок, то другие выводы опираются на широкие познания самого А. А. Спицына, позволяющие ему увидеть сходство привесок с данной территории «с таковыми Пермской, Казанской губерний и мерянскими», а также отказаться от мысли определить время сооружения городищ в силу отсутствия датирующих находок, «на которые можно было бы положиться» [15].

А. А. Спицын и Н. Г. Первухин сходились во взглядах по многим аспектам древнейшей истории: «Мнение мое и Первухина о частых находках серебряных вещей в Глазовском уезде основывается на рассказах местных жителей о находках и действительных фактах таких находок, отмеченных и в моей статье, и у Первухина. Серебро по Чепце было восточное, и не столько в мелких изделиях, сколько в крупных, преимущественно блюдах, сосудах, ожерельях, браслетах и монетах», – писал А. А. Спицын П. С. Уваровой [16].

Более того, А. А. Спицын делится с графиней тем открытием, которое он сделал на основе опыта Н. Г. Первухина: «Под влиянием работы г. Первухина я обратил должное внимание на название местностей – и занятие оказалось настолько содержательным, что превзошло всякие ожидания» [17].

Несмотря на положительные отзывы о работе Н. Г. Первухина, характер писем дает понять, что позиция его в интеллектуальном сообществе менее прочная, чем у А. А. Спицына. Характер высказываний указывает на то, что последний чувствует себя более опытным, уверенным в себе человеком, чем Николай Григорьевич. Вероятно, полученное университетское образование сильно выделяло его в вятском провинциальном обществе, что ощущал и сам исследователь. В немалой степени служили этому и налаженные научные коммуникации с одним из гигантов археологической науки – МАО. О Н. Г. Первухине, хоть и старшем по возрасту, А. А. Спицын со снисхождением говорит, что тот «не наученный еще опытом, не знает, что подобные труды редко вознаграждаются» [18].

Н. Г. Первухин еще не знаком с правилами профессионального сообщества, поэтому «заводит речь, очень деликатную, о том, что “в наш утилитарный век” и т. д., проще говоря, что ему было бы приятно вернуть в свой кошелек потраченные им рубли и вложить туда же что-нибудь за потраченные им усилия» [19]. Не опровергая полностью утверждение современных исследователей о полном альтруизме и бескорыстии краеведов того поколения [20], все таки любопытно отметить, что и им не был чужд прагматический подход к своему делу. Естественно, Вятский статистический комитет не имел возможности удовлетворить эту просьбу. Однако, принимая во внимание ценность присланной работы и вложенные в ее создание усилия, секретарь комитета Н. А. Спасский не торопился отказать автору в удовлетворении его запросов, а предпринял попытку поиска решения этой проблемы. Личные связи в то время, как и сейчас, имели огромное значение. Большой удачей для трудолюбивого и плодовитого провинциального исследователя Н. Г. Первухина обернулось обращение Н. А. Спасского за советом к А. А. Спицыну и смелость последнего обратиться за помощью лично к графине П. С. Уваровой в Москву.

Скромная просьба лишь указать издание, которое бы могло принять статью Н. Г. Первухина и выдать за нее какой-нибудь гонорар или отдельные оттиски этого «детища» [21], была преобразована в предложение приобрести рукопись для Трудов археологического съезда, когда стали известны точные требования автора, по мнению А. А. Спицына, – «условия, собственно говоря, скромные» [22].

Итогом переговоров стало налаживание плотного сотрудничества МАО с Н. Г. Первухиным не только по вопросу издания данной работы, но и по продолжению исследований губернии в археологическом отношении. Благодарность за благосклонное внимание графини, полное расположение Н. Г. Первухина к предстоящей работе выражает его уведомление в том, что «он счел бы большим для себя счастьем, если бы Вы (т. е. П. С. Уварова. – К. В.) позволили посвятить его труд Вашему имени» [23].

Наконец, в марте 1887 г. по просьбе П. С. Уваровой А. А. Спицын сообщает ей адрес Н. Г. Первухина и выражает уверенность, что ее письмо его очень порадует [24]. Вероятно, с этого времени начинается непосредственный диалог между графиней и глазовским исследователем.

Результаты научных контактов Н. Г. Первухина, А. А. Спицына и столичного общества неоднократно описаны в региональной литературе: выделялись денежные субсидии, оказывалось содействие в получении билетов для бесплатного проезда во время археологических изысканий, консультативная помощь в виде отсылки специальной литературы и заданий по планируемым раскопкам, представление докладов и коллекций древних вещей на археологическом съезде [25]. За активное содействие в достижении целей МАО по изучению археологии России оба провинциала были приняты в члены-корреспонденты 27 октября 1887 г.

Сотрудничество с МАО позволило Н. Г. Первухину качественно улучшить свою работу. Вышедший уже после его смерти «Краткий очерк кладовищ, встречающихся в Глазовском уезде» в «Материалах по археологии восточных губерний России» 1896 г., значительно отличающийся от первоначальной рукописи, позволяет судить, насколько выросла профессиональная подготовка исследователя за два года работы под патронатом графини и возглавляемым ею обществом.

Взаимоотношения А. А. Спицына и Н. Г. Первухина могли бы остаться благожелательно деловыми, если бы не один случай. Несмотря на содействие А. А. Спицына в публикации материалов исследователя, установлении сотрудничества с МАО и в целом положительное отношение к нему, переписка с П. С. Уваровой вскрыла ревностное отношение последнего к деятельности Александра Андреевича.

В своих исследованиях Н. Г. Первухин часто опирался на данные, сообщаемые местными жителями – учителями, священниками, и неоднократно сам отмечал этот факт и даже называл их фамилии. Александр Николаевич Шатров, учитель села Зюздино-Рождественского (на верховьях Камы), был одним из таких помощников, правда, в рукописи 1886 г. его фамилия в числе респондентов не фигурирует. Однако А. А. Спицын в письме графине П. С. Уваровой характеризует его как человека, доставившего Н. Г. Первухину «самую ценную в научном отношении часть его коллекции (вещи и черепа из горд-кушетских чудских могил)» [26].

В феврале 1888 г. он описал П. С. Уваровой положение А. Н. Шатрова, желающего работать по археологии, но крайне нуждающегося в материальной и интеллектуальной поддержке: «...для продолжения своих работ он нуждается в средствах, так как жалованье учителей церковно-приходских школ ничтожное даже для такой глуши, как Зюздинский край. Он просит меня доставить ему какую-нибудь оплачиваемую работу “чтоб улучшить финансовое положение, а равным образом и внести посильную лепту в храм жизни”. Последнее выражение вполне искреннее: познакомившись в Глазове с г. Шатровым, я убедился, что у него сильнейшее стремление быть чем-нибудь полезным для науки. Вообще я составил себе о нем представление как о человеке, который при хорошем руководстве окажется весьма полезным деятелем в изучении местного края. Сам я его могу поддержать лишь сочувствием и советом, и теперь обращаюсь к Вам за

содействием: не может ли Моск.(овское) Арх.(еологическое) Общ.(ество) снабдить г. Шатрова не-большой суммой для археологических разысканий? Я с своей стороны мог бы составить для него инструкцию, так как характер местных древностей мне известен» [27]. А чуть позднее конкретизирует свои соображения относительно него: «Шатрову можно бы было, мне кажется, поручить раскопку верхнекамских городищ и могил, а более всего – приобретение для Общества отдельных находок, которых в Зюздинском крае встречается немало. Субсидия в количестве 30–50 р. была бы здесь вполне достаточна» [28].

В итоге MAO выдало в 1888 г. разрешение А. Н. Шатрову производить археологическое изучение Зюздинского края (Глазовский уезд Вятской губернии), при поручительстве и под руководством А. А. Спицына. И уже в июне того же года протеже А. А. Спицына приступил к исследованиям: «Шатров теперь в Вятке и получил от меня возможно подробные инструкции. Это человек деловой, и под руководством будет хорошим работником. Приобрели необходимый археологический инвентарь, добыли нужные бумаги, карту и пр.» [29]

Однако в августе 1889 г., т. е. почти через два года работ А. Н. Шатрова, А. А. Спицын понял, какую ошибку допустил, не приняв во внимание собственнические чувства Н. Г. Первухина: «Я совсем упустил из виду, что поручение на раскопки в Глаз.(овском) уезде, данное другому, могло сильно уязвить самолюбие Н. Г. Первухина, но так случилось, и он сумел парализовать усилия Шатрова и отплатить мне за свою обиду. Он испросил у Вас дозволения взять Шатрова в свое ведение (об этом я узнал только на днях, а до этого думал, что Вы сами предложили ему эту комбинацию), вследствие чего бедняга оказался между двух стульев и остался без руководства, я же был вполне одурачен, так как до последнего времени находился в неведении о совершившейся комбинации и, побуждаемый Вами, приставал с требованиями к своему бывшему protégé, уже не имея на них никакого права и основания. Я в первый и последний раз упоминаю в письме к Вам об этом унижительном вздоре, чтобы навсегда покончить с ним и мотивировать свой положительный отказ принимать какое бы то ни было дальнейшее участие в Шатрове. – Статью о чудских древностях в Зюзд.(инском) крае я написал для того, чтобы сохранить за Шатровым некоторое право авторства. Из нее явствует, что Шатров должен во многом расширить и осистематизировать свои наблюдения и что без руководства он не может ни производить раскопок, ни составлять точных и ясных описаний встречаемых им древностей. В то же время я уверен, что он способный и усердный человек» [30].

Таким образом, в проводимых А. Н. Шатровым изысканиях Н. Г. Первухин, вероятно, усмотрел претензии А. А. Спицына на богатую в отношении впечатляющих находок территорию, предмет кропотливых исследований Николая Григорьевича. В то время как поддержка Александра Андреевича была лишь следствием отзывчивости его на инициативы в деле изучения родного края и не имела корыстной цели.

Несмотря на эту неловкую ситуацию, А. А. Спицын сохранил уважительное отношение к научным заслугам Н. Г. Первухина и принял его право на интеллектуальное лидерство в деле археологического изучения Глазовских древностей. Так, при решении вопроса о судьбе статьи А. Н. Шатрова он предложил передать ее Николаю Григорьевичу: «...статья Шатрова, как Вы увидите, не имеет важности, и мне кажется, лучше всего было бы послать ее для соображений Первухину. Когда Шатров послал мне статью, я спрашивал, что мне с нею делать, но не получил ответа, и решил ее отправить Вам» [31]. А сообщая о кончине Н. Г. Первухина, эмоционально добавляет: «...нам другого Первухина не нажить <...> Только теперь нам стало ясно, как много и как хорошо делал Первухин. Это был талантливый человек» [32].

Таким образом, линия Н. Г. Первухина в переписке А. А. Спицына с П. С. Уваровой показала, что MAO оказывало всестороннюю поддержку развитию провинциальной науки, стремилось раскрыть потенциал региональных исследователей, чутко реагировало на малейшие их просьбы. Но блага, которые сулило сотрудничество с этим обществом, вызывали временами соперничество в среде местных ревнителей древности, имевшее разрушительный характер для организации совместных целенаправленных исследований. Подробности археологических наблюдений Н. Г. Первухина, содержащиеся в письмах А. А. Спицына, дополняются уникальной информацией личного характера. Глазами автора писем нам представлен живой образ Н. Г. Первухина-человека, который не проследить через статьи и отчеты. Образ человека работоспособного, практичного, ревностно относящегося к своему делу.

Примечания

1. Бердинских В. А. Уездные историки. Русская провинциальная историография. М.: Новое лит. обозрение, 2003; Бердинских В. А., Макаров Л. Д. Н. Г. Первухин – исследователь археологии и этнографии Вятского края // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2002. № 6. С. 65–70; Исто-

рия и практика археологических исследований: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А. А. Спицына. Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г. / отв. ред. Е. Н. Носов, И. Л. Тихонов. СПб.: СПбГУ, 2008; *Коробейников А. В., Чураков В. С.* «Беллетристическая» статья Н. Г. Первухина // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2015. № 3(28). С. 158–222; *Кузьминых С. В.* Проблемы эпохи раннего металла в научном наследии А. А. Спицына / С. В. Кузьминых, И. Е. Сафонов // Археология восточноевропейской лесостепи: сб. науч. тр. Воронеж: ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2009. С. 145–162; *Мельникова О. М.* Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX в.): библиограф. словарь-справочник. Ижевск: УдГУ, 2007. С. 74–75, 89–91; *Оконникова Т. И.* Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.). Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002.

2. Выражаю благодарность И. В. Белозеровой, Д. Г. Юшко и другим сотрудникам отдела письменных источников Государственного исторического музея, оказавшим помощь в организации исследований.

3. *Комарова И. И.* Московское археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций России // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 84.

4. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 568. Л. 766.

5. Там же.

6. Там же. Л. 766, 768–769, 670, 672.

7. ГАКО. Ф. 574. Оп. 8. Д. 72.

8. *Коробейников А. В., Чураков В. С.* Указ. соч. С. 158–222.

9. *Загребин А. Е.* Об этнографической журналистике в истории финно-угроведения // Журналистика Удмуртии: история и современность: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию удмурт. нац. период. печати. Ижевск: УдГУ, 2006. С. 30–36; *Мельникова О. М.* Археологическая журналистика и институционализация археологии в российской провинции // Археологія і давня історія України. 2012. Вып. 9. Історія археології: дослідники та наукові центри. Киев: ІА НАН України, 2012. С. 170–177.

10. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 568. Л. 768–769.

11. Там же.

12. Там же.

13. Там же. Л. 789–790.

14. *Коробейников А. В., Чураков В. С.* Указ. соч. С. 184–185.

15. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 568. Л. 768–769.

16. Там же. Л. 816–817.

17. Там же. Л. 770.

18. Там же. Л. 768–769.

19. Там же.

20. *Бердинских В. А.* Уездные историки... С. 250.

21. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 568. Л. 768–769.

22. Там же. Л. 772.

23. Там же. Л. 774.

24. Там же. Л. 780–782.

25. *Бердинских В. А.* Уездные историки... С. 97–98; *Оконникова Т. И.* Указ. соч. С. 45.

26. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 568. Л. 802–803.

27. Там же.

28. Там же. Л. 807–809.

29. Там же. Л. 814–815об.

30. Там же. Л. 834–835.

31. Там же. Л. 840–841.

32. Там же. Л. 842–843.

Notes

1. *Berdinskikh V. A.* Uezdnye istoriki. Russkaya provincial'naya istoriografiya [Provincial historians. Russian provincial historiography]. M. New literary outlook. 2003; *Berdinskikh V. A., Makarov L. D.* Pervuhin – issledovatel' arheologii i ehtnografii Vyatskogo kraja [N.G. Pervukhin – a researcher of archeology and Ethnography of the Vyatka region] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities. 2002, No. 6, pp. 65–70; *Istoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 150-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta AN SSSR, professora A. A. Spitsyna – History and practice of archaeological research: proceedings of the international scientific conf. dedicated to 150th anniversary of birth of corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR, Professor A. A. Spitsyn. Saint-Petersburg, 26–30 November 2008 / ed. by E. N. Nosov, I. L. Tikhonov. SPb. St. Petersburg State University. 2008; *Korobeinikov A. V., Churakov S. V.* «Belletristicheskaya» stat'ya N. G. Pervuhina ["Fictional" article of N. G. Pervukhina] // Idnakar: metody istoriko-kul'turnoj rekonstrukcii – Idnakar: methods of historical-cultural reconstruction. 2015, No. 3(28), pp. 158–222; *Kuz'minykh, S. V.* Problemy ehpoi rannego metalla v nauchnom nasledii A. A. Spitsyna [Problems of early metal epoch in the scientific heritage of A. A. Spitsyn] / S. V. Kuz'minykh, E. I. Safonov // Arheologiya vostochnoevropejskoj lesostepi: sb. nauch. tr.– Archeology of the Eastern European forest-steppe: coll. scient. works. Voronezh: IPC of Voronezh State University. 2009. Pp. 145–162; *Melnikova O. M.**

Provincial'noe arheologicheskoe soobshchestvo Vyatskoj, Kazanskoj, Permskoj gybernij (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): biobibliogr. slovar'-spravochnik [Provincial archaeological community of Vyatka, Kazan, Perm provinces (second half of XIX – beginning of XX century): biobibliogr. dictionary]. Izhevsk. Udmurt State University. 2007. Pp. 74–75, 89–91; Okonnikova T. I. Formirovanie nauchnyh tradicij v arheologii Prikam'ya (60–e gg. XIX v. – konec 40–h gg. XX v.) [Formation of the scientific traditions in the archaeology of the region (60–ies of XIX century – the late 40–ies of XX century)]. Izhevsk. Publ. house "Udmurtia University". 2002.

2. I Express my gratitude to I. V. Belozerova, D. G. Yushko and other officials of the Department of written sources of the State Historical Museum, assisted in the organization of research.

3. Komarova I. I. Moskovskoe arheologicheskoe obshchestvo i ego rol' v razvitii mestnyh kraevedcheskih organizacij Rossii [Moscow archaeological society and its role in the development of local history organizations of Russia] // Arheograficheskij ezhegodnik za 1989 god – Arheographical year-book for the year 1989. M. 1990. P. 84.

4. The Department of written sources of the State Historical Museum (OPI GIM). F. 17. Inv. 1. File 568. Sh. 766.

5. Ibid.

6. Ibid. Sh. 766, 768–769, 670, 672.

7. GAKO. F. 574. Inv. 8. File 72.

8. Korobeinikov A. V., Churakov S. V. Decree. Sh. P. 158–222.

9. Zagrebin A. E. Ob ehtnograficheskoj zhurnalistike v istorii finno-ugrovedeniya [About ethnographic journalism in the history of Finno-Ugric studies] // ZHurnalistika Udmurtii: istoriya i sovremennost': materialy region. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100–letiyu udmurt. nac. period. pečati – Journalism of Udmurt Republic: history and modernity: materials of the region. scientific.–pract. Conf. internat. The 100th anniversary of Udmurtia. NAT. period. print. Izhevsk: Udmurt State University, 2006. S. 30–36; Melnikova O. M. Arheologicheskaya zhurnalistika i institucionalizaciya arheologii v rossijskoj provincii [Archaeological journalism and institutionalization of archaeology in the Russian province] // Arheologiya i davnaya istoriya Ukraini Archaeology and an old history of Ukraine. 2012. Vol. 9. History arheolog: doslidne Naumov, and. Kiev: IA NAS, Nauk, 2012. P. 170–177.

10. OPI GIM. F. 17. Sh. 1. D. 568. Sh. 768–769.

11. Ibid.

12. Ibid.

13. Ibid. Sh. 789–790.

14. Korobeinikov A. V., Churakov S. V. Op. cit. Pp. 184–185.

15. OPI GIM. F. 17. Inv. 1. File 568. Sh. 768–769.

16. Ibid. Sh. 816–817.

17. Ibid. Sh. 770.

18. Ibid. Sh. 768–769.

19. Ibid.

20. Berdinskikh V. A. [Provincial historians...] P. 250.

21. OPI GIM. F. 17. Inv. 1. File 568. Sh. 768–769.

22. Ibid. Sh. 772.

23. Ibid. Sh. 774.

24. Ibid. Sh. 780–782.

25. Berdinskikh V. A. Uezdnye istoriki... [Provincial historians...] P. 97–98; Okonnikova T. I. Op.cit. P. 45.

26. OPI GIM. F. 17. Inv. 1. File 568. Sh. 802–803.

27. Ibid.

28. Ibid. Sh. 807–809.

29. Ibid. Sh. 814–815об.

30. Ibid. Sh. 834–835.

31. Ibid. Sh. 840–841.

32. Ibid. Sh. 842–843.

УДК 343.264

Д. А. Калинина

История административной политической ссылки конца XIX – начала XX в. в отечественной историографии

В статье проведен историографический анализ развития административной политической ссылки, ключевой меры государственного принуждения, которая применялась для борьбы с протестным движением конца XIX – начала XX в. Ссылка подразумевала под собой принудительное водворение политического преступника в специально отведенную для того местность под гласный надзор полиции и подчинение его определенной системе правил и ограничений. Историографический обзор политической ссылки построен по проблемно-хронологическому принципу. Исследования отечественных историков сгруппированы по

трем периодам: дореволюционному, советскому и современному. В каждом этапе были выявлены актуальные проблемы ссылки, которые становились предметом исследований и научных дискуссий, ключевые методологические подходы. Магистральной темой в статье стало отражение динамики в интересах научного сообщества к истории административной политической ссылки.

In the article the historiographical analysis of the administrative political links, the key measures of state coercion that was used to deal with the protest movement of the late XIX – early XX century. Link implies a compulsory placement of the political criminals in the designated area in order under strict police supervision and subordination of certain system of rules and restrictions. Historiographical review of the political references built on problem-chronological order. Research local historians grouped into three periods: the pre-revolutionary, Soviet and modern. In each stage were identified actual problems of links that became the subject of research and scientific discussions, key methodological approaches. A main theme of the article was a reflection of the dynamics in the interest of the scientific community to the administrative history of political exile.

Ключевые слова: Российская империя, государственный преступник, административная политическая ссылка, гласный полицейский надзор, отечественная историография.

Keywords: Russian Empire, a state criminal, administrative, political exile, transparent police surveillance, domestic historiography.

Проблема административной политической ссылки волновала общество с начала функционирования данной системы предупреждения и пресечения государственных преступлений. На разных этапах развития исторической науки ученые затрагивали отдельные проблемы ссылки, которые становились предметом исследований и научных дискуссий.

Для XIX в. характерно преобладание нормативно-правового подхода к исследованию института ссылки. В дореволюционный период тема политической ссылки затрагивалась в работах крупных правоведов в рамках курсов уголовного права. К подобным работам относятся исследования В. М. Гессена, В. В. Есипова, И. Я. Фойницкого, М. Н. Гернет и др. [1]

Большое внимание уделялось таким теоретическим вопросам, как определение общего понятия о ссылке, круга лиц, подлежащих высылке и подчинению гласному надзору, а также влияние политической ссылки на динамику совершаемых государственных преступлений.

Анализ системы политической ссылки через характеристику ее законодательной базы присутствует также в статьях исследователей начала XX в. П. А. Ифланда и В. Д. Жижина [2].

Видные ученые-правоведы уже в XIX в. подняли одну из важнейших проблем, связанных с системой подчинения гласному надзору государственных преступников, – вопрос о целесообразности политической ссылки как меры наказания [3]. Как правило, выводы по данной проблеме были отнюдь не в пользу практики ссылки политически опасных подданных. В частности, В. В. Есипов утверждал, что «ссылка оказалась наказанием неудобным для государства и общества как в экономическом отношении, так и в отношении нравственном...» [4].

На рубеже XIX–XX вв. появляются первые исследования, непосредственно посвященные истории политической ссылки в Российской империи [5]. В них содержится в основном описательный материал о тяжелых бытовых условиях жизни государственных преступников, а также сложных взаимоотношениях ссылных с местными властями.

Необходимо отдельно упомянуть статью Е. Н. Тарновского, которая дает подробнейший статистический анализ распределения политических ссылных по возрасту, социальному положению, семейному состоянию, образованию, видам занятий и т. д. за период 1901–1903 гг. [6] Автор создал обобщенный образ государственного преступника начала XX в. Так, среднестатистическое лицо, совершившее противоправительственное деяние, представляло собой молодого мужчину 21–30 лет, как правило, не состоящего в браке. По сословному, профессиональному признаку и уровню образования в конце XIX в. это был дворянин с высшим образованием, занятый в нематериальном производстве, в начале XX в. – мещанин или крестьянин с начальным образованием, занятый в обрабатывающей промышленности.

Итак, система политической ссылки интересовала современников, которые неоднократно обращались к ее сущности с целью определения эффективности данного элемента государственной политики, степени влияния ссылки как на неблагонадежную, так и на поддерживающую официальную политику части общества. Дореволюционные исследования интересны еще и тем, что являлись непосредственным откликом на происходящие в это время события. К политической ссылке относились не как к одному из пройденных этапов истории государства, ее считали важным звеном современной общественно-политической обстановки, требующим оценки со стороны российских подданных. При этом необходимо отметить высокую степень объективности дореволюционных работ, посвященных анализу ссылки.

Советский период характеризуется повышением интереса к истории политической ссылки, которая, однако, рассматривается в основном как реакционный карательный институт в рамках борьбы царизма с революционерами. Ссылка становится объектом интереса ученых-историков, проводящих исследование системы гласного надзора по двум основным направлениям: ссылка как форма карательной политики царской власти [7] и ссылка как этап революционной деятельности противников существующего строя [8].

Практика высылки государственных преступников привлекала внимание и крупных политических деятелей. В. И. Ленин неоднократно ставил задачу систематического сбора сведений о составе ссыльных, их численности для обличения царской политики, а также планировал подготовку брошюры о правилах поведения рабочих и социалистов на воле, в тюрьме и ссылке [9].

Кроме того, изучение проблемам уголовного законодательства Российского государства продолжил ученый-криминалист М. Н. Гернет [10]. В его работе широко использовано тюремное законодательство царской России, многочисленные воспоминания бывших политических заключенных, обширный статистический материал, соответствующая историческая и историко-юридическая литература.

Особый интерес представляет исследование С. С. Остроумова, который собрал и проанализировал данные по уголовным преступлениям, совершенным в конце XIX – начале XX в. [11]

Советские исследователи отмечали ведущую роль административной ссылки среди разнообразных мер воздействия государства на активизировавшееся революционное движение. Известный политический деятель, участник революционных событий Я. М. Свердлов писал, что «старая дореволюционная практика знала почти исключительно один вид ссылки. Это ссылка без суда на срок до пяти лет» [12]. Исследователи 60–70-х гг. XX в. делали аналогичные выводы. Например, А. П. Мещерский называл административную ссылку «основным средством борьбы царизма с революционным движением» [13].

Для советской историографии характерно появление работ биографического характера, посвященных судьбам крупных революционеров. Административная политическая ссылка рассматривается в них как институт карательной политики государства, через который прошло большинство активных участников революционного движения [14]. Биографические исследования позволили взглянуть на систему гласного надзора с позиции отдельной исторической личности.

Еще одной особенностью данного периода является развитие интереса к региональной истории и, в частности, к истории политической ссылки в тех или иных районах советского государства, которые до 1917 г. принимали на своей территории гласноподнадзорных [15]. Подобные работы заметно расширили источниковую базу и выявили новые аспекты проблемы административной ссылки, в частности социально-экономические условия жизни поднадзорных.

В советское время было подготовлено большое количество монографий и сборников статей, посвященных вопросам быта ссыльных, их материального положения, обеспеченности медицинской помощью, особенностям взаимоотношений с полицией и местной администрацией. Однако для всех этих работ характерно определенное однообразие. Связано это с тем, что в каждом исследовании основная роль отводилась революционной деятельности политических ссыльных, направленной против местных властей и в целях подъема политической активности местного населения. Все характеристики гласного надзора подгонялись под основной идеологический шаблон: «ссылка – элемент карательной политики царизма».

В 90-е гг. XX в. интерес к истории политической ссылки практически сходит на нет. Исследование системы ссылки в отдаленные регионы империи активных противников официальной власти перемещается в провинцию, где о системе надзора за государственными преступниками продолжает выходить сравнительно небольшое количество работ [16].

На современном этапе не было создано ни одного труда, в целом характеризующего систему политической ссылки в России. Интерес исследователей смещается от поднадзорных революционеров к полицейским органам, боровшимся с революционным движением [17]. В данных работах мы изредка находим лишь отдельные упоминания о системе гласного надзора с позиции подчиненных ему лиц. В конце 1990-х гг. наблюдается некоторое оживление интереса к истории ссылки на региональном уровне. В этот период было защищено несколько диссертационных исследований [18].

В целом в исследованиях современного периода предпринимаются попытки переосмысления наследия советской историографии в целях выявления новых направлений изучения истории ссылки, расширения спектра актуальных вопросов, связанных с системой гласного надзора.

Примечания

1. Гернет М. Н. Преступление и наказание (прошлое, настоящее и будущее уголовное право). Н.Новгород: «Сеятель», 1907; Гессен В. М. Лекции по полицейскому праву. СПб.: Издание студентов, 1907–1908; Есинов В. В. Очерк русского уголовного права: Часть общая: преступления и преступники; наказания и

наказуемые. Варшава: Тип. Варшавского учеб округа, 1894; *Фойницкий И. Я.* Уголовное право. Учение о наказании. СПб.: Типо-лит. Гельперн, 1886; и др.

2. *Жижин В. Д.* Ссылка в России (Законодательная история русской ссылки) // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 1. С. 37–70; *Ифланд П. А.* Система наказаний по Уголовному положению 22 марта 1903 г. // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 5. С. 1–60.

3. *Дриль Х. Д.* Целесообразна ли современная ссылка в качестве карательной меры // Журнал юридического общества. 1896. № 1. С. 30; *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889; и др.

4. *Есипов В. В.* Указ. соч. С. 369.

5. *Кропоткин П. А.* Тюрма и ссылка, каторга в России. СПб.: Тип. В. Мильштейна, 1906; *Николаевский Н.* Тюрма и ссылка: Очерки политической и религиозной ссылки. М., 1898; *Фельдштейн Г. С.* Ссылка, очерки ее генезиса, значения, истории и ее современного положения. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1893; и др.

6. *Тарновский Е. Н.* Статистические сведения о лицах, обвиняемых в преступлениях государственных // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 4. С. 50–100.

7. *Глазунов М. М., Митрофанов Б. А., Фоменко И. П.* По законам Российской империи. М.: Юрид. лит., 1976; *Бровцкова Е. П.* Законодательство царизма конца XIX – начала XX в. о так называемых государственных преступлениях // Проблемы истории СССР. 1976. Вып. 5. С. 379–396; *Галиакбарова В. С.* Система законодательных средств, направленных царизмом на борьбу с первой русской революцией // Научные труды Свердловского юридического института. Свердловск: Свердлов. юрид. ин-т., 1975. Вып. 44. С. 123–127; и др.

8. *Вилленский-Сибиряков В.* Политкаторжане (Каторга и ссылка в российской революции). М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкат. и ссыльнопос., 1925; *Захарова-Цедербаум К. И., Цедербаум С. И.* Из эпохи «Искры» (1900–1905 гг.). М; Л.: Гос. изд-во, 1926; и др.

9. *Ленин В. И.* Гонители земства и аннибалы либерализма // Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 25–72; *Ленин В. И.* Письмо к редакторской группе // Полное собрание сочинений. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 179–181.

10. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 1–5. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951–1956.

11. *Остроумов С. С.* Очерки истории уголовной статистики дореволюционной России. М.: Всесоюз. юрид. заоч. и-т, 1961; *Остроумов С. С.* Преступность и её причины в дореволюционной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960.

12. *Свердлов Я. М.* Избранные произведения. Т. I. М.: Госполитиздат, 1957. С. 67.

13. *Межерский А. П.* Особенности, партийный состав политической ссылки в Сибири в конце XIX – начале XX века // Ссылные революционеры в Сибири (XX – февраль 1917 г). Вып. 1. Иркутск: Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1973. С. 128.

14. Библиографический словарь от предшественников декабристов до падения царизма. Т. 5. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев», 1927–1932; *Новосёлов М.* Николай Эрнестович Бауман. М.: Мол. гв., 1955; Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929; Участники русского революционного движения эпохи борьбы с царизмом. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1927; и др.

15. *Мендрин Г. И.* Медицинская деятельность политических ссыльных в Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1962; *Овечкина С. Ю.* Женская политическая ссылка в Архангельской губернии. Архангельск: Помор. ун-т, 2004; и др.

16. *Казарян П. Л.* Якутия в системе политической ссылки России, 1826–1917 гг. Якутск: «Сахаполиграфиздат», 1998; *Дегальцева Е. А.* Роль политической ссылки в деятельности культурно-просветительских обществ в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Общественно-политическая жизнь Сибири XIX–XX вв. Новосибирск: Наука, 1998. Вып. 3. Ч. 1. С. 48–64; и др.

17. *Токарева С. Н.* Полицейский надзор в Российской империи // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 94–104.

18. *Земляков А. В.* Политическая ссылка в Западной Сибири. Историко-правовой аспект: 1905–февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003; *Терехин А. А.* Ссылка в Пермской губернии в XIX веке: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2003; и др.

Notes

1. Gernet M. N. Prestuplenie i nakazanie (proshloe, nastoyashchee i budushchee ugovnoe pravo) [Crime and punishment (past, present and future criminal law)]. N. Novgorod. "The Sower". 1907; Hessen V. M. Lekcii po policejskomu pravu [Lectures on police law]. SPb. Edition of students. 1907–1908; Esipov V. V. Oчерk russkogo ugovnogo prava: CHast' obshchaya: prestupleniya i prestupniki; nakazaniya i nakazuemye [Sketch of Russian criminal law: General Part: crimes and criminals; punishment and the punished]. Warsaw. Typ. of the Warsaw educational district. 1894; Foinitsky I. Y. Ugolovnoe pravo. Uchenie o nakazanii [Criminal law. The doctrine of the punishment]. SPb. Tipo-lit. Gelpern. 1886; etc.

2. Zhizhin V. D. Ssylka v Rossii (Zakonodatel'naya istoriya russkoj ssylki) [Exile in Russia (Legislative history of Russian exile) // ZHurnal Ministerstva yusticii – Journal of the Ministry of justice. 1900, No. 1, pp. 37–70; Ifland P. A. Sistema nakazaniy po Ugolovnomu polozheniyu 22 marta 1903 g. [System of punishments according to Criminal regulation 22 Mar 1903] // ZHurnal Ministerstva yusticii – Journal of the Ministry of justice. 1916, No. 5, pp. 1–60.

3. Drill H. D. Celesoobrazna li sovremennaya ssylka v kachestve karatel'noj mery [Whether a modern exile is reasonable as a punitive measure or not] // ZHurnal yuridicheskogo obshchestva – Journal of the law society. 1896,

- No. 1, p. 30; Foinitsky I. Y. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem [Doctrine of punishment in connection with prison management]. Spb. Typ. of the Ministry of railways. (A. Behnke). 1889; etc.
4. Esipov V. V. Op. cit. P. 369.
5. Kropotkin P. A. Tyur'ma i ssylka, katorga v Rossii [Imprisonment and exile, penal servitude in Russia]. SPb. Typ. of V. Milstein. 1906; Nikolaevskiy N. Tyur'ma i ssylka: Ocherki politicheskoy i religioznoj ssylki [The prison and the exile: essays on the political and religious exiles]. M. 1898; Feldstein G. S. Ssylka, ocherki ee genezisa, znacheniya, istorii i ee sovremennogo polozheniya [Exile, essays on its origin, values, history and its contemporary situation]. M. Partnership of A. A. Levenson's typography. 1893; etc.
6. Tarnowski E. N. Statisticheskie svedeniya o lichah, obvinyayemykh v prestupleniyah gosudarstvennykh [Statistical data on persons accused of crimes of the state] // Zhurnal Ministerstva yusticii – Journal of the Ministry of justice. 1906, No. 4, pp. 50–100.
7. Glazunov N. M., Mitrofanov B. A., Fomenko I. P. Po zakonam Rossijskoj imperii [Under the laws of the Russian Empire]. M. Yurid. lit. 1976; Brovtsikova E. P. Zakonodatel'stvo carizma konca XIX – nachala XX v. o tak nazyvayemykh gosudarstvennykh prestupleniyah [Laws of tsarism in the late XIX to the early XX century about the so-called state crimes] // Problemy istorii SSSR – Problems of history of the USSR. 1976. Is. 5. Pp. 379–396; Galiakbarova V. S. Sistema zakonodatel'nykh sredstv, napravlennykh carizmom na bor'bu s pervoj russkoj revolyuciej [System of legislative funds allocated by the tsarist government against the first Russian revolution] // Nauchnye trudy Sverdlovskogo yuridicheskogo instituta – Scientific works of Sverdlovsk Legal Institute. Sverdlovsk. Sverdlov. Law. Inst. 1975. Is. 44. Pp. 123–127; etc.
8. Villenski-Sibiriyakov V. Politkatorzhane (Katorga i ssylka v rossijskoj revolyucii) [Political convicts (penal servitude and exile in the Russian revolution)]. M. Publishing house of the All-Union Society of political convicts and exiled settlers. 1925; Zakharova-Tsederbaum K. I., Tsederbaum S.I. Iz ehpori «Iskry» (1900–1905 gg.) [From the era of "Spark" (1900–1905)]. M., L. State Publ. 1926; etc.
9. Lenin V. I. Goniteli zemstva i annibaly liberalizma [Persecutors of the Zemstvo and Annibals of liberalism] // Polnoe sobranie sochinenij – Complete works. Vol. 5. M. State Publ. of polit. lit. 1959. Pp. 25–72; Lenin V.I. Pis'mo k redaktorskoj gruppe [Letter to the editorial group] // Polnoe sobranie sochinenij – Complete works. Vol. 4. M. State Publ. of polit. lit. 1959. Pp. 179–181.
10. Gernet M. N. Istoriya carskoj tyur'my [The history of the Royal prison]. Vol. 1–5. M. State publishing house of law. lit. 1951–1956.
11. Ostroumov S. S. Ocherki istorii ugolovnoj statistiki dorevolucionnoj Rossii [Essays on the history of criminal statistics in pre-revolutionary Russia]. M. All-Union law correspondence institute. 1961; Ostroumov S. S. Prestupnost' i eyo prichiny v dorevolucionnoj [Crime and its causes in pre-revolutionary Russia]. M. Publ. of Moscow University. 1960.
12. Sverdlov Y. M. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Vol. I. M. Gospolitizdat. 1957. P. 67.
13. Meshcherskiy A. P. Osobennosti, partijnyj sostav politicheskoy ssylki v Sibiri v konce XIX – nachale XX veka [Peculiarities, the party composition of political exile in Siberia in the late XIX – early XX century] // Ssyl'nye revolyucionery v Sibiri (XIX – fevral' 1917 g)– The exiled revolutionaries in Siberia (XX – February 1917). Vol. 1. Irkutsk. Irkut. State Univ. n.a. A. A. Zhdanov. 1973. P. 128.
14. Biobibliograficheskij slovar' ot predshestvennikov dekabristov do padeniya carizma – Bio-bibliographic dictionary from predecessors of the Decembrists to the fall of tsarism. Vol. 5. M. Publishing house of the All-Union society of political convicts and the exiled. 1927–1932; Novoselov M. Nikolaj EHRnestovich Bauman [Nicholay Ernestovich Bauman]. M. Mol. gv. 1955; Politicheskaya katorga i ssylka. Biograficheskij spravocnik chlenov obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelencev – Political penal servitude and exile. Biographical directory of members of the society of political prisoners and exiles. M. Publishing house of the All-Union society of political convicts and the exiled. 1929; Uchastniki russkogo revolyucionnogo dvizheniya ehpori bor'by s carizmom – Participants in the Russian revolutionary movement in the era of struggle against tsarism. M. Publishing house of the All-Union society of political convicts and the exiled. 1927; etc.
15. Mendrina G. I. Medicinskaya deyatel'nost' politicheskikh ssyl'nykh v Sibiri [Medical activities of political exiles in Siberia]. Tomsk. Publishing house of Tomsk University. 1962; S. Y. Ovechkina Zhenskaya politicheskaya ssylka v Arhangel'skoj gubernii [Women's political exile in Arkhangelsk province]. Arkhangelsk. Pomor University. 2004; etc.
16. Kazaryan P. L. YAkutiya v sisteme politicheskoy ssylki Rossii, 1826–1917 gg. [Yakutia in the system of political exiles in Russia, 1826–1917]. Yakutsk. "Sakhapoligrafizdat". 1998; Degaltseva E. A. Rol' politicheskoy ssylki v deyatel'nosti kul'turno-prosvetitel'skih obshchestv v Tomskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Role of political exile in the activities of cultural and educational societies in the Tomsk province in the second half of XIX – early XX century] // Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri XIX–XX vv. – Social and political life of Siberia of XIX–XX centuries. Novosibirsk. Nauka. 1998. Vol. 3. Part 1. Pp. 48–64; etc.
17. Tokarev S. N. Policejskij nadzor v Rossijskoj imperii [Police surveillance in the Russian Empire] // Voprosy istorii – Questions of history. 2009. No. 6. Pp. 94–104.
18. Zemlyakov A. V. Politicheskaya ssylka v Zapadnoj Sibiri. Istoriko-pravovoj aspekt: 1905–fevral' 1917 g.: dis. ... kand. ist. nauk. [Political exile in Western Siberia. Historical-legal aspect: 1905–February 1917: abstract dis. Cand. Hist. Sciences]. Omsk. 2003; Terekhin A. A. Ssylka v Permskoj gubernii v XIX veke: dis. ... kand. ist. nauk [Exile in the Perm province in the XIX century: dis. Cand. Hist. Sciences]. Perm. 2003; etc.

**Законодательная основа регулирования
конфессиональной политики государства
по отношению к старообрядцам в начале XX в.:
содержание и специфика реализации
(на материалах Вятской губернии)**

Исследование посвящено анализу нормативно-правовой базы, регулировавшей государственно-старообрядческие отношения в начале XX в. Автором рассмотрено содержание таких важнейших законодательных актов, как указы «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.) и «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» (17 октября 1906 г.). Большое внимание уделено освещению прав, полученных старообрядцами вследствие либерализации конфессиональной политики самодержавия: возможность открытия моленных домов и школ как духовных и образовательных центров староверия, совершения богослужения и отправления обрядов и религиозных треб; снятие запрета на печать старообрядческих богослужебных книг; дарование права на образование религиозных общин. При этом автором анализируется специфика реализации названных нормативно-правовых актов и выявляются ограничения прав старообрядцев, имевшиеся на практике, несмотря на легализацию последователей «древнего благочестия» (невозможность получить разрешение на возвращение моленного дома, изначально принадлежавшего старообрядцам, но впоследствии закрытого и переданного в ведение Русской православной церкви через организацию единоверческого храма; активная миссионерская деятельность православного духовенства в целях присоединения староверов к официальной церкви и др.). В основу исследования положены законодательные акты и неопубликованные источники, извлеченные из фондов центральных и местных архивов (Российский государственный исторический архив, Государственный архив Кировской области), значительная часть которых впервые вводится в научный оборот.

Research is devoted to the analysis of the legal framework to regulate state-Old Believers' relations in the early twentieth century. The author reviewed the content of such major legislation as the decree "On strengthening religious tolerance began" (17 April 1905) and "On the order of formation and action of the Old Believer and sectarian communities" (17 October 1906). Much attention is paid to lighting the rights obtained as a result of the liberalization of the Old Believers religious policy of the autocracy: the ability to open houses of worship and schools as a spiritual and educational centers of the Old Believers, and fulfillment services of worship and religious required; lifting the ban on printing Old Believer prayer books; talent of the right to education of religious communities. The author analyzes the specifics of the implementation of these legal acts and identified limitations of the rights of the Old Believers which existed in practice, despite the legalization of followers "of ancient piety" (inability to obtain permission to return to the prayer house, originally owned by the Old Believers, but later closed and transferred to the Russian Orthodox church; active missionary work of the Orthodox clergy in order to join the official church of the Old Believers, etc.). The research is based on legislative acts and unpublished sources, extracted from the funds of central and local archives (Russian State Historical Archive, the State Archive of the Kirov region), most of which for the first time introduced into scientific circulation.

Ключевые слова: старообрядчество, конфессиональная политика государства, нормативно-правовой акт, Русская православная церковь, миссионерская деятельность, православное духовенство, церковное братство, моленный дом.

Keywords: Old Believers, confessional policy of the state, legal act, the Russian Orthodox Church, missionary activity, the Orthodox clergy, church brotherhood, house of worship.

Имеющиеся в распоряжении исследователей нормативно-правовые акты позволяют проследить эволюцию государственно-старообрядческих отношений на протяжении столетий. Законодательные источники убедительно свидетельствуют о сложности процесса взаимодействия официальных властей и Русской православной церкви, с одной стороны, и адептов староверия – с другой. Последние даже в конце XIX в., в условиях значительной либерализации конфессиональной политики самодержавия, после издания «Правил о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников» (19 апреля 1874 г.), указа «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» (3 мая 1883 г.), рассматривались властями как «вероотступники», которых надлежит вернуть в лоно официальной церкви. В 1897 г. на открытии миссионерского съезда, проходившего в Казани с 22 июля по 6 августа, выступил один из

наиболее активных руководителей миссионерских организаций, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода В. М. Скворцов. Он подчеркнул характерное для России неразрывное единство самодержавия и православия, вследствие чего проблемы религиозные одновременно следовало рассматривать и как государственные. «Раскол и сектантство, – отметил В. М. Скворцов, – ...нарушая правильное течение жизни... церковной... нарушают и правильное, закономерное течение и развитие жизни семейной и общественной, а следовательно, и государственной» [1]. Этим, по его мнению, объяснялась значимость работы миссионеров, которые, участвуя в деле искоренения староверия, выполняли важную государственную задачу.

Положение старообрядцев, отношение к ним государственной власти существенно изменились лишь в 1905 г. в связи с изданием 17 апреля указа «Об укреплении начал веротерпимости». Староверы, наконец, были уравнены в правах с адептами Русской православной церкви. Они перестали отныне именоваться ненавистным им словом «раскольник». Понятием «старообрядцы» были объединены все последователи «толков и согласий, которые приемлют основные догматы православной церкви, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам» [2]. Важно, что закон теперь устанавливал дифференциацию понятий «старообрядческие согласия» и «сектантство». Ранее же, в отчетах православных миссионеров, а также чиновников гражданского ведомства можно было встретить употребление термина сектанты по отношению к староверам. Учитывая серьезные догматические и обрядовые различия между ними, это нельзя считать корректным. За религиозными обществами старообрядцев признавалось наименование «община». Закон предоставлял ей право владения движимым и недвижимым имуществом, которое распространялось также и на учреждаемые старообрядцами богоугодные заведения [3].

В соответствии с указом «Об укреплении начал веротерпимости» «отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение» более не каралось и не преследовалось по закону. Если ранее старообрядцам запрещалось брать на воспитание детей православных, то сейчас им было разрешено даже крестить по обрядам своей веры «принимаемых... некрещеных подкидышей и детей неизвестных родителей» [4].

Получили свои права и представители старообрядческого духовенства. В частности, они стали именоваться «настоятелями и наставниками», освобождались от призыва на военную службу, могли носить имя, данное им при постриге. В паспорте в соответствующей графе допускалась фиксация рода их деятельности, однако при этом запрещалось использовать наименование служителей культа из православной церкви. Духовным лицам старообрядцев предоставлялась возможность свободно отправлять религиозные требы своих прихожан. Согласно закону было легализовано функционирование центров духовной жизни староверов – моленных домов. Все запечатанные ранее молельни надлежало открыть, кроме тех, закрытие которых было вызвано нарушением строительного устава. Для получения разрешения на постройку или ремонт той или иной молельни следовало предоставить согласие духовного начальства, иметь необходимые денежные средства и соблюдать требования, предъявляемые строительным уставом [5].

После обнародования Манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» вятские старообрядцы добились разрешения на строительство моленных домов в деревнях Князевской, Тарасенской Глазовского уезда [6], селе Тойкино, деревне Черепаны Сарапульского уезда [7], селе Серсак Елабужского уезда [8]. Однако представители местной гражданской и духовной власти в лице вятского губернатора и вятского епархиального архиерея пытались порой воспрепятствовать удовлетворению ходатайств староверов. Например, пришлось преодолевать сопротивление православного духовенства и старообрядцам деревни Черной Сарапульского уезда Вятской губернии. Они представили свое ходатайство о строительстве молельного дома и соответствующее решение общего собрания членов общины, как того требовал закон. Вятский епархиальный архиерей в письме вятскому губернатору подчеркнул, что появление в деревне Черной старообрядческого культового центра «будет для православных служить соблазном к соращению в раскол австрийского толка» [9]. Обращает на себя внимание даже используемая преосвященным лексика с очевидным негативным смысловым контекстом – «соращение в раскол». Старообрядцы обратились к губернатору с просьбой разрешить строительство молельни. При этом они выразили свои верноподданнические чувства: «...старообрядцы, пользуясь Царственными Милостями, суть первые борцы за Царя и Отечество, вознося ежедневные молитвы за благоденствие Его Величества...» [10] Старообрядцы получили требуемое согласие с условием, что их храм не будет иметь внешнего сходства с православной церковью.

В 1905 г. старообрядцы получили возможность открывать начальные школы в тех населенных пунктах, где последователи староверия были значительно представлены. При этом содержание школ возлагалось на старообрядцев, а сами школы находились в ведении Министерст-

ва народного просвещения. Закон Божий для детей старообрядцев в данных школах мог изучаться в соответствии с их вероучением. Функции преподавателя выполнял «особый наставник», назначаемый из числа лиц, «обладающих образовательным цензом учителей народных училищ» [11]. Ранее, не имея своих школ и не желая, чтобы их дети посещали церковно-приходские или министерские школы, старообрядцы вынуждены были, как правило, ограничивать их лишь домашним обучением, а оно происходило вне стен государственных образовательных учреждений и не подтверждалось никакими документами. Разумеется, последователи староверия стали пользоваться предоставленными им правами в образовательной сфере. Так, например, 12 декабря 1910 г. состоялось открытие старообрядческого духовного училища Министерства народного просвещения в с. Платово Томско-Алтайской старообрядческой епархии. Это было первое подобное учебное заведение в регионе [12].

«Высочайше утвержденные 17 апреля 1905 г. положения Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости» отменяли запрет на печать старообрядческих богослужебных книг [13]. Ранее как светские, так и духовные власти занимали в этом вопросе непримиримую позицию: старообрядческие издания «не только противны святой церкви, но и гражданству» [14]. Факты закрытия старообрядческих типографий, преследование их владельцев (даже на рубеже XIX–XX вв.) можно выявить на общероссийском материале. В частности, во второй половине 70-х – начале 90-х гг. XIX в. были выявлены полицией и вследствие этого прекратили свою работу типографии братьев Алексея и Андрея Овчинниковых, располагавшиеся на территории Ярославского и Московского уездов [15].

Только в 1905 г. старообрядцы получили возможность легально заниматься книгопечатанием. Тогда появились типографии в Балахне, Нижнем Новгороде, Саратове, Уральске и других городах. Крупнейший в Вятской губернии старообрядческий книгоиздательский центр находился в селе Старая Тушка. В 1908 г., с разрешения Министерства внутренних дел, Лука Арефьевич Гребнев открыл там «типографию со словолитней для печатания на церковнославянском языке старообрядческих богослужебных и других религиозно-нравственного содержания книг, а также изготовления необходимого для этой цели шрифта» [16].

Признавая безусловную значимость закона 17 апреля 1905 г., следует отметить и ограниченность действия его основных положений на практике в ряде случаев. Например, противодействие со стороны высшего православного духовенства иногда не позволяло старообрядцам возобновить функционирование ранее закрытых молелен, даже невзирая на значительную либерализацию конфессионального курса властей после издания закона 17 апреля 1905 г. Так, староверы села Наймушино Глазовского уезда Вятской губернии на протяжении более трех десятилетий боролись за свои права. Их молельный дом был закрыт в 1870 г. и преобразован в единоверческий храм. В 1905 г. они направили прошение о возвращении им молельни на имя председателя Совета министров С. Ю. Витте, по распоряжению которого вятским вице-губернатором А. Ф. Шидловским было проведено расследование. По мнению А. Ф. Шидловского, просьба старообрядцев заслуживала удовлетворения в силу ряда объективных причин (либерализация конфессиональной политики правительства, незначительная численность единоверцев). При этом вице-губернатор выразил опасение, что «в недалеком будущем... могут произойти в деревне Наймушине серьезные осложнения между единоверцами и старообрядцами, особенно если последним будет отказано в удовлетворении их ходатайства» [17].

Министр внутренних дел П. А. Столыпин признал приведенные вятским вице-губернатором доводы убедительными и согласился с необходимостью возвращения старообрядцам их молельни. Однако это встретило возражение со стороны обер-прокурора Святейшего Синода П. П. Извольского. Последний мотивировал свое несогласие следующими причинами. Во-первых, молельня перешла в распоряжение православного духовного ведомства законным образом. Во-вторых, ее здание было перестроено и отремонтировано на средства православных и единоверцев. В-третьих, передача единоверческого храма, освященного по канонам Русской православной церкви, нанесет «глубокое оскорбление религиозному чувству православных людей» [18]. Для рассмотрения возникшего противоречия дело было передано в Совет министров, который 28 сентября 1908 г. вынес окончательное решение: ходатайство старообрядцев о возвращении им Наймушинской молельни следует отклонить.

Рассчитывая на смягчение конфессионального курса властей, старообрядцы подали прошение о разрешении на установку креста и колокола при старообрядческом храме в деревне Илюшевой Глазовского уезда. Однако их ходатайство не было удовлетворено, поскольку, согласно Строительному уставу, «старообрядческим молитвенным зданиям не должен быть придаваем внешний вид православного храма и не должно иметься наружных колоколов, а разрешается иметь только наддверные кресты и иконы над входом» [19]. Аналогичный ответ получили ста-

роверы Омутнинского завода Глазовского уезда, ходатайствовавшие о строительстве колокольни при своем храме [20]. В целом, однако, следует подчеркнуть, что указ «Об укреплении начал веротерпимости» имеет очень важное значение в истории государственно-старообрядческих отношений и является свидетельством либерализации конфессиональной политики властей по отношению к приверженцам «древнего благочестия».

Закономерным продолжением обозначенного курса стало Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 16 июня 1905 г. Согласно данному нормативно-правовому акту, старообрядцы получили возможность иметь свои кладбища для погребения умерших или специально отведенные места «в пределах общих кладбищ» [21]. Согласно отчету миссионера Петра Трапицына за 1906 г., в Сарапульском, Елабужском и Малмыжском уездах Вятской губернии, составлявших Сарапульское викариатство, насчитывалось 15 разрешенных правительством и 12 неразрешенных старообрядческих кладбищ [22].

Наконец, 17 октября 1905 г. последовал Манифест о «даровании населению незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Реакция «ревнителей древнего благочестия» на обнародованные законодательные акты вполне предсказуема. Она вылилась в выражение чувства глубокой признательности государю. В благодарность за дарованные права и свободы 21 января 1906 г. делегация старообрядцев под руководством Д. В. Сироткина преподнесла Николаю II верноподданнические адреса за подписью 76 447 человек. При этом в обращении к императору прозвучали следующие слова: «Великий государь, нашей заветной мечтой было видеть тебя, чтобы передать тебе чувства безграничной любви и благодарности старообрядческого населения за те великие незабываемые начала религиозной и гражданской свободы, которые тебе угодно было даровать русскому народу в манифестах 17 апреля и 17 октября» [23].

В развитие государственно-старообрядческих отношений последовал указ 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин», который подтверждал право старообрядцев на свободное исповедание их веры, отправление религиозных обрядов в соответствии со своим вероучением, а также разрешал образование религиозных общин. При этом под старообрядческой общиной понимается «общество последователей одного и того же вероучения, имеющее целью удовлетворение религиозных, нравственных, просветительских и благотворительных потребностей его членов, собирающихся для общей молитвы в храме, молитвенном доме или ином предназначенном для сего помещении» [24].

По действующему законодательству община наделялась статусом юридического лица, т. е. она имела право на приобретение и отчуждение недвижимого имущества, образование капиталов, иск и ответ на суде, заключение договоров и др. Для основания общины старообрядцам следовало подать заявление (за подписью не менее чем 50 человек) в местное губернское или областное правление. Последнее было обязано рассмотреть его в течение одного месяца. В случае положительного ответа созданная община официально регистрировалась и вносилась в специальный реестр. Управление общиной осуществлялось через общее собрание ее членов. Помимо этого мог быть избран Совет, в обязанности которого входило «приведение в исполнение инструкций и решений общего собрания», ежемесячная проверка ведения метрических книг, ведение финансовой документации, содержание храмов и богоугодных заведений при общине, организация сбора пожертвований, заведование всем имуществом общины и др. [25]

Из числа членов Совета общины избирались председатель и его товарищ. Совершение религиозных обрядов, отправление духовных треб и ведение метрических книг находились в компетенции настоятеля или наставника – духовного лица, стоящего во главе общины. Статус настоятеля общины определял спектр предъявляемых ему законом требований. В частности, это должен быть грамотный человек в возрасте от 25 лет и старше, не подвергавшийся ранее судебному преследованию и т. п. Настоятелям разрешалось ношение церковного облачения или монашеского одеяния. В случае если духовный руководитель общины являлся иноком, ему позволялось использовать имя, полученное при монашеском постриге.

Отметим, что после издания указа 17 октября 1906 г. в Вятское губернское правление стала поступать масса заявлений от староверов различных населенных пунктов, в которых содержалась просьба разрешить создание старообрядческой общины. В случае соблюдения всех требований закона подобные прошения удовлетворялись властями. Так, например, было разрешено образование общины старообрядцев белокриницкого согласия Омутнинского завода Глазовского уезда, деревни Черной Сарапульского уезда, деревни Большие Кондаки Малмыжского уезда, деревни Большие Ключи Уржумского уезда и др. [26] Общины беспоповцев появились в Уржумском уезде (г. Уржум, дер. Комарово), Нолинском (дер. Боровская, Михинская) и др. [27] По данным официальной статистики за 1907–1908 гг., власти дали согласие на организацию 26 старообрядческих общин на территории Вятской губернии [28].

Отказ со стороны местных властей мог последовать в случае несоблюдения старообрядцами того или иного пункта действующего закона. В частности, 6 февраля 1908 г. Вятское губернское правление дало разрешение на образование в Уржумском уезде Комаровской общины старообрядцев-беспоповцев, объединяющей приверженцев поморского согласия Сердежской, Петровской и Байсинской волостей. Общее количество членов общины – 421 человек. Однако впоследствии часть из них заявила о своем желании выйти из состава Комаровской общины с целью создания своего объединения – Общества старообрядцев села Петровского поморско-брачного согласия. Духовным центром новой общины должен был стать молельный дом в селе Петровском, который планировали построить староверы. Соответствующее прошение было направлено в Вятское губернское правление. В нем указана и мотивация действий старообрядцев: молельня в деревне Комарово слишком удалена от ряда населенных пунктов Петровской волости, что доставляет определенные трудности в отправлении религиозных потребностей староверов. Ходатайство старообрядцев было отклонено, поскольку прошение об образовании общины подписали лишь 12 человек вместо 50, положенных по закону [29]. Тем не менее в основной своей массе заявления старообрядцев удовлетворялись, что давало им возможность легально создавать объединения для реализации религиозных, просветительских и благотворительных целей.

12 февраля 1907 г. Николай II утвердил Положение Совета министров «Об издании временных правил для узаконения не записанных в метрические книги браков старообрядцев и сектантов, а также происшедшего от сих браков потомства». Данный нормативный акт можно рассматривать как очередной шаг навстречу «ревнителям древнего благочестия», свидетельство продолжения реализации либерального конфессионального курса по отношению к adeptам староверия. Отныне супруги – старообрядцы по вероисповеданию, не значащиеся таковыми по полицейским метрическим книгам, «признаются состоящими в законном браке», а их дети «почитаются их законными детьми» [30]. Закон четко определял все детали соответствующих юридических процедур, в частности подачи прошения о внесении записи о рождении или регистрации брака в метрическую книгу, представления доказательств, свидетельствующих о заключении брака по обрядам староверия, и т. п. Помимо этого обозначена компетенция Округного суда, различные аспекты его деятельности, связанные с решением указанных выше вопросов.

1911 г. ознаменован принятием очередного нормативно-правового акта – «О преподавании закона Божия детям старообрядцев и сектантов». Согласно закону в учебных заведениях среднего и низшего звена, за исключением школ военного и духовного ведомства, разрешалось преподавание закона Божия детям старообрядцев в соответствии с вероучением «ревнителей древнего благочестия». При этом в качестве преподавателей могли выступать старообрядцы, рекомендованные местной общиной, имеющие среднее образование или «обладающие... образовательным цензом учителей начальных училищ».

Однако закон ограничивает действие данного положения: заниматься преподаванием обозначенной дисциплины старообрядцы могли только с разрешения попечителя учебного округа или инспектора народных училищ и уездного училищного совета. Преподаватели из числа старообрядцев, имеющие среднее или высшее образование, наделялись правом голоса на заседаниях педагогического совета при обсуждении различных вопросов, «касающихся обучающихся у них детей и самого преподавания сим детям закона Божия, а также при разрешении и других вопросов, относящихся до учебного курса» [31]. В то же время преподаватели, не соответствующие данному образовательному цензу, могли присутствовать на заседаниях педагогического совета с правом совещательного голоса только при обсуждении вопросов, связанных с учебной дисциплиной «Закон Божий». Наконец, те учителя-старообрядцы, которые вели уроки закона Божия в сводных классах, где собирались дети староверов из разных школ города (села, деревни), не входили в состав педагогического совета данного учебного заведения.

Само преподавание указанной дисциплины должно было осуществляться в соответствии с программой, утвержденной Министерством народного просвещения. Аналогичное требование предъявлялось к учебникам, используемым в образовательном процессе. Закон предусматривал также установление контроля за преподаванием закона Божия детям старообрядцев со стороны начальника соответствующего учебного заведения. В связи с этим он имел право присутствовать на уроках и экзаменах по названной дисциплине. Последние организовывались по желанию родителей учащихся.

1905–1917 гг. исследователи справедливо называют «золотым периодом» в истории старообрядчества. Это было время, когда по всей России на легальной основе шло строительство старообрядческих церквей и колоколен. В частности, старообрядческие храмы появились в Москве (Воскресения Христова и Успения Пресвятой Богородицы), Петербурге, Владимире на Клязьме, Самаре (храм во имя иконы Казанской Пресвятой Богородицы; Успения Пресвятой Богородицы),

Сызрани (Никольский, Крестовоздвиженский храмы), посаде Клиницы Черниговской губернии, селе Балакове Самарской губернии. Архитектурный проект последнего из названных храмов был разработан Ф. О. Шехтелем. Приглашение известных талантливых зодчих стало возможно в связи с тем, что среди приверженцев староверия было немало состоятельных купцов, предпринимателей, которые щедро жертвовали на религиозные цели, в частности финансировали возведение культовых зданий. С 1905 по 1914 г. только последователи белокрыницкой церкви построили более 200 церквей [32]. Довольно частым явлением была организация церкви при заводе, фабрике. Например, 17 мая 1909 г. на Ижевском заводе Вятской губернии состоялась закладка каменного старообрядческого храма. Средства на его строительство были получены от местных благотворителей, а также рабочих Ижевских оружейных и сталелитейных заводов. Согласно данным, представленным в «Приложении к всеподданнейшему отчету вятского губернатора», в 1906 г. в Вятской губернии насчитывалось 35 старообрядческих молелен, в 1907 г. их количество увеличилось до 56, а в 1908 г. составило уже 62 храма [33]. «Повсюду теперь звонят старообрядческие колокола, они возвещают не об одной только молитве и богослужении старообрядцев, но и о внутренней мощи старообрядчества, о его духовных силах, его жизненности, способности на великие жертвы во славу Господа и святой Его Церкви», – читаем мы на страницах старообрядческого журнала «Церковь» [34].

16 апреля 1905 г. Николай II направил телеграмму на имя московского генерал-губернатора о распечатании алтарей старообрядческих часовен Рогожского кладбища в Москве – духовного и административного центра староверов-поповцев: «Повелеваю в сегодняшний день наступающего светлого праздника распечатать алтари старообрядческих часовен московского Рогожского Кладбища и предоставить впредь состоящим при них настоятелям совершать в них церковные службы. Да послужит это столь желанное старообрядческим миром снятие долговременного запрета новым выражением моего доверия и сердечного благоволения к старообрядцам, искони известным своею непоколебимою преданностью Престолу».

Вскоре после этого там стали открыто совершаться архиерейские богослужения, а Покровская часовня превращается в кафедральный старообрядческий собор. Указ 1906 г. сделал возможным официальную регистрацию старообрядческой общины Рогожского кладбища в 1907 г. На территории Рогожского кладбища был возведен ряд культовых, а также просветительских и богоугодных учреждений.

С разрешения правительства с 1905 г. легально созывались Освященные соборы старообрядческой церкви (до 1916 г.). На них рассматривались, главным образом, сугубо религиозные вопросы, в частности об избрании епископов и учреждении новых епархий; богослужебные и миссионерские вопросы; проблемы церковного благочиния, укрепления основ веры; воспитания и обучения детей и подготовки учителей. Помимо этого по всей России проходили старообрядческие епархиальные съезды, задававшие «тон всей епархиальной и приходской жизни, разрешая самые разнообразные вопросы и нужды епархии и приходов» [35]. Наконец, в период с 1900 по 1917 г. состоялось 18 Всероссийских старообрядческих съездов. В числе основных задач их деятельности – «развитие нравственных начал среди старообрядческого населения», рассмотрение вопросов воспитания и образования «по правилам святых канонов», содействие открытию школ, в которых при изучении Закона Божия должны использоваться книги «дониконовского письма» и др. [36]

Однако, несмотря на происшедшие серьезные изменения в российском законодательстве, взгляд властей на «ревнителю древнего благочестия», по существу, оставался прежним. И в рассматриваемый период православное духовенство все так же воспринимало работу в среде старообрядцев как одно из направлений миссионерского служения. В частности, в 1908 г. Святейшим Синодом были разработаны новые правила организации и работы внутренней миссии. В них, в отличие от предшествующих, содержалась рекомендация миссионерам сделать акцент на проведение религиозных бесед со староверами, в ходе которых опровергать их учение. Большое внимание необходимо было уделять также организации миссионерских школ и церковных хоров. Как видим, в целях воздействия на старообрядцев были предложены меры исключительно духовного, а не административно-полицейского характера, в чем, вероятно, следует усматривать влияние указа 17 апреля 1905 г. и общей либерализации конфессиональной политики самодержавия.

В 1908 г. состоялся очередной миссионерский съезд, практически все предложения которого утвердил Святейший Синод. Миссии получили разрешение иметь свои курсы, типографии, склады литературы религиозно-нравственного содержания. Для расширения миссионерской деятельности рекомендовалось привлекать к ней ярмарочных торговцев книгами, готовить «книгонош-миссионеров», на пристанях и вокзалах открывать киоски и продавать соответствующую литературу [37].

Важную роль в распространении вероучения официальной церкви среди старообрядцев играли братства, активно действовавшие и на территории Вятской епархии. Церковные братства выполняли, прежде всего, просветительские функции, и одним из методов их деятельности являлось открытие школ. Они учреждались в тех населенных пунктах, где старoverы были представлены значительно или доминировали по отношению к адептам Русской православной церкви. Власти возлагали надежды на то, что совместное обучение детей приверженцев старообрядчества и официального православия приведет к сглаживанию противоречий между ними. Так, в ведении Вятского братства Святителя и Чудотворца Николая 1887 г. находилась 21 школа [38], а в 1906 г. их количество возросло до 47, что свидетельствует об активной деятельности православных служителей культа и после издания указа 17 апреля 1905 г. [39] Например, в Малмыжском уезде – одном из важнейших центров староверия Вятской губернии – функционировало несколько братских школ: в деревнях Сосновка, Нижнетойминская, Старая Тушка, Вихарево, Гыбдан [40].

Помощь церкви оказывали и иные типы образовательных учреждений: школы грамоты, церковно-приходские, земские школы и др. Конечно, первоначально старообрядцы воспринимали идею совместного обучения их детей с адептами официальной церкви крайне негативно, но постепенно, к началу XX в., они отказываются от подобной враждебности и категоричности в восприятии своих религиозных оппонентов. Например, в 1902 г. в 695 церковных школах, находившихся в ведении Вятского епархиального училищного совета, насчитывалось 306 учащихся из семей старообрядцев, в то время как православных – 29 343 [41]. Однако известны случаи, когда, несмотря на сложившийся к началу XX в. общий благожелательный настрой старообрядцев, некоторые из них выступали против изучения их детьми Закона Божия вместе с православными, а иногда и совсем запрещали им посещать земские и церковные школы. Так, старoverы поморского согласия села Кулиг Глазовского уезда, по свидетельству местного священника, «часто своих детей отклоняют от школьных занятий на свои домашние работы, несмотря ни на какие убеждения преподавателей» [42]. Иногда старообрядцы ходатайствовали освободить их детей от изучения Закона Божия вместе с православными [43].

Несмотря на легализацию староверия и его активное развитие, православные священнослужители продолжали воспринимать старообрядческих служителей культа как «лжепопов», не имеющих права священнодействовать. Любое открыто совершаемое ими богослужение, торжества, проводимые старообрядцами по случаю религиозных праздников, закладки или освящения храмов, поднятия крестов и установки колоколов на культовых зданиях, вызывали опасение представителей православного духовенства. Они старались предотвратить возможное негативное, с точки зрения официальной церкви, воздействие подобных деяний на своих прихожан.

Так, священник села Лекшур Малмыжского уезда Роман Коробейников сообщил духовному начальству о том, что 14 сентября 1911 г. в названном селе старообрядцы белокриницкого согласия торжественно установили кресты на новом храме в присутствии как старoverов, так и адептов Русской православной церкви. Перед этим был организован сбор пожертвований в пользу открывшегося храма, в котором приглашались принять участие все односельчане, в том числе приверженцы официального православия. Важность данного праздника для старoverов подчеркивалась приездом шести «лжесвященников», один из которых произнес речь о гонениях на старообрядцев в прежние времена и о дарованной им государем свободе.

Епархиальный миссионер Николай Ергин предложил срочно принять меры для ослабления влияния старообрядческих религиозных торжеств на православное население. В числе первых он назвал своевременное освещение служителями культа своим прихожанам в церковных проповедях, внебогослужебных беседах и чтениях «ложности, незаконности и безблагодатности раскольнического "священства" и их богослужебных действий», предостережение «от той опасности религиозного соблазна, который угрожает им, если они будут посещать эти молитвенные собрания внецерковных людей...» [44]. С точки зрения Н. Ергина, особую опасность представляет «секта Австрийская, вожди и руководители которой всемерно стремятся многообразными способами доказать догматико-каноническую истинность, а следовательно, и благодатную спасительность своей Амвросианской иерархии и тем показать ее равноправность с иерархией Церкви Православной» [45]. Миссионер подчеркнул, что необходимо заранее сообщать последователям Русской православной церкви о тех торжествах, которые планируют организовать старообрядцы. В дни их проведения устраивать пышные богослужения с крестными ходами, песнопениями «об обращении заблудших», произносить соответствующие проповеди и поучения, распространять литературу, направленную на обличение староверия. Н. Ергин рекомендовал православным священникам уделять повышенное внимание своим прихожанам в период, когда ожидается посещение их приходов старообрядческими «епископами». Епархиальное начальство одобрило разработанные миссионером меры по противодействию староверию и предложило использовать их в процессе своей работы духовенству тех приходов, где проживали старообрядцы.

Методы активизации деятельности православного клира в целях борьбы со староверием обсуждались и в других епархиях. Например, в октябре 1906 г. курскими епархиальными властями был предложен к реализации комплекс следующих мер. «1. Священники и вообще клир должны быть обстоятельно ознакомлены с религиозно-нравственным состоянием своих пасомых. 2. Пастыри должны посещать дома пасомых для пастырских бесед. 3. Частая проповедь слова Божия в церкви и при совершении треб, ознакомление мирян с теми местами Священного Писания, на которые ссылаются старообрядцы в своих “лжеучениях”. 4. Ежегодное устройство собрания клира и мирян для утверждения в вере заблуждающихся и колеблющихся. 5. Богослужение совершать истово и согласно уставу, поощрять общенародное пение в церкви и на чтениях. 6. Духовенство должно усилить проповедническую деятельность. 7. Пастырю в миссионерской деятельности должны помогать члены клира и миряне. 8. Через церковно-приходские школы воспитывать прихожан-детей в духе православной церкви, “насаждая церковность”, усилить преподавание Закона Божия в школах. 9. Учреждать церковные библиотеки, читальни, следить за современной духовной литературой» [46].

Миссионер по восточному району Вятской епархии священник Иоанн Маракулин отмечает негативные, с его точки зрения, последствия принятия указа «Об укреплении начал веротерпимости»: «После 1905 г. старообрядцы-раскольники по своему невежеству далеко заходят в своем фанатизме. Как будто вероисповедная свобода дала им право свободно издеваться не только над бедным православным крестьянином-односеленцем, но и над православным священником» [47]. Миссионер явно негодует, анализируя в своем отчете за 1913 г. действия старообрядцев села Лекшур, усмотревших состав преступления в действиях местного православного священнослужителя, назвавшего «еретиков австрийцев... раскольниками» [48]. Вспомним, что в 1905 г. было узаконено наименование «старообрядцы». Возникновение конфликта между старообрядцами и православным духовенством в данном случае объясняется тем, что представители последнего активно сотрудничали с правоохранительными органами (а вовсе не религиозным фанатизмом староверов). Например, священник сообщил местным властям о незаконном существовании в Лекшуре школы староверов белокриницкого согласия. Вскоре после его доноса школа была закрыта, а о педагогической деятельности учителя уездный пристав составил соответствующий протокол. Через четыре дня после этого учитель умер. Старообрядцы Лекшура, не испытывая к православному священнику никаких чувств, кроме злобы, предприняли следующие меры: сломали изгородь вокруг храма, вспахали дорогу на церковной площади, запретили священнику выгонять скот в поле, наконец, вновь открыли свою школу без разрешения властей.

И. Маракулин называет храмы старообрядцев-поповцев «ловушкой для православного населения, не знающего догматов христианской веры». Миссионер перечисляет мероприятия, реализация которых позволит предотвратить дальнейшее распространение староверия. В частности, к таковым относятся открытие миссионерских кружков в селе Тойкине и Ижевском заводе Сарапульского уезда, учреждение должности окружного миссионера, расширение просветительской деятельности православных Братств через открытие школ, организация новых православных и единоверческих приходов и др.

Миссионер Сарапульского викариатства священник Петр Трапицын выступил с инициативой организации в Сарапуле миссионерских противостарообрядческих курсов. При этом священнослужитель подчеркивает, что они должны быть доступны всем – как представителям духовенства «зараженных расколом приходов», так и мирянам, приверженцам официальной церкви, которые «пожелали бы практически ознакомиться с обличением расколоучителей» [49]. Кроме того, в русле общей либерализации конфессиональной политики государства П. Трапицын перечисляет ряд мероприятий, желательных к реализации с его точки зрения. Среди них значатся такие, как необходимость пересмотра деяний соборов 1666–1667 гг., разрешение использовать обряды дониконовской церкви, отмена деления на православных – адептов официального православия и единоверцев, именование единоверцев и их храмов православными или «православными старообрядцами», воздействие на старообрядцев через их духовных наставников [50]. Как видим, православные служители культа по-прежнему рассматривали работу со старообрядцами в качестве одного из важнейших направлений своей миссионерской деятельности. Несомненно лишь перенос акцента с силовых на культурно-просветительские меры воздействия на староверов, но не полное уравнение их в правах с последователями Русской православной церкви.

Аналогична позиция представителей местной гражданской власти. С явным неодобрением вятский губернатор отмечает, что после издания законов 1905–1906 гг. старообрядцы «с замечательной энергией стали изыскивать средства, чтобы не только использовать все свои права, но и поставить свои секты в равное с православной церковью положение». К числу «неблаговидных поступков» последователей староверия представитель власти относит такие факты, как, напри-

мер, погребение православных «по раскольническому обряду», сбор денег с православных на строительство старообрядческих молелен «под видом того, что пожертвования идут на устройство церквей» [51]. Даже спустя 10 лет после обнародования указа «Об укреплении начал веротерпимости» в отчете вятского губернатора фигурируют термины «раскольники», «заражение расколом», «расколо-сектантские заблуждения», несущие негативную смысловую нагрузку [52].

Подобная лексика сохранилась и на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» даже после издания всех указанных выше нормативно-правовых актов: подготовка «борцов против раскола» в центральной школе Вятского Братства Святителя и Чудотворца Николая; беседы православных миссионеров «ограждают от соблазнов лжеучения»; выпускники школ Братства «могли вести частные собеседования со старообрядцами о предметах св. веры, а совращаемых ими и колеблющихся в православии утверждали в нем» [53]. Такого рода высказывания являлись типичными и характерными для церковных властей и других епархий. Например, в отчете Тамбовского епархиального Богородично-Серафимовского просветительского братства за 1912 г. речь идет о мерах, которые следует предпринять, «в видах противодействия распространению раскола и сектантства, а также в видах предохранения православных от заражения расколом и сектантством» [54].

Таким образом, специфика ситуации в рассматриваемый период заключалась, с одной стороны, в либерализации нормативно-правовой базы и даровании старообрядцам широкого спектра гражданских и духовных прав, а с другой – в стремлении светских и церковных властей по-прежнему ограничить их воздействие на последователей Русской православной церкви.

Примечания

1. Сворцов В. М. Деяния 3-го Всероссийского миссионерского съезда в Казани по вопросам внутренней миссии и расколосектанства. Киев, 1897. С. 24.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. 1881–1913. Т. XXV. 1905. Отделение первое. От № 25605–27172 и дополнения. СПб., 1908. С. 258.
3. Введенский А. Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912. С. 10.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. 1881–1913. Т. XXV. 1905. Отделение первое. От № 25605–27172 и дополнения. СПб., 1908. С. 257.
5. Там же. С. 258; *Машковцев А. А.* Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века. Киров, 2015. С. 318.
6. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 583. Оп. 324. Д. 95; ГАКО. Ф. 583. Оп. 324. Д. 50.
7. ГАКО. Ф. 583. Оп. 324. Д. 40.
8. Из отчета миссионера по Сарапульскому и Елабужскому уездам священника Петра Трапицына за 1905 год // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 18. С. 614.
9. ГАКО. Ф. 583. Оп. 325. Д. 21. Л. 14.
10. Там же. Лл. 16–16 об.
11. Введенский А. Указ. соч. С. 11.
12. *Куприянова А. В.* Школьное дело в старообрядческих сообществах Алтая в конце XIX – начале XX века // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 262.
13. Введенский А. Указ. соч. С. 11.
14. Цит. по: *Починская И. В.* Старообрядческое книгопечатание в XVIII – первой четверти XIX в. Екатеринбург, 1994. С. 34.
15. *Починская И. В.* Книгопечатание старообрядцев-федосеевцев во второй половине XIX – начале XX в. (до 1906 г.) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 146–147.
16. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 287. Л. 2. Подробнее см.: *Машковцев А. А., Машковцева В. В.* Старообрядцы и сектанты Вятской губернии второй половины XIX – начала XX века: взаимоотношения с региональными властями и Православной церковью. Киров, 2015. С. 56–57.
17. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 222. Д. 73 а. Л. 97 об.
18. РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 822. Л. 3 об.
19. ГАКО. Ф. 583. Оп. 322. Д. 53. Л. 36.
20. ГАКО. Ф. 583. Оп. 325. Д. 22.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. 1881–1913. Т. XXV. 1905. Отделение первое. От № 25605–27172 и дополнения. СПб., 1908. С. 544.
22. Отчет миссионера по Сарапульскому викариатству о миссионерской противораскольнической деятельности за 1906 год // Вятские епархиальные ведомости. 1907. № 9. С. 233.
23. Голос старообрядца. 1906 г. 23 февр.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. 1881–1913. Т. XXVI. 1906. Отделение второе. СПб., 1908. С. 905.
25. Там же. С. 907.
26. ГАКО. Ф. 583. Оп. 327. Д. 56; ГАКО. Ф. 583. Оп. 326. Д. 37; ГАКО. Ф. 583. Оп. 327. Д. 12; ГАКО. Ф. 583. Оп. 326. Д. 53. Л. 67.
27. ГАКО. Ф. 583. Оп. 327. Д. 1; ГАКО. Ф. 583. Оп. 327. Д. 2; ГАКО. Ф. 583. Оп. 322. Д. 27; ГАКО. Ф. 583. Оп. 326. Д. 20; ГАКО. Ф. 583. Оп. 326. Д. 15.

28. Обзор Вятской губернии за 1908 год. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1909. С. 64.
29. ГАКО. Ф. 583. Оп. 327. Д. 2.
30. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. 1881–1913. Т. XXVII. 1907. От № 28754–29943 и дополнения. СПб., 1910. С. 68.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. 1881–1913. Т. XXXI. 1911. От № 34629 – 36390 и дополнения. СПб., 1914. С. 260.
32. *Кремлева И. А.* Старообрядчество // Русские. М., 1999. С. 720.
33. Обзор Вятской губернии за 1908 год... С. 64.
34. Цит. по: *Мельников Ф. Е.* Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 426.
35. *Мельников Ф. Е.* Указ. соч. С. 415.
36. Там же. С. 418.
37. Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX в. – 1917г.) // Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки. М., 1967. С. 287.
38. ГАКО. Ф. 582. Оп.140. Д. 238. Л. 65
39. Обзор Вятской губернии за 1906 год. Вятка, 1907. С. 91.
40. РГИА. Ф. 803. Оп. 10. Д. 84. Лл. 101об. – 104.
41. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 812. Л. 32об.–33.
42. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 124. Л. 176.
43. ГАКО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2480. Л. 21.
44. ГАКО. Ф. 237. Оп. 210. Д. 1796. Лл. 5–5 об.
45. ГАКО. Ф. 237. Оп. 507. Д. 523. Л. 9 об.
46. *Апанасенок А. В.* Влияние староверия на религиозную жизнь православных приходов в центрально-черноземных губерниях России: вторая половина XIX – начало XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 14.
47. ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 3086. Л. 1 об.
48. Там же. Л. 3.
49. ГАКО. Ф. 237. Оп. 507. Д. 523. Л. 10 об.
50. Из отчета миссионера по Сарапульскому и Елабужскому уездам священника Петра Трапицына за 1905 год // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 18. С. 618–619.
51. Обзор Вятской губернии за 1908 год... С. 63, 64.
52. Там же. С. 110, 111.
53. Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 11. С. 377; Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 3 и 4. С. 377; Вятские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 666.
54. *Апанасенок А. В.* Указ. соч.

Notes

1. Skvortsov V. M. Deyaniya 3-go Vserossijskogo missionerskogo s"ezda v Kazani po voprosam vnutrennej missii i raskolosektanstva [Acts of the 3rd all-Russian missionary Congress in Kazan on internal missions and split and sectarianism]. Kiev. 1897. P.24.
2. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii – Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. third. 1881–1913. Vol. XXV. 1905. The first division. No. 25605–27172 and additions. SPb. 1908. P.258.
3. Vvedensky A. Dejstvuyushchie zakonopolozheniya kasatel'no staroobryadcev i sektantov [Legislation about old believers and sectarians]. Odessa. 1912. P. 10.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii – Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. third. 1881–1913. Vol. XXV. 1905. The first division. No. 25605–27172 and additions. SPb. 1908. P.257.
5. Ibid. P. 258; A. A. Mashkovtsev Konfessional'naya politika gosudarstva v otnoshenii katolikov i protestantov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Confessional policy of the state concerning the Catholics and Protestants of the Middle Volga region and the Urals in the second half of XIX – early XX century]. Kirov. 2015. P. 318.
6. State archive of the Kirov region (hereafter GAKO). F. 583. Inv. 324. File 95; GAKO. F. 583. Inv. 324. File 50.
7. GAKO. F. 583. Inv. 324. File 40.
8. Iz otcheta missionera po Sarapul'skomu i Elabuzhskomu uezdum svyashchennika Petra Trapicyna za 1905 god – From the report of the missionary in Sarapul and Elabuga districts of priest Peter Trapitsyn for 1905 // Vyatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatka diocesan gazette. 1906, No. 18, p. 614.
9. GAKO. F. 583. Inv. 325. File 21. Sh. 14.
10. Ibid. Sh. 16–16.
11. Vvedensky A. Op. cit. P.11.
12. Kupriyanova A.V. SHkol'noe delo v staroobryadcheskih soobshchestvah Altaya v konce XIX – nachale XX veka [Schooling in the old believer communities of the Altai in the late XIX – early XX century] // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of science, culture, education. 2014, No. 5 (48), p.262.
13. Vvedensky A. Op. cit. P.11.
14. Cit. by: Pochinskaya I. V. Staroobryadcheskoe knigopechatanie v XVIII – pervoj chetverti XIX v. [Old believers' book printing in the XVIII – first half of XIX century] Ekaterinburg. 1994. P. 34.

15. Pochinskaya I. V. Knigopechatanie staroobryadcev–fedoseevcev vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (do 1906 g.) [Printing of old believers–fedoseevtsy in the second half of XIX – early XX century (until 1906)] // Ural'skij sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya – Ural collection. History. Culture. Religion. Ekaterinburg. 1997. Pp. 146–147.
16. GAKO. F. 582. Inv. 139. File 287. Sh. 2. See more: Mashkovtsev A. A., Mashkovtseva B. V. Staroobryadcy i sektanty Vyatskoj gubernii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: vzaimootnosheniya s regional'nymi vlastyami i Pravoslavnoj cerkov'yu [The old believers and sectarians of Vyatka province of the second half of XIX – early XX century: relations with regional authorities and the Orthodox Church]. Kirov. 2015. Pp. 56–57.
17. The Russian state historical archive (hereafter RGIA). F. 1284. Inv. 222. File 73. Sh. 97.
18. RGIA. F. 1276. Inv. 4. File 822. Sh. 3.
19. GAKO. F. 583. Inv. 322. File 53. Sh. 36.
20. GAKO. F. 583. Inv. 325. File 22.
21. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii – Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. third. 1881–1913. Vol. XXV. 1905. The first division. No. 25605–27172 and additions. SPb. 1908. P. 544.
22. Otchet missionera po Sarapul'skomu vikariatstvu o missionerskoj protivoraskol'niceskoy deyatelnosti za 1906 god – The report of the missionary Vicariate of the Sarapul on missionary protivorahiticescoe activities for 1906 // Vyatskie eparhial'nye vedomosti Vyatka diocesan gazette. 1907, No. 9, p. 233.
23. Golos staroobryadca – The voice of the believer. 1906 Feb 23.
24. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii – Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. third. 1881–1913. Vol. XXVI. 1906. The second division. SPb. 1908. P. 905.
25. Ibid. P. 907.
26. GAKO. F. 583. Inv. 327. File 56; GAKO. F. 583. Inv. 326. File 37; GAKO. F. 583. Inv. 327. File 12; GAKO. F. 583. Inv. 326. File 53. Sh. 67.
27. GAKO. F. 583. Inv. 327. File 1; GAKO. F. 583. Inv. 327. File 2; GAKO. F. 583. Inv. 322. File 27; GAKO. F. 583. Inv. 326. File 20; GAKO. F. 583. Inv. 326. File 15.
28. Obzor Vyatskoj gubernii za 1908 god. Prilozhenie k vsepoddannejsheму otchetu vyatskogo gubernatora – Review of Vyatka province for 1908. The Annex – report of the Vyatka Governor. Vyatka. 1909. P. 64.
29. GAKO. F. 583. Inv. 327. File 2.
30. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii – Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. third. 1881–1913. Vol. XXVII. 1907. No. 28754–29943 and additions. SPb. 1910. P. 68.
31. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii – Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. third. 1881–1913. Vol. XXXI. 1911. No. 34629 – 36390 and additions. SPb. 1914. P. 260.
32. I. A. Kremleva Staroobryadchestvo [Old Believers] // Russkie – The Russians. M. 1999. P. 720.
33. Obzor Vyatskoj gubernii za 1908 god... – Review of Vyatka province for 1908... P. 64.
34. Cit. by: Melnikov F. E. Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoj (staroobryadcheskoj) cerkvi [Brief history of the old Orthodox (old believers) Church]. Barnaul. 1999. P. 426.
35. Melnikov F. E. Op. cit. P. 415.
36. Ibid. P. 418.
37. Missionerskaya deyatelnost' cerkvi (vtoraya polovina XIX v. – 1917g.) – The Church's missionary activity (second half of XIX – 1917) // erkov' v istorii Rossii (IX v. – 1917 g.). Kriticheskie ocherki – The Church in the Russian history (IX – 1917). Critical essays. M. 1967. P. 287.
38. GAKO. F. 582. Inv. 140. File 238. Sh. 65
39. Obzor Vyatskoj gubernii za 1906 god – Overview of Vyatka governorate for the year 1906. Vyatka. 1907. P. 91.
40. RGIA. F. 803. Inv. 10. File 84. Sh. 101 turn. – 104.
41. GAKO. F. 208. Inv. 1. File 812. Sh. 32 turn–33.
42. GAKO. F. 208. Inv. 1. File 124. Sh. 176.
43. GAKO. F. 205. Inv. 3. File 2480. Sh. 21.
44. GAKO. F. 237. Inv. 210. File 1796. Sh. 5–5 turn.
45. GAKO. F. 237. Inv. 507. File 523. Sh. 9 turn.
46. Apanasenok A.V. Vliyanie staroveriya na religioznuyu zhizn' pravoslavnyh prihodov v central'no–chernozemnyh guberniyah Rossii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka [Influence of the old believers on the religious life of Orthodox parishes in the Central Chernozem provinces of Russia: second half of XIX – early XX century] // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena – News of Russian State Pedagogical University n.a. A. I. Herzen. 2009, No. 92, p.14.
47. GAKO. F. 237. Inv. 74. File 3086. Sh.1 turn.
48. Ibid. Sh. 3.
49. GAKO. F. 237. Inv. 507. File 523. Sh. 10.
50. Iz otcheta missionera po Sarapul'skomu i Elabuzhskom uездam svyashchennika Petra Trapicyna za 1905 god – From the report of the missionary in Sarapul and Elabuga districts the priest Peter Trapitsyn for 1905 // yatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatka diocesan gazette. 1906, No. 18, pp. 618–619.
51. Obzor Vyatskoj gubernii za 1908 god... – Review of Vyatka province for 1908... Pp. 63, 64.
52. Ibid. Pp. 110, 111.
53. Vyatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatskie diocesan gazette. 1906, No. 11, p. 377; Vyatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatskie diocesan gazette. 1906, No. 3 and 4, p. 377; Vyatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatskie diocesan gazette. 1908, No. 30, p. 666.
54. Apanasenok V. A. Op. cit.

Литературное редактирование как процесс смыслопонимания

В качестве теоретической основы современных технологий правки авторского оригинала выдвигается идея литературного редактирования как процесса смыслопонимания. Традиционные дисциплины, связанные с пониманием текстов: текстология, исагогика, экзегетика и герменевтика, – рассматриваются в аспекте основных трендов развития редакторского мастерства. В литературном редактировании выделяются четыре этапа: «текстологический» (нахождение гипотетического общего смысла произведения); «исторический» (изучение истории и подробностей его создания); «уточняющий» (буквальный разбор текста, исследование его во всех деталях); «объясняющий» (толкование текста, «перевод» его на язык близкой культуры). Данные этапы образуют технологическую основу стратегии литературного редактирования, определяющую понимание смысла редактируемого произведения. Приведён пример процесса редакторской подготовки к выпуску на русском языке книги американской писательницы, лауреата Пулитцеровской премии Донны Тартт «Щегол», ставшей бестселлером 2014–2015 гг.

As the theoretical basis of modern technologies changes the author's original literary author puts forward the idea of copyediting as a process comprehension of inner meaning. The traditional disciplines associated with understanding texts: textual criticism, isagogics, exegesis and hermeneutics are considered in the aspect of the main trends in the development of editorial workmanship. In literary editing there are four stages: the "textual" (finding the hypothetical common sense works); "historical" (the study of the history and details of its creation); "lookup" (the literal analysis of the text, study it in detail); "explaining" (the interpretation of the text, "translating" it into language close culture). These stages form the technological basis of the strategy of copyediting that defines the meaning of the edited works. An example of the process of editorial preparation for the release in Russian of the book by American writer, Pulitzer prize winner Donna Tartt of "The Goldfinch", which became a bestseller 2014–2015.

Ключевые слова: литературное редактирование, понимание текстов, процесс смыслового понимания.

Keywords: copyediting, understanding of texts, the process of semantic understanding.

Профессиональное редактирование текстов невозможно без проникновения в их смысл, то есть без глубокого и точного понимания значения тех знаков, которые составляют текст. Возрастающий интерес к проблеме понимания неслучаен. Он вызван неуклонно увеличивающейся ролью информации в жизни общества и индивида. Информационные процессы обусловлены единством познания и общения, а понимание – тот узел, который связывает познание и общение во едино [1].

Концепция литературного редактирования как процесса смыслопонимания может стать теоретической базой при разработке инновационных технологий правки литературного произведения. Традиционные дисциплины, связанные с пониманием текстов, в частности текстология, исагогика, экзегетика и герменевтика, уходя историческими корнями в далёкое прошлое, могут сыграть неожиданную роль, связав историю и основные тренды развития редакторского мастерства. Эти историко-филологические дисциплины, изучающие литературные произведения (но в первую очередь Библию) посредством текстологического анализа, накопили богатейший опыт, знакомство с которым даёт основание утверждать его преэминентность и современность. Многие идеи этих дисциплин актуальны в теории и практике редактирования и могут обогатить современные системы редакторской обработки текстовой информации [2].

Опираясь на выработанную столетиями традицию, мы видим процесс редактирования как поэтапное движение к смысловому пониманию текста с целью его совершенствования, «приведения в порядок» (от лат. *redactus* – приведённый в порядок). При этом каждый этап имеет собственную задачу, средства и результат.

Рассмотрим далее процесс литературного редактирования поэлементно именно как процесс смыслопонимания, выделив, однако, первоначально его ключевой момент.

Обратимся к сфере, в которой непосредственно изучается понимание как постижение смысла и значения знаков. Герменевтика (греч. *ερμηνευτική*, от *ερμηνεύω* – разъясняю, истолковываю) не сразу приобрела черты науки, не вдруг стала теорией интерпретации и понимания текстов или учением о принципах интерпретации. Первоначально так называли искусство толкования, в том числе текстов классической древности, Священного писания. Лишь в XX в. герменевтика стала целым направлением в философии. Мы не касаемся здесь дискуссионного вопроса о том, является герменевтика наукой или искусством. Его решение связано с принципиальной научной позицией в отношении самой реальности понимания – тонкого и сложного психического процесса связывания известных внешних знаков (звуковых, графических и т. п.) с относящимся к ним значением или смыслом. Одни учёные рассматривают его как интеллектуальный процесс, аналитико-синтетическую деятельность сознания, где анализ и синтез служат средствами для раскрытия связей и отношений между предметами и явлениями окружающего мира. Другие считают понимание деятельностью неинтеллектуальной, интуитивной, связанной с непосредственным актом «усмотрения» смысла. Но все исследователи единодушны в одном: понимание – явление исключительное по сложности и многообразное по наблюдаемым следствиям. Поэтому независимо от того, является герменевтика наукой или искусством понимания, она играет важную роль в редактировании текстов, она – его вершина, заключительная стадия. Чтобы к ней подняться, необходимо в работе с текстом пройти ряд других этапов [3].

Рассмотрим эти этапы подробнее. Итак, литературное редактирование как процесс смыслопонимания имеет четыре ступени. Первую ступень в понимании редактором текста можно условно назвать «текстологической», так как она имеет тесную связь с текстологией. Это осторожная попытка приблизиться к авторскому оригиналу, попытка обнаружить его ядро, разумеется, не в материальном плане, попытка из множества слов и предложений извлечь главную информацию, с тем чтобы путём некоторых логических умозаключений прийти к авторскому замыслу. Результатом внимательного текстологического чтения является так называемый общий смысл текста, который представляет гипотетически, то есть условно и предположительно, оригинальный авторский замысел. Разумеется, нельзя не согласиться, что со 100%-ной точностью авторский замысел понять невозможно. Но какое-то приближение к нему можно найти. Задача эта очень сложная, так как всегда вероятны разночтения. Согласно В. А. Пищальниковой понимание текста, тождественное авторскому, в принципе невозможно, так как не может быть полного совпадения, в силу их уникальности, концептуальных систем автора и воспринимающего [4]. Добавим, что по этой же причине невозможно абсолютно идентичное восприятие текста разными читателями.

На соображение о второй ступени нас натолкнула исагогика (древнегреч. *είσαγωγή* – введение, вступление) – широко известный раздел библеистики, предметом которого являются исторические источники религиозных текстов в авторском, культурном, хронологическом и других аспектах. Условно эту ступень можно назвать «исторической», поскольку исагогику занимают вопросы исторического характера: кто, когда, где, зачем написал текст. Исагогика довольно трудная наука, но она важна для более точного понимания текста и его задач. Эти же вопросы значимы и для редактора, ответы на них во многом проясняют смысл текста, обозначая его так называемый «вертикальный контекст». Термин «вертикальный контекст» появился в теории текста для обозначения одного из видов имплицитной, неявно выраженной информации. Это весь социальный уклад, все понятия, представления, воззрения являющегося предметом изображения социального слоя.

Теперь, определив общий смысл редактируемого текста и его «вертикальный контекст», можно идти далее – к основному звену изучения текста, его третьей и четвёртой ступеням.

Третья ступень – назовём её условно «уточняющей» – восходит к экзегетике (греч. *εξεγεοται* – истолковываю), что означает объяснение, комментарий, точное прочтение. В некоторых толковых словарях экзегетика трактуется как синоним герменевтики. Ситуация сходна с понятиями значения и смысла, которые также нередко толкуются как синонимичные. Вместе с тем в современных гуманитарных науках (лингвистике, психологии, философии) они, безусловно, разводятся и означают различные реальности. Поэтому экзегетика в анализе процесса смыслопонимания – это не то же самое, что герменевтика, а есть ступень, ей предшествующая и обуславливающая её результат. Исследование смысла, который автор пытался вложить в текст, в написанное, требует подробнейшего анализа каждого слова, каждого предложения. Это сложная задача, так как любой текст впитывает в себя длинную родословную своих источников, которые мы рассматриваем на предшествующей, «исторической», ступени. Поэтому нужно знать не только язык, но и обстановку, в которой был написан текст, историю времени, обычаи, стремления, течения и т. д. «Историческая» ступень смыслопонимания создаёт базу для «уточняющей», но

ещё не объясняет каждую деталь, каждый элемент текста. Такое буквальное прочтение каждого слова, уяснение его значения – задача экзегетики. Зачем это необходимо? Прежде всего затем, что это важно для глубокого и точного понимания значения тех знаков, которые составляют текст. В конечном счёте – затем, что в современном информационном обществе и издательском деле как его подсистеме востребованы именно такие технологии обработки текстовой информации, которые обусловлены способностью редактора к смыслопониманию.

Как понять смысл текста, написанного, например, много лет назад? Или в далёкой стране с совершенно иным укладом жизни? Нужно его истолковать, то есть перевести на свой язык не только лингвистически, но на язык, возможно, другой культуры, помочь автору донести до современного читателя, как говорят, с другим менталитетом жизненно важный смысл. Такой перевод и есть четвёртая ступень в редакторском анализе текста – герменевтика (греч. *ερμηνευτική*, от *ερμηνεύω* – разъясняю, истолковываю), буквально перевод, истолкование. Её условно можно назвать «объясняющей». Перевод может быть очень различен, так как зависит от многих факторов. Текст бывает настолько глубок, что допускает различное толкование – от буквального до аллегорического. Не случайно вслед за анализом содержания и структуры произведения редактор обращается к подготовке аппарата издания: делает примечания, составляет комментарии, приближая смысл текста произведения к современности, к нашему пониманию, к повседневной жизни. Всё это герменевтика.

Разумеется, все эти этапы смыслопонимания текста очень тесно связаны между собой. Чтобы правильно растолковать текст, нужно как следует и точно его изучить в буквальном прочтении. Экзегетика как предпоследняя ступень в изучении текста и герменевтика как последняя тесно связаны: без хорошего изучения не может быть правильного толкования. Истолкование подчас может быть интересным, убедительным с современной точки зрения, но не точным с точки зрения экзегетики.

Приведём пример связи между этапами смыслопонимания и особенно между экзегетикой и герменевтикой, то есть исследованием буквального смысла текста и его толкованием. В качестве такого примера может послужить описание процесса редакторской подготовки к выпуску на русском языке книги Донны Тартт «Щегол» [5], а именно разработка редактором А. С. Сорокиным элементов аппарата издания. Обращение исследователя к этому произведению не случайно. Книга американской писательницы Донны Тартт была признана лучшим художественным произведением 2014 г. и удостоена Пулитцеровской премии. Книга является бестселлером 2014–2015 гг. Однако издание на русском языке имеет существенный недостаток – отсутствие качественного аппарата, что затрудняет полноценное понимание романа. Этот недостаток и восполняет литературное редактирование, если оно становится процессом смыслопонимания.

Первая его ступень, «текстологическая», есть приближение к общему замыслу книги, которое завершается созданием аннотации.

«Роман, который Донна Тартт, лауреат Пулитцеровской премии, писала более 10 лет, – огромное эпическое произведение о силе искусства и о том, как оно способно перевернуть всю нашу жизнь. Очнувшись после взрыва в музее, Тео Декер получает от умирающего старика наказ вынести из музея кольцо и редкую картину. Тео будет скитаться по разным домам и семьям – от нью-йоркских меценатов до старика-краснодеревщика, от дома в Лас-Вегасе до гостиничного номера в Амстердаме. А украденная картина станет и тем проклятьем, что утянет его на самое дно, и той соломинкой, которая поможет ему выбраться к свету».

Вторая ступень, «историческая», воплощается в предисловии для переводного русскоязычного издания, где редактора занимают вопросы «исторического» характера: кто, когда, где, зачем написал текст; в чём его отличие от других произведений этого автора; каковы особенности жизни и личности автора и т. д. Важные «исторические» подробности углубляют понимание книги в целом.

«Одно из главных литературных событий последнего времени – выход на русском языке романа американской писательницы Донны Тартт “Щегол”. Роман вышел в издательстве “Корпус”.

Читатель легко обнаружит в нём особенности поэтики самых разных произведений других авторов. Но здесь и подделка классического искусства, и террористические акты, и посттравматический синдром, пережитый героем. Здесь, разумеется, и психоанализ, и жизнестановление подростков, и быт нью-йоркской богемы или обыкновенной школы в Лас-Вегасе. Здесь вообще самые разные города и локусы, помимо уже названных Нью-Йорка и Лас-Вегаса, это ещё, скажем, и Амстердам. Но самое главное в этом, действительно очень объёмном романе, – то, что Донне Тартт удастся создать свой достоверный мир. И во многом это получается у неё из-за необыкновенной тщательности описания. Здесь каждая деталь прорисована. Именно эта тщательность создает у читателя иллюзию пребывания в этом всё-таки достаточно странном мире.

Книге, которая изначально была написана на бумаге, больше доверяешь. Переноса текст из блокнота в компьютер, автор ежесекундно сталкивается с проблемой выбора. И вероятность того, что возникшее на мониторе слово действительно имеет право на существование, вырастает в разы. Возможно, именно поэтому Донна Тартт всегда пишет от руки.

Расскажем немного об авторе.

Донна Луиза Тартт родилась в 1963 году в городе Гринвуд, штат Миссисипи, США. В возрасте пяти лет Донна написала своё первое стихотворение, а первая её публикация увидела свет в "Литературном обозрении Миссисипи", когда ей было тринадцать лет. В 1981 году Тартт поступила в Университет Миссисипи и стала членом студенческого братства "Канпа Канпа Гамма". Один из университетских преподавателей Донны по писательскому мастерству отозвался о ней так: "Меня зовут Уилли Моррис, и я считаю, что Вы – гений". И Моррис, и другие преподаватели сошлись во мнении, что первокурсница Донна значительно опережает и по таланту, и по писательскому мастерству большинство выпускников университета, а позднее порекомендовали молодой писательнице перевестись в Беннингтон, на филологический факультет этого вермонтского колледжа. Тартт последовала совету и продолжила обучение по специальности "Классическая литература".

Свой дебютный роман "Тайная история" Тартт начала писать в 1984 году во время обучения на втором курсе колледжа. В 1989 году Брет Истон Эллис рекомендовал Донну известному литературному агенту, а через три года за дебют пока никому не известной писательницы издательство заплатило 450 000 долларов, а роман был опубликован небывалым тиражом – 75 000 экземпляров. В 2002 году вышел в свет второй роман Донны "Маленький друг". Оба романа стали бестселлерами. "Маленький друг" награждён призом компании WH Smith, крупнейшей британской розничной сети по продаже прессы, книг и канцелярских товаров.

У Донны Тартт целая армия поклонников во всем мире, хотя она выпустила пока всего три романа. Работая в классической традиции, Тартт мастерски поддерживает напряжение за счёт тонко выстроенной психологической интриги и необычайной плотности текста, за что восторженная критика постоянно сравнивает молодую писательницу с Р. Л. Стивенсоном.

Одним из самых шумевших и популярных романов писательницы, несомненно, является "Щегол".

Содержание книги уже известно Вам, поэтому немного уделим внимания её пониманию в целом и эмоциям, которые читатель мог испытать при прочтении произведения.

В самом конце книги мы получаем сразу две недвусмысленные подсказки, говорящие о том, что всё заканчивается вроде как в наши дни. Таким образом, события в романе могут происходить и в условном "когда угодно", и во вполне конкретном "прямо сейчас". Время перемешивается, перестает быть линейным. Вся история Тео Декера, все 800 страниц сжимаются до размеров невольно промелькнувшего воспоминания, сна, в котором время отсутствует как таковое.

Отношения читателя с "Щеголом" Донны Тартт могут прерваться неожиданно, незапланированно, сойти на нет задолго до естественного разрешения событий. Ничего удивительного, если в определённый момент кто-то перестанет читать книгу – не отложит на время, а осознанно с ней расстанется. Причиной тому будет, скорее всего, не обычный каприз ("она мне не понравилась"), а тот самый страх, замешательство, приходящее на смену влюбленности ("я не знаю, как со всем этим справиться").

Роман может сам вас покинуть: на 147-й, на 523-й, на любой странице просто внезапно отключится от вашего сознания, обернётся набором букв и слов, напечатанных на бумаге. Слов понятных, осмысленных, но больше вам не принадлежащих. И после этого можно сколько угодно вновь и вновь цепляться взглядом за строку, пытаться оживить потухшие, утраченные образы: книга так и останется недосказанной, недопрожитой, оборвавшейся на полуслове. Потому что такие книги сами выбирают, с кем оставаться до конца, а кого отправить восвояси: сперва будет больно, потом сам скажешь спасибо».

Третья ступень, «уточняющая», логично приводит нас к примечаниям, которые поясняют непонятную деталь, незнакомый элемент текста, направляют читателя к буквальному прочтению неизвестного слова, уяснению его значения:

- *Damen en heren* – дамы и господа (нидерл.).
- *Oporgeloste moord. Onbekende* – нераскрытое убийство. Неизвестный (нидерл.).
- «Кельтские сумерки» – собрание статей У. Б. Йейтса об ирландском фольклоре.
- «Оки-доки» – прозвище жителей Оклахомы, часто с негативным оттенком, от обозначения штата ОК.
- «Д'Агостино» и «Гристедес» – сеть нью-йоркских пиццерий и сеть нью-йоркских продуктовых магазинов.

- *Du pays saint* – Святая земля (фр.).
- *Marc de Bourgogne* – бургундское бренди, или крепкая виноградная водка.
- *FDNY (Fire Department City of New York)* – пожарная служба Нью-Йорка.

Наконец, на четвёртой ступени, «объясняющей», редактор осуществляет «перевод» неясных фрагментов текста другой культуры на язык нашей культуры, интерпретирует, истолковывает их, разрабатывая комментарии.

• «Каждый вечер часов в пять я выбирался к нему наверх на чашку чая. “Влекомый из тюрьмы”. Тогда тут было чертовски мерзко – плесень, сырость» – переиначенная строка из стихотворения «Танатопсис» Уильяма Калена Брайанта «Не походил ты на раба – в тюрьму влекомого всемогущим властелином», пер. А. Плещеева. Герою неспроста приходит на ум строчка из стихотворения, ведь и сам находится в подобной ситуации, но он переиначивает её, так как, в отличие от раба, у него ещё есть надежда.

• «Пианист блестяще играл джазовую аранжировку *It's All Over Now, Baby Blue* – казалось, будто она плывет к нам из параллельного мира» – известная песня Боба Дилана как нельзя точнее отражает состояние Тео, его мысли о погибшей матери, о том, что уже нельзя вернуть [6].

Данные элементы аппарата издания, показанные в рамках статьи намеренно фрагментарно, на самом деле должны быть намного объёмнее. Они не только помогают читателю почерпнуть больше сведений об авторе, произведении в целом, но и поясняют недоступные фрагменты текста. Неслучайно наличие обширного аппарата говорит о культуре издания в целом. Естественно, что книга, удостоенная столь высокой награды, а также имеющая большой объём (более 800 страниц), обязательно должна быть снабжена не менее достойным и объёмным аппаратом издания.

Таким образом, литературное редактирование как процесс смыслопонимания – это тонкая и тщательная проработка текста, его экзегетическое исследование, когда мы извлекаем из текста его первоначальный, буквальный смысл, что, в свою очередь, приводит к более точной герменевтике. Выводы, которые мы делаем после такой работы, будут гораздо более глубокими, чем наши первоначальные выводы. Текст в авторском оригинале приобретает совершенно иной смысл.

Тем самым четыре ступени исследования авторского оригинала: «текстологическая» (нахождение гипотетического общего смысла произведения); «историческая» (изучение истории и подробностей его создания); «уточняющая» (буквальный разбор текста, исследование его во всех деталях); «объясняющая» (толкование текста, «перевод» его на язык близкой культуры) – образуют технологическую основу инновационной стратегии литературного редактирования, определяющую понимание смысла редактируемого произведения.

Примечания

1. Мосунова Л. А. Чтение художественной литературы как процесс понимания смысла // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 66–74.
2. Она же. Редакторский анализ художественных текстов: психологические проблемы восприятия // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела: науч.-техн. журн. 2011. № 4. С. 140–149.
3. Она же. К вопросу о понимании текстов классической литературы // Вестник ВятГГУ. 2015. № 6. С. 69–76.
4. Пищальникова В. А. Проблема смысла художественного текста: психолингвистический аспект. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992.
5. Тартт Д. Щегол: [роман] / пер. с англ. А. Галль. М.: Иностранка, 2014.
6. Сорокин А. С. Разработка элементов аппарата издания книги «Щегол» Донны Тартт // Издательское дело в России и за рубежом: история, современное состояние, проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных (студентов, аспирантов, магистрантов) (г. Киров, 10 февраля 2016 г.). Киров: Изд-во ВятГГУ, 2016. С. 128–133.

Notes

1. Mosunova L. A. CHtenie hudozhestvennoj literatury kak process ponimaniya smysla [Reading of literature as a process of understanding the sense] // Voprosy psihologii – Questions of psychology. 2005, No. 5, pp. 66–74.
2. Also she. Redaktorskiy analiz hudozhestvennyh tekstov: psihologicheskie problemy vospriyatiya [Editorial analysis of literary texts: psychological problems of perception] // Izvestiya Vysshih uchebnyh zavedenij. Nauchno-tekhnicheskij zhurnal Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela – News of Higher educational institutions. Scientific and technical journal Problems of printing and publishing. 2011, No. 4, pp. 140–149.
3. Also she. K voprosu o ponimanii tekstov klassicheskoy literatury [To the question about the understanding of texts of classical literature] // estnik VyatGGU– Herald of VyatSHU. 2015, No. 6, pp. 69–76.
4. Pishchalnikova V. A. Problema smysla hudozhestvennogo teksta: psiholingvisticheskiy aspekt [Problem of meaning of literary text: psycholinguistic aspect]. Novosibirsk. Publishing house of Novosib. University. 1992.
5. Tartt D. SHCHegol: [roman] [Goldfinch: [a novel]] / translated from English A. Gall. M. Inostranka. 2014.

6. Sorokin A. S. Razrabotka ehlementov apparata izdaniya knigi «SHCHegol» Donny Tartt [Development of elements of the apparatus of the edition of the book "Goldfinch" Donna Tartt] // Izdatel'skoe delo v Rossii i za rubezhom: istoriya, sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. molodyh uchyonyh (studentov, aspirantov, magistrantov) (g. Kirov, 10 fevralya 2016 g.)– Publishing business in Russia and abroad: the history, current status, problems and prospects: materials of the III Internat. scientific–pract. conf. young scientists (students, graduate students, undergraduates) (Kirov, 10 February 2016). Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2016. Pp. 128–133.

УДК 81'373

Тун Хуэй

Лексика с семантикой чувственного восприятия и аспекты её лингвистического изучения

В настоящей статье представлен обзор научных работ, появившихся в период с конца 1990-х гг. по настоящее время и посвящённых лингвистическим аспектам изучения лексики чувственного восприятия (перцептивной лексики). Показано, что данные исследования в основном ведутся в русле когнитивной лингвистики и могут быть подразделены на три рубрики в зависимости от их цели и направленности: 1) затрагивающие общие вопросы функционирования перцептивной лексики; 2) содержащие сопоставительное описание перцептивной лексики в разных языках; 3) представляющие стилистические аспекты изучения перцептивной лексики и особенности её употребления в произведениях конкретных авторов. В статье даётся краткое изложение основных выводов, к которым приходят исследователи в рамках каждого из выделенных направлений.

The review of the scientific works which have appeared during the period since the end of the 1990th years till present and devoted to linguistic aspects of studying of lexicon of sensory perception (perceptual lexicon) is presented in the article. It is shown that these researches are generally conducted in line with cognitive linguistics and can be subdivided into three headings depending on their purpose and orientation: 1) raising general questions of functioning of perceptual lexicon; 2) containing the comparative description of perceptual lexicon in different languages; 3) representing stylistic aspects of studying of perceptual lexicon and feature of its use in works of different authors. In article the summary of the main conclusions to which researchers within each of the allocated directions come is given.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, языковая картина мира, лексика чувственного восприятия, аспекты изучения перцептивной лексики.

Keywords: cognitive linguistics, language picture of the world, lexicon of sensory perception, aspects of studying of perceptual lexicon.

Лексика с семантикой чувственного восприятия (перцептивная лексика) представляет собой значительный пласт словарного состава любого языка и играет важную роль в формировании языковой картины мира. Известно, что «познание инкарнировано (cognition is embodied): познание телесно, или “отелеснено”, воплощено, детерминировано телесной облечённостью человека... способностями человеческого тела видеть, слышать, ощущать. То, что познаётся и как познаётся, зависит от строения тела и его конкретных функциональных особенностей, способностей восприятия и движения в пространстве и во времени» [1].

Изучение лексики чувственного восприятия имеет непреходящую актуальность и позволяет расширить наши представления об особенностях отражения окружающего мира средствами языка.

Цель настоящей статьи – попытаться представить систематизированный обзор лингвистических работ последнего времени, посвящённых изучению перцептивной лексики.

Сразу отметим, что большинство авторов, исследующих перцептивную лексику, стоит на позициях когнитивной лингвистики, изучающей процессы познания человеком мира и отражения имеющихся знаний о действительности в виде концептов и категорий. «Всю познавательную деятельность человека (когницию) можно рассматривать как развивающую умение ориентироваться в мире, а эта деятельность сопряжена с необходимостью отождествлять и различать объекты» [2].

Специальное знакомство с научными трудами, в которых рассматривается перцептивная лексика, позволяет нам разделить все такие исследования на три рубрики: 1) работы, в которых

рассматриваются общие вопросы функционирования перцептивной лексики; 2) работы, посвящённые вопросам сопоставительного описания перцептивной лексики в разных языках; 3) работы, представляющие стилистические аспекты изучения перцептивной лексики и особенности её употребления в произведениях конкретных авторов.

Последовательно представим существующие в науке подходы к обозначенным проблемам и дадим краткий обзор некоторых работ.

1. Общие вопросы изучения лексики восприятия, в том числе её роль в языковой картине мира, затрагиваются в работах В. П. Даниленко, Ю. А. Кузнецова, И. Г. Рузина, Н. К. Рябцевой, О. А. Селемёновой, Е. В. Урысон, В. В. Яцковского, в монографии «Ароматы и запахи в культуре» и др. В данных работах рассматриваются как семантика восприятия в целом, так и восприятия отдельных органов чувств.

Так, статья Е. В. Урысон «Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке)» посвящена проблеме соотношения картины мира, закрепившейся в языке, и обыденных представлений о действительности. Различие двух картин мира Е. В. Урысон демонстрирует на примере лексики восприятия (в первую очередь зрительного). К основным лексическим единицам, связанным с восприятием, в русском языке относятся глаголы *видеть*, *слышать*, *обонять*, *ощущать вкус* и *осязать*. Автор обращает внимание на несовпадение таких фактов, как наличие органов чувств и способность к восприятию, ср.: «Человек может иметь глаза, но быть слепым, иметь уши, но быть глухим, иметь нос, но не воспринимать запахи. Значит, глаза, уши и нос – это просто части тела человека (или животного), а истинные органы восприятия невидимы, нематериальны, хотя и связаны с данными, телесными органами, поскольку находятся где-то в их глубине» [3]. Е. В. Урысон убедительно доказывает, что реальное восприятие действительности отличается не только от научных представлений о мире, но и от картины мира, отражённой в языке.

В диссертации И. Г. Рузина «Модусы перцепции (зрение, обоняние, вкус) и их выражение в языке» рассматриваются различные характеристики лексики со значением чувственного восприятия. Автор подчёркивает, что лексика чувственного восприятия не может быть понята без обращения к реальной действительности, к внеязыковым категориям, связывающим язык и окружающий мир. В частности, И. Г. Рузин отмечает: «Восприятие и отражение человеком действительности не хаотично, а определённым образом упорядочено. Эта упорядоченность достигается на основе категоризации... Язык предстаёт не статической, а динамической системой, которая представляет собой множество языковых элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, и образует определённое единство и целостность» [4]. И. Г. Рузин последовательно анализирует особенности отражения в языке восприятия цвета, звуков, запахов, вкусов, осязательных ощущений и говорит о том, что с лингвистической точки зрения эти восприятия описаны ещё недостаточно полно.

Н. К. Рябцева в статье «Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка» также рассматривает лексику восприятия с позиций когнитивной лингвистики. Главным в данном направлении, по словам автора, является положение об антропоцентричности языка. Самым важным органом чувств, по утверждению исследователя, является зрение. Ср.: «Главную роль в восприятии внешнего мира, в практической (и теоретической) деятельности человека, во всём, что он делает, играет зрение, зрительное восприятие. Оно важно до такой степени, что естественный язык, естественный интеллект и человеческий менталитет можно назвать “ориентированными на наглядность”, “visually oriented”, “перцептивно мотивированными”» [5].

В. В. Яцковский обращается к вопросу о роли процессов зрительного и слухового восприятия в формировании языковой картины мира [6]. Работа В. В. Яцковского выполнена на материале английского языка. Автор стоит на позициях когнитивной лингвистики и поддерживает мысль о том, что картина мира, отражённая в языке, служит средством объяснения процессов категоризации знания. В. В. Яцковский подчёркивает, что именно восприятие является той основой, на которой строятся процессы категоризации: «Всякое восприятие предполагает акт категоризации: всё, что воспринимается, приобретает значение от того... к какой категории относится... В звене восприятие – мышление категоризация связывает то, как мы воспринимаем мир, и то, как мы думаем о нём» [7]. Однако восприятие – далеко не единственное основание для формирования картины мира, оно является лишь начальным этапом. Восприятие должно подкрепляться практической деятельностью, предыдущим опытом человека, должно соответствовать имеющимся у него идеям и представлениям о мире. Как показывает автор, информация о мире человеком не только воспринимается, но и различным образом обрабатывается. Все стадии знакомства человека с миром отражаются в языке, поэтому изучение языка может многое объяснить о процессах мышления. При этом особое место занимает «принцип значимости, релевантности,

управляющий поведением человека: из потока информации выбирается лишь то, что для этого поведения существенно и что согласуется с пониманием релевантности подобной информации в его картине мира» [8].

В других работах, относящейся к данной рубрике, рассматриваются вопросы становления понятия «языковая картина мира» в лингвистической науке [9], даётся критический анализ взглядов на отношения языка и действительности в работах известных американских лингвистов Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа [10], осмысляются проблемы соотношения языка и действительности и формирования языковой картины мира на примере лексико-семантического поля смеха [11], характеризуются особенности восприятия запахов в европейской и русской культурах [12] и т. д.

2. Работы, посвящённые вопросам сопоставительного описания перцептивной лексики в разных языках, представлены исследованиями Ж. А. Бубыревой, Пак Сон Гу, Г. Р. Рахимовой и др.

Работа Ж. А. Бубыревой «Анализ существительных тактильного и кинестетического восприятия (на материале русского, французского и английского языков)» [13] посвящена сопоставительному исследованию субстантивных имён со значением осязательного восприятия. Исходным положением для Ж. А. Бубыревой является то, что «познание окружающего мира человеком начинается с его чувственного восприятия посредством пяти органов чувств (зрение, осязание, обоняние, слух, вкус). Есть основания в связи с этим считать чувственный образ исходной формой мысли, возникающей при непосредственном контакте с объективным миром» [14]. В центре внимания учёного находится лексика со значением осязательных восприятий. К этой лексике автор относит, вслед за А. Р. Лурия, слова, называющие ощущение холода, тепла, боли, а также тактильную и кинестетическую чувствительность. Автор отмечает, что осязательные восприятия в языке выражаются с помощью прежде всего существительных, прилагательных и глаголов и далее сосредоточивает своё внимание на существительных. Проведённый анализ приводит автора к выводу о том, что «в целом картина осязательного восприятия в русском, французском и английском языках во многом совпадает, что обусловлено, прежде всего, универсальной природой реально существующего процесса восприятия действительности человеком» [15].

Сопоставительному аспекту рассмотрения лексики восприятия посвящена и работа Пак Сон Гу под названием «Лексика чувственного восприятия в языке российской и корейской рекламы» [16]. Пак Сон Гу отмечает, что «семантическое поле ощущений – одно из самых обширных в русском и корейском языках. Вероятно, это объясняется тем, что субъективный опыт человека основывается на информации, полученной при помощи пяти сенсорных систем. Значимые, с точки зрения носителя сознания, “слежки с реальной жизни”, в том числе зрительные, слуховые, осязательные, вкусовые и обонятельные образы, воплощаясь в языке, становятся достоянием не только отдельного человека, но и национальной культуры» [17]. Автор пишет о том, что в русском и корейском языках в текстах рекламы из всей перцептивной лексики используются в первую очередь прилагательные. Пак Сон Гу последовательно рассматривает прилагательные с семантикой зрительного, слухового, осязательного, обонятельного и вкусового восприятия в текстах рекламы и делает выводы о сходствах и различиях функционирования лексики каждой группы в русских и корейских рекламных текстах.

Статья Г. Р. Рахимовой «Колористическая лексика в аспекте языковой картины мира» [18] посвящена сопоставительному аспекту изучения лексики со значением цвета. Особый акцент Г. Р. Рахимова делает на эмотивном восприятии различных цветов носителями разных языков. Автор полагает, что в основу для объяснения воздействия цвета на чувства человека может быть положена классификация цветов Г. Э. Бреслава, согласно которой все цвета делятся на стимулирующие (тёплые), дезинтегрирующие (холодные), статические (уравновешивающие), пастельные (мягкие) и подавляющие (угнетающие). Однако Г. Р. Рахимова отмечает, что «полная объективность данной классификации для всех людей (даже для одного человека на разных этапах его жизни) и тем более разных этносов и культур представляется сомнительной» [19]. С точки зрения лингвистики более значимой, по мнению автора статьи, представляется классификация цветов по их однозначности или многозначности, предложенная в работе Х. Чирнер. В соответствии с этой классификацией «к основным цветообозначениям относятся в русском языке *красный, жёлтый, зелёный, голубой, синий, коричневый, чёрный, белый, серый*. Именно они являются полисемантическими, в отличие от прилагательных *оранжевый и фиолетовый*, которые являются заимствованными и однозначными» [20].

3. Работы, представляющие стилистические аспекты изучения перцептивной лексики и особенности её употребления в произведениях конкретных авторов, – это исследования О. Н. Григорьевой, О. С. Жарковой, А. В. Житкова, Л. О. Овчинниковой, Н. С. Павловой, В. В. Сальниковой и др.

Например, О. Н. Григорьева в своей книге «Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах» [21] обращается к рассмотрению таких вопросов, как природа ощущений, синестезия и полимодальность ощущений, а также социокультурный аспект обозначения ощущений в языке. Основная часть работы О. Н. Григорьевой посвящена анализу употребления лексики восприятия в публицистических и художественных текстах. В частности, исследователь пишет: «Метафоры, построенные на восприятии цвета, звука, запаха, вкуса, температуры, очень широко используются в языке политики, в средствах массовой информации: *серая экономика, красные переговорщики, запахло жареным, запах крови, запах денег, горькие плоды демократии, острые углы*. Метафора, основанная на чувственном восприятии, играет определённую роль в стратегии дискредитации, поскольку перенос свойств объекта, вызывающего неприятные ощущения, на другой объект позволяет характеризовать последний, выразить к нему отношение: *отдаёт коммунизмом, предвыборная борьба с запахом, политический привкус*» [22]. Что касается художественных текстов, то в них лексика восприятия, по словам О. Н. Григорьевой, используется иначе. «Для художественного произведения важно не сообщить какую-то информацию об окружающем мире, а заново показать нам этот мир, с его прекрасными и жестокими чертами. Окном в новый мир для читателя становится слово в его эстетической функции. Чем более оно непредсказуемо, тем выше его эстетическая ценность» [23].

Диссертация О. С. Жарковой посвящена семантике и функционированию лексики чувственного восприятия в поэмах С. Есенина [24]. В своей работе О. С. Жаркова рассматривает чувственный фрагмент языковой картины мира как объединяющее начало для разнообразных смыслов, созданных поэтом. Специальному анализу в диссертации О. С. Жарковой подвергаются ассоциативно-семантические поля «Цвет», «Свет», «Вкус», «Запах», «Осязание», «Боль». О. С. Жаркова указывает, что «использованная С. Есениным в поэмах лексика ощущения, восприятия и чувственного представления репрезентирует особенности чувственного фрагмента РЯКМ: антропоцентричность, эгоцентричность, чётко выраженную этно-ценностную ориентацию, повышенный метафоризм, семантический синкретизм» [25]. Также значимым представляется вывод автора об особенностях индивидуальной картины мира С. Есенина. Эти особенности О. С. Жаркова определяет как сенситивность, зооморфизм, мифологизм, книжность, народность.

Изучению лексики восприятия в произведениях различных писателей посвящены также работы А. В. Житкова «Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И. А. Бунина», Л. О. Овчинниковой «Сенсорная лексика как средство выражения ценностной картины мира Ю. Н. Куранова», В. В. Сальниковой «Семантическая классификация звуковой лексики в художественных произведениях о детстве (на материале повестей С. Т. Аксакова “Детские годы Багрова-внука” и А. Н. Толстого “Детство Никиты”», Л. Н. Некрасовой «“Нежная вонь остывающих трав”: мир запахов в языке Андрея Платонова» и др. [26]

Таким образом, в изучении перцептивной лексики можно выделить три основных направления: рассмотрение перцептивной лексики как средства когнитивной категоризации; сопоставление перцептивной лексики в разных языках; анализ перцептивной лексики как средства стилиобразования. В рамках первого направления обращается особое внимание на роль перцептивной лексики в процессах концептуализации и категоризации, на факт «воплощённости», «телесности» процессов познания. В рамках второго в функционировании лексики чувственного восприятия в разных языках выявляется большее количество сходств, чем различий, что объясняется универсальной природой человеческого восприятия. В рамках третьего направления делаются конкретные наблюдения относительно использования перцептивной лексики в текстах разных стилей и разных авторов.

Наше собственное исследование «Лексика с семантикой чувственного восприятия в произведениях Юрия Ковалева», для целей которого нами и была изучена соответствующая научная литература, ближе всего к третьей рубрике представленной классификации. Знакомство с общими направлениями научных поисков в данной области необходимо для более чёткого представления задач и перспектив исследования лексики чувственного восприятия.

Примечания

1. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и своё будущее. М.: КомКнига 2006. С. 35.
2. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику М.: Флинта: Наука, 2011. С. 15.
3. Урысон Е. В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 6.
4. Рузин И. Г. «Модусы перцепции (зрение, обоняние, вкус) и их выражение в языке»: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. С. 5.

5. Рябцева Н. К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/268.htm> (дата обращения 14.03.2015).
6. Яцковский В. В. Роль процессов зрительного и слухового восприятия в формировании языковой картины мира: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
7. Там же. С. 22.
8. Там же. С. 42.
9. Селеменова О. А. Формирование концепции языковой картины мира в работах отечественных и зарубежных лингвистов конца XVIII – начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (12). С. 130–134.
10. Даниленко В. П. Языковая картина мира в гипотезе Сепира-Уорфа. URL: <http://old.islu.ru/danilenko/articles/sepirkart.htm> (дата обращения 06.08.2016).
11. Кузнецов Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
12. Ароматы и запахи в культуре: в 2 ч. М.: Новое лит. обозрение, 2010.
13. Бубырева Ж. А. Анализ существительных тактильного и кинестетического восприятия (на материале русского, французского и английского языков) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2011. № 6 (101). Т. 9. С. 105–111.
14. Там же. С. 105.
15. Там же. С. 110.
16. Пак Сон Гу. Лексика чувственного восприятия в языке российской и корейской рекламы // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2008. Вып. 36. С. 23–37.
17. Там же. С. 23.
18. Рахимова Г. Р. Колористическая лексика в аспекте языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (7). С. 130–133.
19. Там же. С. 131.
20. Там же. С. 132.
21. Григорьева О. Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004.
22. Там же. С. 5–6.
23. Там же. С. 7–8.
24. Там же. С. 8.
25. Жаркова О. С. Лексика ощущения, восприятия и чувственного представления как средство номинации и предикации в поэмах С. Есенина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
26. Житков А. В. Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И. А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999; Овчинникова Л. О. Сенсорная лексика как средство выражения ценностной картины мира Ю. Н. Куранова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2008. № 8. С. 55–58; Сальникова В. В. Семантическая классификация звуковой лексики в художественных произведениях о детстве (на материале повестей С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» и А. Н. Толстого «Детство Никиты») // Фундаментальные исследования. 2014. № 9–1. С. 209–213; Некрасова Л. Н. «Нежная вонь остывающих трав»: мир запахов в языке Андрея Платонова // Голоса молодых учёных: сб. науч. публикаций иностр. и рос. аспирантов-филологов. Т. 15. М.: МАКС Пресс, 2004. URL: <http://platonovseminar.ru/docs/science/Nekrasova1.pdf> (дата обращения 24.09.2015).

Notes

1. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. Osnovaniya sinergetiki. СHelovek, konstruiruyushchij sebya i svoyo budushchee [Synergetics base. People who construct themselves and their future]. М. Komkniga. 2006. P. 35.
2. Maslova V. A. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku [Introduction to cognitive linguistics] М. Flinta: Nauka. 2011. P. 15.
3. Uryson E. V. YAzykovaya kartina mira vs obihodnye predstavleniya (model' vospriyatiya v russkom yazyke) [Language picture of the world vs the everyday representation (the model of perception in Russian)] // Voprosy yazykoznaniya – Questions of linguistics. 1998, No. 2, p.6.
4. Ruzin I. G. «Modusy percepii (zrenie, obonyanie, vkus) i ih vyrazhenie v yazyke»: dis. ... kand. filol. nauk ["Modes of percipia (sight, smell, taste) and their expression in language": dis. Cand. Philol. Sciences]. М. 1995. P. 5.
5. Ryabtseva N. K. Mental'naya leksika, kognitivnaya lingvistika i antropocentricnost' yazyka [Mental lexicon, cognitive linguistics and anthropocentricity language]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/268.htm> (accessed 14.03.2015).
6. Jatskowski V. V. Rol' processov zritel'nogo i sluhovogo vospriyatiya v formirovanii yazykovoy kartiny mira: na materiale anglijskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk [Role of processes of visual and auditory perception in the formation of the language picture of the world: on a material of English language: dis. Cand. Philol. Sciences]. SPb. 2005.
7. Ibid. P. 22.
8. Ibid. P. 42.
9. Selemeneva O. A. Formirovanie koncepcii yazykovoy kartiny mira v rabotah otechestvennyh i zarubezhnyh lingvistov konca XVIII – nachala XX veka [Formation of the concept of the language picture of the world in the works of domestic and foreign linguists of the late XVIII – early XX century] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of theory and practice. Tambov. Gramota. 2012, No. 1 (12), pp. 130–134.

10. Danilenko V. P. YAzykovaya kartina mira v gipoteze Sepira–Uorfa [Language picture of the world in the hypothesis of Sepir–Worf]. Available at: <http://old.islu.ru/danilenko/articles/sepirkart.htm> (accessed 06.08.2016).
11. Kuznetsov Yu. A. Leksiko–semanticheskoe pole smekha kak fragment russkoj yazykovoj kartiny mira: dis. ... kand. filol. nauk [Lexical–semantic field of laughter as a fragment of Russian language picture of the world: dis. Cand. Philol. Sciences]. SPb. 2005.
12. Aromaty i zapahi v kul'ture: v 2 ch.– The flavors and scents of culture: in 2 pts. M. Nov. lit. obozrenie. 2010.
13. Bubyreva J. A. Analiz sushchestvitel'nyh taktil'nogo i kinesteticheskogo vospriyatiya (na materiale russkogo, francuzskogo i anglijskogo yazykov) [Analysis of nouns, tactile and kinesthetic perception (on the material of Russian, French and English languages)] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Gumanitarnye nauki» – Herald of Belgorod State University. Ser. "Humanities". 2011, № 6 (101), vol. 9, pp. 105–111.
14. Ibid. P.105.
15. Ibid. P. 110.
16. Pak Son Gu. Leksika chuvstvennogo vospriyatiya v yazyke rossijskoj i korejskoj reklamy [The vocabulary of sense perception in the language of the Russian and Korean advertisement] // YAzyk, soznanie, kommunikaciya: sb. st. – Language, consciousness, communication: collection of articles / editorship of V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. M. MAKS Press. 2008. Is. 36. Pp. 23–37.
17. Ibid. P. 23.
18. Rakhimov G. R. Koloristicheskaya leksika v aspekte yazykovoj kartiny mira [Coloristic vocabulary in the aspect of the language world picture] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of theory and practice. Tambov. Gramota. 2010, No. 3 (7), pp. 130–133.
19. Ibid. P. 131.
20. Ibid. P. 132.
21. Grigorieva O. N. Cvet i zapah vlasti. Leksika chuvstvennogo vospriyatiya v publicisticheskom i hudozhestvennom tekstah: ucheb. posobie [The color and smell of power. The vocabulary of sense perception in journalistic and fiction texts: textbook]. M. Flinta: Nauka. 2004.
22. Ibid. Pp. 5–6.
23. Ibid. Pp. 7–8.
24. Ibid. P.8.
25. Zharkova O. S. Leksika oshchushcheniya, vospriyatiya i chuvstvennogo predstavleniya kak sredstvo nominacii i predikacii v poemah S. Esenina»: dis. ... kand. filol. nauk [Vocabulary of sensation, perception and sensory representations as a means of nomination and predication in poems of S. Esenin: dis. Cand. Philol. Sciences]. M. 2005.
26. Zhitkov V. A. Funkcional'no–semanticheskoe pole vospriyatiya zapaha i sinesteziya odoricheskoi leksiki v proizvedeniyah I. A. Bunina: dis. ... kand. filol. nauk [Functional–semantic field of odor perception and synesthesia of odor vocabulary in the works of I. A. Bunin: dis. Cand. Philol. Sciences]. Ekaterinburg. 1999; Ovchinnikova L. O. Sensornaya leksika kak sredstvo vyrazheniya cennostnoj kartiny mira YU. N. Kuranova [Sensory vocabulary as a means of expressing the axiological picture of the world of Yu. Kuranova] // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta – Herald of Baltic Federal University n.a. Kant. 2008, No. 8, pp. 55–58; Salmikova V. V. Semanticheskaya klassifikaciya zvukovoi leksiki v hudozhestvennyh proizvedeniyah o detstve (na materiale povestej S. T. Aksakova «Detskie gody Bagrova–vnuka» i A. N. Tolstogo «Detstvo Nikity») [Semantic classification of the audio vocabulary to works of art about childhood (based on the stories of S. T. Aksakov "Childhood years of Bagrov–grandson" and A. N. Tolstoy "Nikita's childhood")] // Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental research. 2014, No. 9–1, pp. 209–213; Nekrasova L. N. «Nezhnaya von' ostyvayushchih trav»: mir zapahov v yazyke Andrey Platona [“Delicate stench of cooling herbs”: the world of smells in the language of Andrei Platonov] // Golosa molodyh uchyonyh: sb. nauch. publikacij inostr. i ros. aspirantov–filologov – Voice of young scientists: collection of scientific publications of foreign and Rus. pos–graduate students–philologists. Vol. 15. M. MAKS Press. 2004. Available at: <http://platonovseminar.ru/docs/science/Nekrasova1.pdf> (accessed 24.09.2015).

УДК 801.82+82.0

Е. В. Скугарева

К вопросу о языке и стиле научного дискурса (на материале романа Д. Брауна «Код да Винчи»)

Статья посвящена анализу языковых средств выражения научного дискурса в тексте художественного произведения (на материале романа Д. Брауна «Код да Винчи»). Научный дискурс квалифицируется как тип институционального дискурса. Общая научная картина мира опирается на устоявшиеся эмпирические и теоретические исследования о мире, индивидуальная формируется в результате приобретения опыта, освоения конкретным человеком знаний о мире. Научный текст выступает продуктом дискурсивной дея-

тельности ученого, запечатлевает в себе фрагмент научной картины мира автора. Язык науки эквивалентен определенной системе концептов, посредством которой носители языка мыслят, воспринимают, сравнивают, классифицируют объекты и явления окружающей действительности. Особое внимание уделяется языковым средствам выражения научного дискурса, включающим термины и конструкции, типичные для данного типа дискурса.

The article is devoted to language means of expressing the scientific discourse in the text of fiction (based on D. Brown's novel "The Da Vinci Code"). Scientific discourse can be described as institutional discourse type. General scientific picture is based on fixed empirical and practical knowledge, and individual one – on personal experience. Scientific text presents a scientist's discursive process, reflects a fragment of his scientific picture. Language of science is equivalent to a specific concept system. Language speakers think, discover, compare and classify objects, phenomena through this system. Special attention is attached to language means of expressing the scientific discourse, including terms and special constructions.

Ключевые слова: дискурс, научный дискурс, термины, научная картина мира, научный текст.

Keywords: discourse, scientific discourse, terms, scientific picture, scientific text.

В конце XX в. кардинальным образом изменяется взгляд на научный текст, который больше не рассматривается как отдельное произведение монологического характера, он является компонентом целой системы текстов, представляющих различные области науки, научные направления, научные парадигмы [1]. В соотношении таких понятий, как научный текст и научная картина мира (НКМ), научный текст выступает продуктом дискурсивной деятельности ученого, запечатлевает в себе фрагмент НКМ, составляющий упорядоченную систему знаний, результат осмысления им предметного опыта [2]. Дискурс обозначает коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию некоей формальной конструкции текста. В лингвистике понятие дискурс используется для описания образования, выходящего за рамки предложения и текста [3]. Дискурс, как правило, подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер какого-либо явления, текст, в свою очередь, понимается как статический объект, результат данного явления. Решающим фактором, стимулирующим развитие исследований по теории дискурса, является усиление роли коммуникации в современном мире. Каждая сфера деятельности человека обладает собственным, характерным для нее дискурсом, в котором реализуются способности личности к рефлексии и коммуникации. Так, научный дискурс отражает одну из важнейших сфер человеческой деятельности – сферу науки.

Научная деятельность трактуется как активность познающего субъекта со всеми его психическими, поведенческими, ценностными характеристиками, что ведет к признанию субъективности и исторической обусловленности научного знания [4]. Проблемы научной деятельности и научного общения начали активно обсуждаться во второй половине XX в., в рамках таких наук, как философия, социология науки [5]. Научный дискурс квалифицируется как тип институционального дискурса. По мнению С. В. Ракитиной, «...научный дискурс представляет собой когнитивно-событийное пространство речемышления ученого» [6]. Научная рациональность как определенный тип отношения к миру является необходимым условием научного дискурса. Научное познание предполагает существование концептуального аппарата, задающего особое видение мира, надстраивающееся над обыденными представлениями о мире [7]. Как отмечает Джилиан Браун, формирование представления об определенном объекте окружающей действительности, безусловно, происходит в рамках общего понятия о мире индивида [8]. Вследствие этого выделяют целостную картину мира (восприятие мира в целом) и локальную, связанную с определенной средой и аспектом информации о ней. Общечеловеческая (целостная) опирается на устоявшиеся эмпирические и теоретические исследования о мире, индивидуальная формируется в результате приобретения опыта, освоения конкретным человеком знаний о мире [9]. Ценностные ориентиры автора научного текста как языковой личности прослеживаются в его дискурсе, дающем информацию о научно-познавательной деятельности ученого, о характере движения его мысли по пути объективации нового знания, об оценке научных достижений сторонников и оппонентов, об отношении к статусу ученого.

Основная задача автора научного дискурса состоит в демонстрации истинности своей точки зрения в процессе познания объекта научного исследования. При построении высказывания автору необходимо убедить адресата текста в истинности своего мнения [10]. Одним из основных элементов данного типа дискурса является научный текст. С. В. Ракитина понимает научный текст как продукт когнитивно-дискурсивной деятельности ученого, связанный с процессами выявления источников и стимулов этой деятельности, закономерностями формирования знания, с авторской интерпретацией познанного с точки зрения системы уже накопленного знания и фор-

мированием научной концепции [11]. По мнению М. П. Котюровой, научный текст – это форма представления научного знания [12]. Прагматическая направленность научного текста состоит в информировании адресата, прогнозировании ситуации, вызывающей у адресата интерес к излагаемой информации, формирующей его эмоциональное состояние, реализующей оценочную деятельность [13]. У автора нет необходимости заинтересовывать адресата, потому что он (реципиент) сам мотивирован к восприятию в силу своей профессиональной принадлежности.

Каждый язык, в том числе и язык науки, эквивалентен определенной системе концептов, посредством которой носители языка мыслят, воспринимают, сравнивают, классифицируют, обобщают объекты, явления познаваемой действительности. Концепты, выступая единицами такой системы, в научном тексте являются основой мыслительной базы, опорными когнитивными структурами формирования его смыслового содержания. [14]. Ключевыми концептами научного дискурса, по мнению В. И. Карасика, являются «истина», «знание», «исследование» [15]. В научном сообществе принято уважительное обращение друг к другу (коллега), нейтрализующее социальные роли [16]. Тем не менее различия между агентом и клиентом довольно велики, они проявляются в статусной иерархии агентов (доцент, профессор, академик, кандидат или доктор наук).

Среди основных жанров научного дискурса выделяют следующие: научная статья, монография, диссертация, научный доклад, выступление на конференции, стендовый доклад, научно-технический отчет, рецензия, реферат, аннотация, тезисы [17]. Научный дискурс характеризуется высокой интертекстуальностью, поэтому опора на прецедентные тексты (работы классиков науки, названия монографий, статей и т. д.) и их концепты для рассматриваемого дискурса является одним из системообразующих признаков. По мнению Р. С. Аликаева, основной целью научного общения является процесс вывода нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, представленный в вербальной форме и обусловленный коммуникативными канонами научного общения – логичностью изложения, доказательством истинности и ложности тех или иных положений, предельной абстрактивизацией предмета речи [18].

Дискурсивная деятельность определяется как речемыслительная. Характер дискурсивной деятельности определяется стилевой принадлежностью задуманного речевого произведения, особенностями жанра, объемом предметного знания автора, взаимоотношением его с потенциальными адресатами. Основными параметрами дискурсивной деятельности являются интенции, дискурсивные стратегии, дискурсивные тактики и т. д. Что касается интенции, то она представляет собой намерение автора. Для реализации интенций избираются дискурсивные стратегии, выступающие в качестве способа осуществления дискурсивного действия в речевом поведении для достижения целей коммуникации. Дискурсивные тактики зависят от конкретных условий речемышления. Они служат средством реализации дискурсивных стратегий. Дискурсивные стратегии и тактики представляют собой установки автора научного произведения в процессе осуществления им дискурсивной деятельности, составляющими которой выступают дискурсивные действия. Они в свою очередь обусловлены целями, интенциями автора и содержат способы воздействия на адресата, который в данном случае выступает объектом дискурсивных действий [19]. К дискурсивным действиям относят анализ, аргументацию, доказательство, вывод, классификацию, объяснение, характеристику и др. В дискурсивной деятельности, в частности, находит самовыражение и автор научного текста. Он выступает в таком случае языковой личностью, в которой проявляются его неповторимость, своеобразие, уникальность. Вплетаясь в ткань художественного текста, элементы научного дискурса отражают картину мира автора, которая в свою очередь представляет собой индивидуальное видение мира, смысловое конструирование реальной действительности в соответствии с определенной логикой миропонимания [20].

Анализируя произведение Д. Брауна «Код да Винчи», можно обнаружить языковые средства выражения научного дискурса, включая значительное количество имен, входящих в мировой культурный фонд, отображающих имена деятелей науки (Leonardo da Vinci, Leonardo Fibonacci, Draco, Issac Newton, Bernini, Copernicus, Galileo, Kepler, Secchi etc.).

Вкрапления из различных научных областей знания представлены в тексте романа посредством использования обильного количества терминов: a planet, Pisces, Venus, a cycle (астрономия); a symbol, a sign, a crux gemmata, an ideogram, a pentacle (символика); a map, a longitude, the Compass Rose, a globe, a Rose Line, a meridian, the North Pole, the South Pole, the zero longitude, a true direction, to navigate (география); a progression, equal, a sum, terms (математика); the Atbash Cipher, Jewish cryptogram, a code, nekkudot-tiny dots, dashes (криптография).

Информация из различных наук приводится в тексте посредством рассуждений главного действующего персонажа романа – профессора Гарвардского университета Роберта Лэнгдона, преподающего религиозную символику:

– в качестве его воспоминаний: *As a young astronomy student, Langdon had been stunned to learnt the planet Venus traced a perfect pentacle across the ecliptic sky every eight year (астрономия). So astonished were the ancients to observe this phenomenon, that Venus and her pentacle became symbols of perfection, beauty, and the cyclic qualities of sexual love. As a tribute to the magic of Venus, the Greeks used her eight-year cycle to organize the Olympic Game (символика) [21]; The symbol was known as a crux gemmata- a cross bearing thirteen gems- a Christian ideogram for Christ and his twelve apostles [22].* В приведенных примерах используются конструкции, типичные для научного дискурса (*so..., that, as a..., was known*), глаголы, характерные для научного стиля речи (*to learn, to observe, to trace*);

– в диалогах: комментарии ученого Ли Тибинга *"Superstitions?"Sophie asked. "In terms of prophecy", Teabing said...The millennium has recently passed, and with it has ended the two-thousand-year-long astrological Age of Pisces-the fish, which is also the sign of Jesus (астрономия) [23].*

...Most modern Semitic alphabets have no vowels and use nekkudot-tiny dots and dashes written either below or within the consonants-to indicate what vowel sound accompanies them (крупнография) [24]. В этих примерах представлены связующие элементы научного дискурса (*most modern, in terms of, and, which is also*); Замечания Р. Лэнгдона *The pentacle, Langdon clarified, is a pre-Christian symbol that relates to Nature worship...This pentacle is representative of the female half of all things – a concept religious historians call the 'sacred feminine' or the 'divine goddess' (символика) [25];*

– в комментариях Софи: *This is the Fibonacci sequence...a progression in which each term is equal to the sum of the two preceding terms (математика)... [26].*

Сведения из истории представлены отсылками к событиям прошлых лет, обозначенных временным маркером (*long before*), использованием дат (*in 1888, in the thirteen century*), числительных (*zero, first, thirteen*): *Long before the establishment of Greenwich as the prime meridian, the zero longitude of the entire world had passed directly through Paris, and through the Church of Saint-Sulpice. The brass marker in Saint- Sulpice was a memorial to the world's first prime meridian and although Greenwich has stripped Paris of the honour in 1888, the original Rose Line was still visible today [27].*

Mathematician Leonardo Fibonacci created his succession of numbers in the thirteen century [28];

– в качестве отступлений автора: *On a globe, a Rose Line –also called a meridian or longitude-was an imaginary line drawn from the North Pole to the South Pole...the Rose Line – the zero longitude-the line from which all other longitudes on earth would be measured(география) [29].*

In addition, the Rose had close ties to the concept of 'true direction' and navigating one's way. The Compass Rose helped travelers navigate, as did Rose Lines, the longitudinal lines on maps (география) [30]. В этих примерах используются устойчивые сочетания, характерные для научного дискурса (*on a globe, In addition, also called*).

The Atbash Cipher dated back to 500 B.C. ...a common form of Jewish cryptogram, the Atbash Cipher was a simple substitution code based on the twenty-two-letter Hebrew alphabet. In Atbash, the first letter was substituted by the last letter, the second letter by the next to last letter, and so on (крупнография) [31]. В приведенном примере используется ряд числительных (*back to 500 B.C., twenty-two, first, second*).

Таким образом, научный дискурс представляет собой один из типов институционального дискурса. Научная рациональность как определенный тип отношения к миру является необходимым условием данного дискурса. Научный текст выступает продуктом дискурсивной деятельности ученого, запечатлевает в себе фрагмент НКМ, составляющий упорядоченную систему знаний, результат осмысления им предметного опыта. В дискурсивной деятельности, в частности, находит самовыражение и автор научного текста. Он выступает в таком случае языковой личностью, в которой проявляются его неповторимость, своеобразие, уникальность.

Примечания

1. Карчаева С. Х. Дискурсивность научного текста: автореф. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2010. С. 4.
2. Ракитина С. В. Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2006. С. 26.
3. Mills S. Discourse. The new critical idiom. L.; N. Y.: Routledge, 1997. P. 116.
4. Дискурс в современном мире. Психологические исследования / под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2011. С. 98.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: «АСТ», 2004; Merton R. K. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations, Chicago: The University of Chicago Press, 1973.
6. Ракитина С. В. Указ. соч. С. 260.
7. Герасимова Ж. Б. Научный и философский дискурсы как актуальные формы рационально-рефлексивного сознания человека // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 29. С. 73.
8. Brown G., Yule G. Discourse Analysis, Cambridge, 1996. P. 206.
9. Ракитина С. В. Указ. соч. С. 115.
10. Кравцова Е. В. Научный дискурс как вид институционального типа дискурса // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 25. С. 130–131.

11. Ракитина С. В. Указ. соч. С. 13.
12. Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2008. С. 10.
13. Ракитина С. В. Указ. соч. С. 23.
14. Там же. С. 259.
15. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.
16. Карчаева С. Х. Дискурсивность научного текста: автореф. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2010. С. 12.
17. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.
18. Аликаев Р. С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик: Эль-Фа, 1999. С. 60–68.
19. Ракитина С. В. Указ. соч. С. 18.
20. Воронцова Т. И. Картина мира в тексте английской баллады (Когнитивная основа и языковая репрезентация): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. С. 11.
21. Brown D. "The Da Vinci code". A Division of Random House, Inc. N. Y., 2003. P. 40.
22. Ibid. P. 26.
23. Ibid. P. 289.
24. Ibid. P. 324.
25. Ibid. P. 39–40.
26. Ibid. P. 66.
27. Ibid. P. 114.
28. Ibid. P. 66.
29. Ibid. P. 114.
30. Ibid. P. 220.
31. Ibid. P. 330.

Notes

1. Karchaeva S.H. Diskursivnost' nauchnogo teksta: avtoref. ... kand. filol. nauk [Discursiveness of scientific text: abstract. Cand. Philol. Sciences]. Nalchik. 2010. P.4.
2. Rakitina S. V. Nauchnyj tekst: kognitivno–diskursivnye aspekty: monografiya [Scientific text: cognitive and discursive aspects]. Volgograd. Publishing house of the VSPU "Peremena". 2006. P. 26.
3. Mills S. Discourse. The new critical idiom. L.; N. Y.: Routledge, 1997. P. 116.
4. Diskurs v sovremennom mire. Psihologicheskie issledovaniya – Discourse in the modern world. Psychological research / ed. D. Pavlova, I. A. Zachesova. M. Publishing house "Institute of psychology RAS". 2011. P. 98.
5. Kuhn T. Struktura nauchnyh revolucij [Structure of scientific revolutions]. M. "AST". 2004; Merton R. K. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago: The University of Chicago Press. 1973.
6. Rakitina S. V. Op. cit. P. 260.
7. Gerasimova G. B. Nauchnyj i filosofskij diskursy kak aktual'nye formy racional'no–refleksivnogo soznaniya cheloveka [Scientific and philosophical discourses as the relevant forms of rational–reflective consciousness of the person] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of the Chelyabinsk State University. 2009, No. 29, p. 73.
8. Brown G., Yule G. Discourse Analysis, Cambridge. 1996. P. 206.
9. Rakitina S. V. Op. cit. P. 115.
10. Kravtsova E. V. Nauchnyj diskurs kak vid institucional'nogo tipa diskursa [Scientific discourse as a form of institutional type of discourse] // Vestnik YUUrGu – Herald of SUSU. 2012, No. 25, pp. 130–131.
11. Rakitina S. V. Op. cit. P.13.
12. Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. Kul'tura nauchnoj rechi: tekst i ego redaktirovanie: ucheb. posobie [Culture of scientific speech: text and its editing: tutorial] / 2nd ed., rev. and add. M. Flinta: Science. 2008. P. 10.
13. Rakitina, S. V. Op. cit. P. 23.
14. Ibid. P.259.
15. Karasik V. I. O tipah diskursa [About the types of discourse] // YAzykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs – Linguistic personality: institutional and personal discourse. Volgograd. 2000. Pp. 5–20.
16. Karchaeva S.H. Diskursivnost' nauchnogo teksta: avtoref. ... kand. filol. nauk [Discursiveness of scientific text: abstract. dis. Cand. Philol. Sciences]. Nalchik. 2010. P.12.
17. Karasik V. I. O tipah diskursa [About the types of discourse] // YAzykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs – Linguistic personality: institutional and personal discourse. Volgograd. 2000. Pp. 5–20.
18. Alikaev R. S. YAzyk nauki v paradigme sovremennoj lingvistiki [Language of science in the paradigm of modern linguistics]. Nalchik: El' –Fa. 1999. Pp. 60–68.
19. Rakitina S. V. Op. cit. P. 18.
20. Vorontsova T. I. Kartina mira v tekste anglijskoj ballady (Kognitivnaya osnova i yazykovaya reprezentaciya): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Picture of the world in the English ballads (Cognitive base and linguistic representation): abstract. dis. ... Dr Philol. Sciences]. SPb. 2003. P.11.
21. Brown D. "The Da Vinci code". A Division of Random House, Inc. N. Y. 2003. P. 40.
22. Ibid. P. 26.
23. Ibid. P. 289.

- 24. Ibid. P. 324.
- 25. Ibid. Pp. 39–40.
- 26. Ibid. P. 66.
- 27. Ibid. P. 114.
- 28. Ibid. P. 66.
- 29. Ibid. P. 114.
- 30. Ibid. P. 220.
- 31. Ibid. P. 330.

УДК 81'42

Ю. С. Жилина

Толкование термина «синкретизм» и соотношение его с другими явлениями лингвистики

Статья посвящена проблеме толкования термина «синкретизм», а также соотношению его с другими понятиями в лингвистике. Данная проблема является одной из актуальных проблем лингвистики. Несмотря на то что термин «синкретизм» давно известен и изучается многими авторами в различных областях знаний, в лингвистике данный термин вызывает много вопросов и окончательного, единого мнения в его определении нет. В статье автор анализирует разные точки зрения, связанные с определением термина «синкретизм», а также рассматривает соотношение синкретизма с такими явлениями, как нейтрализация, контаминация, переходность, омонимия и полисемия. Часть авторов разграничивает данные явления лингвистики, другая часть отождествляет их друг с другом. В связи с анализом данных соотношений автор пытается дать понятие термина «синкретизм».

The article is devoted to the interpretation of the term “syncretism” as well as its relation to other concepts in linguistics. This problem is one of the urgent problems of linguistics. Despite the fact that the term “syncretism” has long been known and studied by many authors in various fields of knowledge, in linguistics the term raises many questions and there is no consensus on the definition of the term. The author analyzes different points of view related to the definition of the term “syncretism” and considers the correlation of syncretism with other phenomena such as neutralization, contamination, transitivity, homonymy and polysemy. Some authors differentiate these phenomena of linguistics, the other part identifies them with each other. In connection with the analysis of these correlations the author tries to give a definition of the term “syncretism”.

Ключевые слова: синкретизм, переходность, омонимия, полисемия, нейтрализация, контаминация.

Keywords: syncretism, transitivity, homonymy, polysemy, neutralization, contamination.

Понятие термина синкретизм мы можем найти в толковом словаре, например: «Синкретизм – 1) книжн. Слитность, нерасчлененность, характеризующая первоначальное неразвитое состояние чего-либо.; 2) филос. Сочетание разнородных, несовместимых, противоречивых воззрений, разновидность эклектизма» [1].

Однако вопрос, что же такое синкретизм, до сих пор окончательно не получил своего решения. Само понятие синкретизма (по своей сути явления асимметричного) в разные периоды развития научной мысли трактовалось и использовалось по-разному.

Синкретизм – феномен не только лингвистический. Он широко представлен в различных областях знания и как термин используется во многих науках. В искусствоведении и литературоведении он понимается как слитность первобытного искусства и неразличение родов и жанров поэзии; в философии – как механическое соединение разных воззрений; в лингвистике признается сочетанием дифференциальных свойств противопоставленных языковых явлений.

Активно разрабатываемая в лингвистических исследованиях теория синкретизма породила множество терминов, определяющих само понятие и нуждающихся в уточнении.

Одни ученые относят синкретизм к грамматической омонимии, другие – к многозначности (полифункциональности) грамматической формы. Непосредственным толчком к синкретизму обычно являются сдвиги в соотношении формы и содержания языковой единицы. Синкретизм свойствен всем уровням языка и речи, однако каждый из них имеет свои особенности. Синкретизм плана содержания обычно поддерживается синкретизмом плана выражения, так как синтезирующиеся свойства в языке должны иметь соответствующее оформление.

Некоторые ученые понятие синкретизм относят к парадигматике языка и связывают с необратимыми системными сдвигами в процессе его развития (иногда их называют «неразрешимым» синкретизмом, т. е. неустранимым), отличая их от контаминации, диффузности (иногда их называют «разрешимым» синкретизмом, т. е. устранимым при анализе), которые относятся к синтагматике языка и живым процессам, сопровождающим употребление языковых единиц в речи [2].

Из этих определений можно сделать вывод, что картина языкового синкретизма весьма сложна, что термин «синкретизм» применяется к неоднородным явлениям, называет разные понятия. Однако очень часто в лингвистических исследованиях синкретизм рассматривают там, где на самом деле имеют место совсем другие явления, и заменяют другими понятиями. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Дуальная природа синкретизма отражена в значительном количестве терминов, определяющих само понятие – переходность, синкретизм, контаминация, нейтрализация, полисемия, многозначность, омонимия, содержание которых по-прежнему требует уточнения и более четкой дифференциации.

Синкретизм – нейтрализация

Такие авторы, как, например, Л. Ельмслев, О. С. Ахманова, В. К. Журавлев отождествляют синкретизм и нейтрализацию. Нейтрализация – позиционное снятие противопоставления элементов языковой структуры. Важнейший системообразующий фактор, связывающий отдельные языковые элементы, их оппозиции и корреляции в целостную систему.

Ельмслев пишет в своей работе: «Мы сможем теперь остановиться на явлении, известном в традиционной грамматике под именем синкретизма, а в современной фонемике под названием нейтрализации». Исследуемое явление состоит в том, что «коммутация между двумя инвариантами в некоторых условиях пропадает» [3].

О. С. Ахманова, которая также отождествляет эти понятия, понимает под синкретизмом «функциональное объединение разных форм выражения, нейтрализацию противопоставлений (оппозиций)» [4].

Мы можем заметить, что отождествление явлений синкретизма и нейтрализации в лингвистике предполагает наличие оппозиций языковых форм и функциональное выравнивание последних.

Однако в лингвистике имеется пример отграничения синкретизма от явления нейтрализации у А. Мартине. Автор понимает под синкретизмом «частичную омонимию» определенного типа. Он квалифицирует синкретизм как «своего рода языковой “изъян”», обращает внимание на обусловленное синкретизмом «формальное неразличение, смешение» [5]. При синкретизме, подчеркивает автор, в отличие от нейтрализации, всегда есть выбор между тем или другим членом оппозиции. Нейтрализация, по А. Мартине, относится к синтаксису. Если считать, что синкретизм носит парадигматический характер, то на синтагматическом уровне происходит устранение синкретизма.

Синкретизм – контаминация

Контаминация (лат. Contaminatio – приведение в соприкосновение; смешение) – образование нового слова или выражения путем скрещивания, объединения частей двух слов или выражений, связанных между собой какими-либо ассоциациями. Иногда контаминация приводит к неправильным лексическим образованиям или синтаксическим конструкциям.

Сопоставление дефиниций «синкретизм» и «контаминация» позволяет определить границы терминов в различных аспектах.

Синкретизм и контаминация – в корне различные явления. При контаминации речь идет о взаимодействии двух языковых единиц, о совмещении их отдельных элементов, приводящем к появлению третьей единицы. При синкретизме же имеет место не частичное, как в случае с контаминацией, а полное совмещение различных содержательных элементов одним языковым знаком. Образование новой языковой единицы при синкретизме не происходит.

Синкретизм как совпадение значений, функций, категорий и форм в одной форме

Широко известно, что синкретизм – это «совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме». В связи с этим говорят о «синкретизме разных грамматических категорий» [6].

А. М. Пешковский в этом случае говорит о распределении одной и той же формы между разными формальными категориями и подчеркивает разнородность соответствующих значений [7].

Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев говорят о «синкретизме формы выражения»: способности одной и той же словоформы или конструкции реализовать несколько синтаксических функций, способности одного и того же слова служить номинацией нескольких явле-

ний. При этом такой синкретизм характерен, прежде всего, для разговорной речи.

Ю. С. Маслов определяет синкретизм как «постоянное объединение в одной форме (под одной звуковой оболочкой) нескольких значений (компонентов значения), которые в других соотносительных случаях разделены (или в прошлую эпоху исторического языка были разделены) между разными формами» [8]. Как указывает автор, синкретизм наблюдается в самой системе, в ее единицах, именно этим он отличается от нейтрализации противопоставлений, так как она имеет место при функционировании единиц в речи, в определенных контекстах.

Синкретизм – переходность

Традиционным можно считать рассмотрение синкретизма в связи с явлениями переходности. «Синкретичные образования являются следствием явлений переходности и обусловлены ими» [9].

Явления переходности и синкретизма имеют разную функциональную нагрузку. Переходность определяется как универсальное свойство языка, отражающее взаимосвязь языковых фактов и скрепляющее их в целостную систему. Синхронный характер явлений переходности связывается с теми фактами, в которых обнаруживается синкретизм – совмещение (синтез) дифференциальных и семантических признаков единиц, противопоставленных друг другу в системе языка. Синкретизм понимается как свойство языковых и речевых единиц, одно из проявлений переходности [10]. Синкретичными считаются «разного рода гибридные (контаминационные, промежуточные, диффузные) образования» [11]. Следовательно, переходность – явление языка, а синкретизм – и языка, и речи.

Синкретизм – многозначность, полисемия, омонимия

Перейдем к рассмотрению соотношения «синкретизм – омонимия – полисемия».

Синкретизм имеет общий с полисемией критерий отграничения от омонимии, а именно: один языковой знак (синкретизм и полисемия) и два языковых знака (омонимия). Критерием установления тождества языкового знака в противоположность различию языковых знаков является, в свою очередь, единство происхождения.

Изучение синкретизма в лингвистике связывается с многозначностью языковых фактов, полисемией.

Концепция многозначности, включающая регулярную многозначность, основана на представлении о дискретной организации лексических значений [12].

Лингвистическая традиция рассматривает многозначность как самый общий термин наряду с полисемией и неоднозначностью. Проследим все же различия между ними.

Отношение к многозначности формируется на базе фундаментальных оппозиций, определяющих принципиальное устройство языка: дискретность/градуальность; воспроизводимое/порождаемое [13].

Полисемия связана с лексической системой языка, многозначность выходит за ее пределы. Полисемия – явление парадигматики, многозначность охватывает и синтагматику. В отличие от полисемии, многозначность характеризуется возможностью одновременной реализации нескольких значений. Следовательно, термин многозначность охватывает как сферу полисемии, так и сферу неоднозначности [14].

Это наиболее ярко проявляется в синтаксисе, сближая многозначность с неоднозначностью. Именно в возможности одновременной реализации нескольких значений видится пересечение понятий «многозначность» и «синкретизм». Неоднозначность есть проявление многозначности. Дифференцируя лексическую и синтаксическую неоднозначность, Ю. Д. Апресян определяет последнюю как явление синтаксической омонимии.

Другой взгляд, разграничивающий омонимию, полисемию и синкретизм, представляет В. И. Кураков в своей работе «Некоторые критерии разграничения омонимии и синкретизма» [15]. Если омонимия представлена двумя системными элементами с различными функциями, то при полисемии и синкретизме тождество знака сохраняется. Только когда мы говорим о полисемии, мы имеем в виду один знак с одной-единственной функцией, реализующейся в различных значениях, тогда как синкретизм – тоже один знак, но совмещающий в своем означаемом несколько функций.

Их взаимопереходность обусловлена тем, что в процессе функционирования и эволюции языка происходят частые сдвиги в системе отношений между элементами языка в их содержательном плане, что, в свою очередь, вызвано изменением структуры языковых знаков. Так, полисемия порождает омонимы через обязательную стадию синкретизма одного из членов многозначного ряда в случае потери им соотносительной функции, объединяющей его с другими членами этого ряда. Взаимосвязь этих отношений проявляется еще и в том, что в одном и том же лингвистическом знаке могут быть одновременно несколько категорий формально-содержательной асимметрии: знак может быть одновременно синкретичным и многозначным, много-

значным и омонимичным [16].

Несмотря на то что тема синкретизма время от времени обсуждается, согласия в трактовке синкретизма среди специалистов нет до сих пор. В литературе часто встречаются отождествления синкретизма с нейтрализацией и контаминацией, что, таким образом, дает нам очень широкое понимание термина «синкретизм». Также распространено мнение, что синкретизм – это совпадение значений, функций, категорий и форм в одной форме, и мнение, что синкретичные образования являются следствием явлений переходности. Иногда в литературе можно встретить рассмотрение термина «синкретизм» в неразрывной связи с явлениями омонимии и многозначности. Можно предположить, что проблема по данному вопросу в том, что до сих пор нет общей теории синкретизма и четкого понимания природы и сущности синкретичного лингвистического знака.

Примечания

1. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2004. С. 741.
2. *Бабайцева В. В.* Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Рос. энцикл., 2002. С. 406.
3. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка: пер. с англ. Ю. К. Лекомцева // Новое в лингвистике: сб. ст. / сост. В. А. Звегинцев. Вып. 1. М.: Иностр. лит., 1960. С. 343.
4. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. С. 406.
5. *Мартине А.* Нейтрализация и синкретизм / пер. с фр. М. М. Маковского // Вопросы языкознания. 1969. С. 102–103.
6. *Бабайцева В. В.* Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 446.
7. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 53.
8. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1975. С. 120.
9. *Бабайцева В. В.* Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 446.
10. Там же.
11. Там же.
12. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
13. *Зализняк А. А.* Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 20–21.
14. Там же.
15. *Кураков В. И.* Некоторые критерии разграничения омонимии и синкретизма // Теоретические вопросы немецкой филологии (Лексикология, стилистика). Горький, 1974. С. 52–53.
16. Там же.

Notes

1. *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* – Modern dictionary of Russian language / under edition of S. A. Kuznetsov. SPb. Norint. 2004. P. 741.
2. *Babaitseva V.V. Sinkretizm [Syncretism] // Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'* – Linguistic encyclopedic dictionary / chief editor V. N. Yartseva. M. Great Rus. encycl. 2002. P. 406.
3. *Elmslev L. Prolegomeny k teorii yazyka: per. s angl. YU. K. Lekomtsev* [Prolegomena to a theory of language: transl. from Eng. Y. K. Lekomtsev] // *Novoe v lingvistike: sb. st. – New in linguistics: collection of articles / comp. V. A. Zvegintsev. Is. 1. M. Inostr. lit. 1960. P. 343.*
4. *Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. M. Komkniga. 2007. P. 406.
5. *Martine A. Nejtralizaciya i sinkretizm [Neutralization and syncretism] / transl. from Fr. M. M. Makovsky // Voprosy yazykoznanija – Questions of linguistics. 1969, pp. 102–103.*
6. *Babaitseva V.V. Sinkretizm [Syncretism] // Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'* – Linguistic encyclopedic dictionary / chief editor V. N. Yartseva. M. Sov. Encycl. 1990. P. 446.
7. *A. M. Peshkovskij Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii: ucheb. posobie* [Russian syntax in a scientific light: tutorial]. M. Editorial URSS. 2001. P. 53.
8. *Maslov Y. S. Vvedenie v yazykoznanie: ucheb. posobie* [Introduction to linguistics: tutorial]. M. Vyssh. shk. 1975. P. 120.
9. *Babaitseva V.V. Sinkretizm [Syncretism] // Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'* – Linguistic encyclopedic dictionary / chief editor V. N. Yartseva. M. Sov. Encycl. 1990. P. 446.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'* – Linguistic encyclopedic dictionary. M. 1990.
13. *Zaliznyak A. A. Fenomen mnogoznachnosti i sposoby ego opisaniya* [Phenomenon of polysemy and ways to describe it] // *Voprosy yazykoznanija – Questions of linguistics. 2004, No. 2, pp.20–21.*
14. Ibid.
15. *Kurakov V. I. Nekotorye kriterii razgranicheniya omonimii i sinkretizma* [Some criteria for distinguishing between homonymy and syncretism] // *Teoreticheskie voprosy nemeckoj filologii (Leksikologiya, stilistika)– Theoretical issues of German Philology (Lexicology, stylistics). Gorkiy. 1974. Pp. 52–53.*

Многокомпонентные атрибутивные комплексы в английском и русском языках (на материале разностилевых типов дискурса)

В статье проанализирована специфика лексико-семантического уровня многокомпонентных атрибутивных комплексов английского и русского языков с опорой на существующие атрибутивные кластеры, функционирование которых подвержено влиянию внутрilingвистических механизмов и экстралингвистических факторов. Определена основа лексико-семантического сочетания компонентов в модели Adj₁+Adj_n...+N, рассмотрены языковые процессы на синтагматической и парадигматической оси координат, очерчен спектр основных атрибутивных признаков, реализуемых в многокомпонентных атрибутивных группах. Наряду с рассмотренной лексико-семантической вариативностью внутри атрибутивных кластеров уделено внимание тематической и ассоциативной близости языковых единиц, градуальному характеру распространения признаков, эмоционально-оценочным особенностям, позволяющим достичь семантическую согласованность и лексическую оправданность избранных единиц многокомпонентных атрибутивных комплексов. В результате раскрыта роль семантической составляющей как смыслообразующей, интегрирующей множество элементарных сем.

The article analyzes specific features within the lexical-semantic level of multicomponent attribute complexes in English and Russian. The analysis is conducted on the basis of actual attributive clusters, which function under the influence of both intralinguistic and extralinguistic factors. The article presents the basis of lexical-semantic combination of components in the model Adj₁+Adj_n...+N, describes linguistic processes on the syntagmatic and paradigmatic levels, defines the range of main attribute characteristics realized in multi-component attribute groups. Along with the lexical and semantic variation within attribute clusters, attention is paid to thematic and associative similarity of language units, gradable distribution of attributive characteristics and emotional-evaluative features, which allow to achieve coordination of semantics and justify the selection of units for multicomponent attributive complexes. As a result the role of the semantic component is defined as notion-making, integrating many elementary parts of meaning.

Ключевые слова: атрибутивное словосочетание, значение, кластер, многокомпонентный атрибутивный комплекс, семантика, синтагматический, структура.

Keywords: attribute word combination, cluster, meaning, multicomponent attribute complex, semantics, structure, syntagmatic.

Изучение многокомпонентных конструкций представляет собой одну из перспективных областей исследования, несмотря на накопленные в этой области разноаспектные результаты [1]. Особый научный интерес связан с семантической структурой многокомпонентных атрибутивных комплексов (МАК), типа *a little white wooden house*, объединяющих грамматические и лексические сегменты. Внимание к ним оправдано не только семантической сложностью составляющих этих высокоинформативных смысловых комплексов, но и наличием специфических связей и отношений, функционирующих между компонентами подобных структур на содержательном и формальном уровне.

Очевидно, что помимо грамматического согласования на базе грамматических отношений между единицами МАК функционирует связь между понятиями, обозначаемыми данными словами [2]. Отношения подчинения между компонентами МАК имеют место и на лексико-семантическом уровне. Отсюда следует неравноценность и неравноправность статусов у элементов МАК: наличие ведущего элемента и ряда зависимых, через которые центральное понятие, заданное опорным элементом, обогащается и уточняется другими созависимыми понятиями. Одно из слов является опорным, главным (ядро), грамматически связанным с зависимыми словами (адъюнктами) и образующим с ним семантическое единство. Семантическое ядро МАК, его стержневой опорный семантический компонент, составляет онтологическую категорию предмета (лица, объекта, ситуации, роли, средства и т. д.). Концептуальное поле ядерного компонента предполагает заданную признаковость, а следовательно, возможность сочетания с рядом лексем, семантически близких к нему.

Семантическое сложение значений компонентов в составе МАК складывается между предме-

том и его признаками по схеме: «признак + признак...+ предмет». Лексико-семантическим центром выступает ядро, финальный компонент МАК, препозитивные компоненты находятся в позиции лексико-семантических адъюнктов ядра, выраженного существительным и пребывающего в синтаксической функции согласованного определяемого [3], например: *Эта встряска привела также к реальной диверсификации международных связей России, усилив интеграционные процессы в Евразии, что обещает масштабный позитивный долгосрочный эффект. This was how long temporary derogations lasted after the 2004 enlargement, which the UK chose not to benefit from," she said.*

Основой лексико-семантического сочетания компонентов в модели Adj₁+ Adj_n...+N является наличие общей семы в каждом из компонентов и отсутствие противоречащих сем. Это, прежде всего, касается наиболее общих значений, таких, как одушевленность/неодушевленность, абстрактность/конкретность, а также сем более узкого значения (цвет, величина и пр.). «Если А, обозначающее цвет, связывается с N, обозначающим предмет, который может характеризоваться со стороны цвета, то оно сохраняет первоначальное значение. Если же такое А сочетается с N, обозначающим объект, не характеризуемый по цвету, то это свидетельствует об устранении семы "цвет" и переосмыслении прилагательного» [4]. Таким образом, компоненты МАК находятся в отношениях семантического согласования и отражают объективную сочетаемость объекта и его свойств, типа *large charitable foundation; крупная благотворительная организация.*

В ходе образования МАК семантическое согласование достигается путем сложения отдельных компонентов семантического множества участвующих лексем, а не их целостных значений. Это могут быть как обязательные, так и факультативные семы в семантической структуре МАК. Параллельно со сложением семантических множителей опорной единицы и атрибутов, актуализированными оказываются смежные функции взаимодействующих объектов.

МАК конкретизирует качество, количество и прочие атрибуты с опорой на парадигматические атрибутивные кластеры, представляющие собой объединения нескольких однородных элементов, обладающих определёнными свойствами. Учитывая, что статутные признаки значения находят себя и на синтагматической, и на парадигматической оси координат, соответственно и те, и другие участвуют в конструировании сочетаемости МАК.

Признаки МАК трактуются в широком смысле слова: *качество, признаковость, порядковость, указательность* и пр. Препозитивная позиция зависимых компонентов МАК нередко связана с выражением временных, переменных и случайных признаков, которые идентифицируют референт. Прилагательные, стоящие в этом положении, могут идентифицировать предмет как определенный (*узкофокусный, телефонный, торгово-экономический, medical, regular, reserve*), подчеркнуть его выделенность (*конкретный, оригинальный, специфический, very, particular, precise, same, self-same, identical, exact*), обозначить статус и степень значимости (*базовый, главный, ведущий, важнейший, main, prime, principal, chief*), указать на социокультурные параметры (*бюрократический, правовой, lawful, rightful, legal, true*), временные факторы (*жаркие, зимний, пятилетний, июньский, future, late*), ареальную соотнесенность (*российский, американский, уральский, southern, rural*), отразить эмфатичность стержневого элемента (*мейнстримовский, мощнейший, абсолютный, total, sheer*), его уникальность (*единственный, первый, sole, only*) [5]. Компоненты МАК способны передавать комплексные отношения, например отношения происхождения при пространственном расположении; материала, из которого изготовлен предмет, при вещественном значении; характеристики при качественном значении; принадлежности при отношениях части и целого; одушевленность при родственных, социальных и прочих отношениях.

Парадигматические атрибутивные кластеры, на базе которых конструируется МАК, объединяют номинации разных языковых групп в пределах двух основных лексико-грамматических областей с соответствующими грамматическими парадигмами имени существительного и имени прилагательного [6]. Однако семантическая вариатность в рамках кластеров имеет куда более разветвлённый характер, соотносясь с разными тематическими группами или классами имен: личными, собирательными, абстрактными, вещественными и др. В рамках тематических групп наблюдается семантическая схожесть в денотативном значении, а также в способе сочетания с другими словами. Основа объединения слов, обладающих тематической близостью семантики, внутриязыковая и экстралингвистическая: выражаемые объекты и их признаки указывают на предметы, на их свойства и чаще всего проявляют тесную взаимосвязь в окружающей реальности [7]. Через актуализированные признаки объекта МАК возможно проследить его связь с внеязыковой деятельностью, уточнить его своеобразие.

Конструирование МАК идет с опорой на указанные лексико-семантические парадигматические ряды слов, объединенные предметной, тематической или терминологической направленностью.

Объем парадигматических совокупностей тематических и ассоциативных групп может

быть довольно обширным, например таких, как «Человек», «Животный мир», «Природные явления», «Поведение человека», «Семья», «Погода», «Обработка поля», «Домашние животные», «Домашняя обстановка». Наравне с ними языковые множества группируются вместе в подгруппы, обладая дистинктивными, ценностными качествами, дифференцирующими их от значений языковых множеств в прочих подгруппах. Примерами таких подгрупп служат группировки по *форме, цвету, объему, длине, физической и ментальной деятельности, скорости, размеру, возрасту, национальности, материалу* и т. д.

Объединенные вокруг центрального признака, тематические группы дифференцируются в разных языках, поскольку каждый язык членит мир по своему, налагает на субстанцию свою форму и по-своему устанавливает элементы реальности в статических национальных картинах мира [8]. В динамической картине мира, совпадающей с концептуальной или логической картиной мира, это разногласие частично нейтрализуется и зависит скорее от степени развития познающего субъекта, объема его знаний и практических условий познавательной деятельности [9].

Качественные атрибутивные кластеры МАК могут иметь градуальный протяженный характер, обозначая различную степень присутствия признака в каждой конкретной точке отсчета (т. е. в пределах определенной количественной меры), например:

Интенсификация признака ↑	Размер	Цвет	Количество	Частота	Продолжительность	Скорость
	↑ большой	↑ темный	↑ большой	↑ частый	↑ длительный	↑ быстрый
	↑ средний	↑ средний	↑ некоторый	↑ периодичный	↑ средний	↑ средний
	↑ маленький	↑ светлый	↑ малый	↑ редкий	↑ краткий	↑ медленный

Такие кластерные группы характеризуются степенью интенсивности, нарастающей или уменьшающейся по мере разворачивания МАК. Присутствие интенсивности позволяет представить атрибутивную модель МАК в следующем виде: $(intens)^n Adj^n$.

Степень присутствия признака может достигать предельной отметки (*абсолютный, полный, absolute, complete, total, utter*) или пребывать в некотором заданном объеме. Надо отметить, что отличительной особенностью этих множеств является существование некоего предела, за которым качество признака уже теряет свою суть, преобразуясь в нечто иное, примером чего может служить подгруппа цвета. Общеизвестно, что цветовой спектр обладает плавным переходом от цвета к цвету, континуальностью и количественной заданностью присутствия того или иного цвета как признака объекта. С лексико-семантической точки зрения такая градуальность способна присутствовать лишь на заданных отрезках в пределах заданных границ (*бордовый – красный – розовый либо лимонный, желтый, абрикосовый, оранжевый*).

Подобные градуальные явления можно обнаружить в качественных семантических языковых совокупностях в пределах эмоционально-оценочных тематических подгрупп, например:

Интенсификация признака ↑ ----- ↓	Оценка	Ценность
	↑ Хороший, качественный добротный	↑ Дорогой, любимый
	↑ Нейтральный, средний ↓ Плохой ↓	↑ Никакой ↓ Неприятный, отталкивающий, противный, чужой ↓

В таких атрибутивных кластерах интенсивность приобретает двунаправленный характер, распространяясь от нейтрального центра вверх / вниз через усиление эмоционального и / или экспрессивного компонентов значения. Эмоционально-оценочные МАК наряду с градуальным значением имеют оценочный модус, характеризующийся асимметричностью выражения хорошего и плохого. Положительная оценочная зона тяготеет к выражению отношения субъекта к объекту, отрицательная ориентируется на указание свойств объекта [10]. Такие МАК имеют субъективное и объективное начала, вводят оценочное отношение как через сугубо эгоцентрические шкалы (ценить / не ценить, нравиться / не нравиться, одобрять / не одобрять) и дескрип-

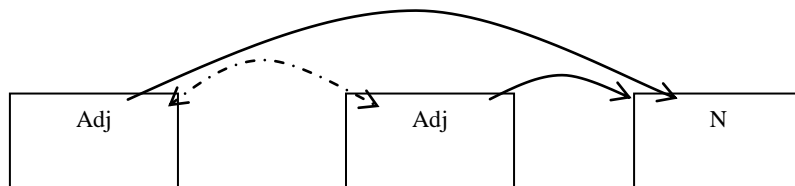
тивные, признаковые компоненты оценки.

Интенсивность проявления признаков в составе МАК может не совпадать в пределах разных кластеров, следовательно, ступень атрибутивной наполненности варьируется по мере разворачивания кластерной цепочки в речевом контексте по восходящей / нисходящей оси.

Эмоционально-аффективный модуль способен проявлять свое присутствие в каждом из тематических секторов, меняя коннотативную окраску номинации с заданной позиции (*голубенький, темноватый, darkish, greenish* и др.), а в пределах оценочной группы он интегрируется в семантику на всем протяжении распространения признака.

В кластерах представлены и парадигмы, величины которых не обладают интенсификацией заданного признака. Это количественные, вещественные, притяжательные и относительные атрибутивные подгруппы, не имеющие степеней сравнения и форм субъективной оценки. Например, такие как цвет: *красный, синий, желтый, blue, red, yellow* и др.; принадлежность: *мировой, государственной, state, collective, parliamentary* и др. Они задают так называемые абсолютные или постоянные признаки объекта.

Очевидно, что сами по себе единицы многокомпонентных атрибутивных кластеров способны породить независимые ассоциативные ряды с неограниченным составом компонентов, но при их включении в модель МАК взаимосвязь становится несколько упорядоченной и взаимосвязанной с опорой на семантический центр МАК, что можно представить в следующем самом общем виде:

Проекция опорного компонента МАК накладывается на области атрибутов, отношения между которыми предполагают наличие некоего числа функций.

Языковая организация единиц тематических атрибутивных кластеров МАК подчинена сложившейся норме, зафиксированной в языке. Традиционно она имеет вид лексико-семантического поля, соответственно кластеры МАК имеют полевою лексико-семантическую структуру. В каждой из групп и подгрупп возможно определить полевою структуру, выделяя центр или ядро, околоядерное пространство, ближнюю и дальнюю периферию. Например, в группе цвета в ядре окажутся базовые основные цвета, концентрирующие признак (*белый, черный, красный, оранжевый, желтый, голубой, синий, фиолетовый, серый, коричневый* и др.). В околоядерном пространстве – менее рекуррентные номинации цветовых оттенков, отражающие фазную емкость признака (*розовый, сизый, рыжий, золотой, салатный, соломенный, лимонный* и др.), в ближайшей периферии – специфические обозначения цвета с некомплексным объемом заданного признака, т. е. с отсутствием какой-то части признака (*белобрысый, чернявый, седой, загорелый, смуглый* и др.), в дальней периферии – факультативно связанные с наличием признака. В состав групп могут входить метафорические переносы: *вишневый, малиновый, кирпичный, табачный, ядовито-зеленый*, смешанные признаки: *бело-розовый, ярко-рыжий, бледно-голубой* [11].

Сложность и многомерность полевой структуры складывается и из многоплановости включаемых признаков, их неравноценных свойств и форм проявлений, включения единиц с отношениями синонимии и антонимии, гипонимии и гиперонимии, в отношениях разнообразного тематического родства, разнообразных словообразовательных зависимостей. Не стоит забывать и о стилистической стороне единиц кластера, варьирующихся в отдельных плоскостях [12].

Основой для лексической организации МАК служит семантическое согласование его компонентов, отсутствие несовместимых сем [13]. Некоторые соположенные в речевом потоке компоненты МАК обладают большим семантическим единством, фактически выступая самостоятельным сложным словом с единым значением, нежели словосочетание с суммой значений, образующих это слово, например: *железная дорога* в составе МАК *монгольская железная дорога*, *сельское хозяйство* в МАК *отечественное сельское хозяйство*, *cold war* в МАК *original cold war*, *prime minister* в МАК *earlier prime minister*. Другие проявляют меньшую степень единства, однако обязательным фактором будут выступать присутствие некоторого лексического и семантического согласования компонентов МАК, дополняющих друг друга в каждом конкретном случае.

Необходимо учитывать, что МАК как формируемый семантический конструкт не обнаруживает себя в качестве суммы прямого сложения свойств и актуализированных признаков, но выступает как результат их сложного взаимодействия. Семантически перегруженные МАК про-

тивопоставляются семантически ограниченному МАК. Плеонастические МАК дублируют семантику, расчлененную в компонентах. Оптимально выстроенные МАК обладают одновременно информативной достаточностью при отсутствии дублетных или избыточных элементов.

С лексико-семантической точки зрения МАК следует признать знаками более высокого порядка, нежели отдельные слова. Это не просто сочетание знаков, значение которых равняется сумме значений отдельных компонентов. В структурах МАК появляется качественно новое содержание, невыводимое из содержания его компонентов, например: *tight dark jeans* (темные обтягивающие джинсы). В данном МАК возникает идея принадлежности характеристик *темный* и *обтягивающий* у словоформы *джинсы*. Данной информации нет в семантике каждой отдельной составляющей МАК, но благодаря их сочетанию появляется идея обладания данными атрибутами.

Отдельные компоненты МАК не отображают полной информации итогового МАК, их информативно-семантический состав не несет новых сведений по сравнению с интегрированным семантическим составом МАК. Соответственно отдельные компоненты МАК лишь участвуют в привнесении нового в суммарную информацию.

Таким образом, учитывая достаточно однообразное синтаксическое поведение компонентов в составе МАК, значения их обладают слабой структурной обусловленностью, но высокой лексической и семантической значимостью. Трехстороннее синтактико-лексико-семантическое взаимодействие компонентов МАК выражается в следующем:

- 1) реализация заданной синтаксической модели зависит от лексического наполнения языковой структуры МАК;
- 2) лексическая наполненность компонентов МАК накладывает ограничения на возможность использования их в определенных синтаксических функциях и структурах;
- 3) семантическое согласование позволяет данному языковому комплексу интегрировать смысловое единство и целостность.

С формальной точки зрения архитектурное взаимодействие отношений между компонентами МАК можно представить следующим образом:

синтаксическая структура ↔ лексическая структура ↔ семантическая структура

Как видно из схемы, каждый из представленных уровней структуры МАК имеет автономный статус, дистинктивные черты, принципы сочетаемости и совокупность инструментов функционирования. Взаимодействие между ними порождает интегрированный языковой комплекс с оптимальным объединением избранных языковых единиц.

Для МАК большее значение имеет соотношение семантики его компонентов, конструирование смысловой целостности. Смысл позволяет интегрировать синтагматические и парадигматические отношения внутри МАК. Внутри этой языковой структуры происходит сцепление во едино множества элементарных, атомарных смыслов, каждый из которых передается через диалектическое единство синтагматики и парадигматики. С другой стороны, синтаксическая структура предопределяет выбор лексем, ведь слова подбираются к определенной синтаксической структуре.

Такова картина конгломерата связей и отношений на морфологическом, синтаксическом и семантическом уровнях сложно-структурного взаимодействия между компонентами МАК. Учитывая их, МАК представляется как многоуровневое, разноплановое образование, в котором определенная значимость задается и раскрывается в каждой из языковых плоскостей. Результатом этого взаимодействия оказывается порождение нового языкового содержания конструируемой структуры, значение которой мотивируется входящими единицами, но не выводится полностью из отдельных ее частей. Семантическая сочетаемость компонентов МАК подтверждает тезис об условно свободном характере семантических связей внутри данного языкового комплекса. Они функционируют наравне с отсутствием синтаксической свободы между главным и зависимыми компонентами МАК. Динамичный и условно свободный лексико-семантический характер МАК складывается из постоянного включения новых языковых элементов, расширения смысловых границ за счет перекомпоновки имеющихся и переосмысления их в новых контекстных условиях.

Однако по-прежнему во взаимоотношениях между компонентами МАК остается много неясного, в частности комбинаторный потенциал и позиционная фиксация актуализированных единиц атрибутивных кластеров в составе МАК. Установление этих данных представляются необходимыми, поскольку считаем, что одна и та же совокупность свойств и признаков, заданных в лексемах МАК, при трансформации ее группировки способна изменить языковую сущность и

привнести иную качественную определенность.

Примечания

1. Дубовский Ю. А., Деревянкина Н. П., Заграевская Т. Б., Касьяненко Л. С., Орлова В. А. Просодия диалогических единств с лексико-синтаксическим параллелизмом. Пятигорск: ПГЛУ, 2011; Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б. Вклад Минской фонетической школы в теорию межъязыковой просодической интерференции // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т.16. № 2–2. С. 401–407; Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б. Просодическая интерференция в условиях искусственного билингвизма (накопление экспериментальных данных для целей лингводидактики конца XX в.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 2–3. С. 657–666; Дубовский Ю. А., Карневская Е. Б. Нормативные основы английской интонации: учеб. пособие по спецкурсу «Просодическая система английского языка» для студ. V курса фак. англ. яз. Минск: Минск. гос. пед. ун-т, 1979; Дубовский Ю. А., Кучер А. В. К исследованию интонации эхо-высказываний в современном английском языке // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький: Горьков. гос. пед. ин-т ин. яз. им. Н. А. Добролюбова, 1968. С. 65–66; Дубовский Ю. А., Кучер А. В. Типологические и специфические черты в английском и русском языках. Пятигорск: ПГЛУ, 2000; Дубовский Ю. А., Морозова И. Н., Переверзева И. В. Вариантность экспликации предикативной связи в английском и русском языках. Пятигорск: ПГЛУ, 2014; Заграевская Т. Б. Стилистические маркеры афроэтносоциолектизмов в англоязычной субстандартной лексикографии XIX века (на материале словаря Дж. С. Фармера / У. Е. Хэнли "Slang and its analogues") // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 1(54). С. 85–88.
2. Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык: теоретический курс грамматики. М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1956. С. 234–235.
3. Кривоносов А. Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания (философские основы теоретической грамматики). М.; Нью-Йорк: Изд-во «ЧеРо», 2001. С. 423.
4. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. С. 105.
5. Celce-Murcia M., Larsen-Freeman D. The Grammar Book: an ESL / EFL Teacher's Course. Cambridge, 1983. P. 392–393.
6. Лич Дж., Свартвик Я. Коммуникативная грамматика английского языка: пособие для учителя на англ. яз. М.: Просвещение, 1983. С. 287.
7. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Высш. шк., 1973. С. 204–206.
8. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 456–458.
9. Чесноков П. Спорные проблемы курса «Общее языкознание»: учеб. пособие / отв. ред. А. В. Лыков. Таганрог: Таганрог. гос. пед. ин-т, 2008. С. 126–131.
10. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд. 4-е. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 20.
11. Баранникова Л. И. Основные сведения о языке: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1982. С. 82.
12. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1974. С. 56.
13. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. С. 11.

Notes

1. Dubovsky Yu. A., Derevyankina N. P., Zagraevskaya T. B., Kasyanenko L. S., Orlova V. A. Prosodiya dialogicheskikh edinstv s leksiko-sintaksicheskim parallelizmom [Prosody of dialogic unities with lexical and syntactic parallelism]. Pyatigorsk. Pyatigorsk State Linguistic University. 2011; Dubovskiy Y. A., Zagraevskaya T. B. Vklad Minskoj foneticheskoy shkoly v teoriyu mezh"yazykovoj prosodicheskoy interferencii [Contribution of Minsk phonetic school to the theory of inter-language prosodic interference] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN – News of the Samara scientific center of RAS. 2014, vol. 16, No. 2–2, pp. 401–407; Dubovsky Yu. A., Zagraevskaya T. B. Prosodicheskaya interferenciya v usloviyah iskusstvennogo bilingvizma (nakoplenie ehksperimental'nyh dannyh dlya celej lingvodidaktiki konca XX v.) [Prosodic interference in the conditions of artificial bilingualism (accumulation of experimental data for the purposes of linguistics of the end of the XX century)] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN – News of Samara scientific center of RAS. 2014, vol. 16, No. 2–3, pp. 657–666; Dubovskiy Yu. A., E. B. Karnevskaya Normativnye osnovy anglijskoj intonacii: ucheb. posobie po spekursu «Prosodicheskaya sistema anglijskogo yazyka» dlya stud. V kursa fak. angl. yaz. [Regulatory frameworks of English intonation: tutorial for the course "Prosodic system of the English language" for students of the V year of the English faculty]. Minsk. Minsk State Ped. University. 1979; Dubovsky Yu. A., Kucher A. V. K issledovaniyu intonacii ehkho-vyskazyvanij v sovremennom anglijskom yazyke [To studies of the intonation of echo statements in modern English] // Teoriya i praktika lingvisticheskogo opisaniya razgovornoj rechi – Theory and practice of linguistic description of spoken language. Gorkiy. Gorkiy State Ped. Univ. of Foreign Languages n. a. N. A. Dobrolyubov. 1968. Pp. 65–66; Dubovskiy Yu. A., Kucher A.V. Tipologicheskie i specificheskie cherty v anglijskom i russkom yazykah [Typological and specific features of English and Russian languages]. Pyatigorsk. Pyatigorsk State Linguistic University. 2000; Dubovsky Yu. A., Morozova I. N., Pereverzeva I. V. Variantnost' ehksplikacii predikativnoj svyazi v anglijskom i russkom yazykah [Variability of predicative explication of communication in English and Russian languages]. Pyatigorsk. Pyatigorsk State Linguistic University. 2014; Zagraevskiy T. B. Stilisticheskie markery afroethnosociolektizmov v angloyazychnoj substandartnoj leksikografii XIX veka (na materiale slovary Dzh. S. Farmera [Stylistic markers of afroethnosociolectisms in the English substandard lexicography of the XIX century (on the material of the J.S. Farmer's dictionary / W. E. Henley "Slang and its analogues")]) // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Cherepovets State University. 2013, No. 1(54), pp. 85–88.

2. Zhigadlo V. N., Ivanova I. P., Iofik L. L. Sovremennyj anglijskij yazyk: teoreticheskij kurs grammatiki [Modern English theoretical grammar course]. M. Publ. of lit. on foreign languages. 1956. Pp. 234–235.
3. Krivososov A. T. Sistema klassov slov kak otrazhenie struktury yazykovogo soznaniya (filosofskie osnovy teoreticheskoy grammatiki) [System of word classes as a reflection of the structure of language consciousness (philosophical fundamentals of theoretical grammar)]. M.; New York: Publishing house "CheRo". 2001. P. 423.
4. Gak V. G. Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazyka [Theoretical grammar of French language]. M. Dobrosvet. 2000. P. 105.
5. Celce-Murcia M., Larsen-Freeman D. The Grammar Book: an ESL / EFL Teacher's Course. Cambridge, 1983. Pp. 392–393.
6. Leach J., Svartvik Ya. Kommunikativnaya grammatika anglijskogo yazyka: posobie dlya uchitelya na angl. yaz. [Communicative grammar of the English language: a guide for teachers in English]. M. Prosveshchenie. 1983. P. 287.
7. Arnold I. V. Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka [Lexicology of modern English]. M. Vyssh. shk. 1973. Pp. 204–206.
8. Lyons George. YAzyk i lingvistika. Vvodnyj kurs [Language and linguistics. Introductory course] / translated from English. M. Editorial URSS. 2004. Pp. 456–458.
9. Chesnokov P. Spornye problemy kursa «Obshchee yazykoznanie»: ucheb. posobie [Controversial issues of the course "General linguistics" textbook] / edited by A. V. Lykov. Taganrog Taganrog State Ped. In-t. 2008. Pp. 126–131.
10. Wolf E. M. Funkcional'naya semantika ocenki [Functional semantics evaluation]. Ed. 4th. M. Book house "Librokom". 2009. P.20.
11. Barannikova L. I. Osnovnye svedeniya o yazyke: posobie dlya uchitelej [Basic information about the language: handbook for teachers]. M. Prosveshchenie. 1982. P. 82.
12. Mednikova E. M. Znachenie slova i metody ego opisaniya: ucheb. posobie [Meaning of a word and methods of its description: textbook]. M. Vyssh. shk. 1974. P. 56.
13. Gak V. G. Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazyka [Theoretical grammar of French language]. M. Dobrosvet. 2000. P. 11.

УДК 81.42

К. М. Богрова, А. С. Малахов

Роль смысловой доминанты «Вода» в формировании языковой личности В. А. Солоухина (на материале рассказа «Летний паводок»)*

Данная статья посвящена изучению когнитивного аспекта структуры языковой личности Владимира Солоухина – известного писателя и общественного деятеля Владимирского края. В статье представлен лексико-семантический, компонентный и контекстуальный анализ лексического пространства рассказа В. А. Солоухина «Летний паводок» с целью выявления компонентов, формирующих концептосферу писателя. В ходе анализа выделена смысловая доминанта «вода», являющаяся особым концептом в творчестве писателя. Анализируемая доминанта на протяжении рассказа приобретает разное смысловое наполнение: понятийное (вода как жидкость, вода как влага, вода как дождь, вода как потоки / струи, вода как река и речное пространство, вода как паводок (водополье, половодье); образное (вода как живое существо); ценностное (вода как необыкновенное зрелище, вода как стихия).

The article is devoted to the research of cognitive aspect of the structure of the linguistic personality of V. Soloukhin who is well-known writer and public figure of Vladimir region. Lexical, semantic, conceptual and contextual analysis of lexical area of the V. Soloukhin's story "Letnii pavodok" is represented in the article. The object of the analysis is identification of the components which formed the writer's conceptosphere. The analysis is highlighted the semantic dominant "water" is special concept in the work of the writer. The analyzed dominant acquires a different content: conceptual (water as liquid, water as moisture, water as rain, water as stream, water as river and water as flood or high water), metaphorical (water as living being), axiological (water as an extraordinary spectacle, water as elemental force).

Ключевые слова: языковая личность, смысловая доминанта, концепт, синтагматика и парадигматика.

Keywords: semantic dominant, linguistic personality, concept, syntagmatic, paradigmatic.

Языковая личность В. А. Солоухина является неизученной. Существуют отдельные попытки анализа лексических особенностей произведений этого писателя, но нет системного подхода к

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-14-33001.

описанию языка его произведений. В связи с этим возникает необходимость изучения языковых особенностей произведений В. А. Солоухина, поскольку, по мнению В. В. Виноградова, «творчество писателя, его авторская личность, герои, темы, идеи и образы воплощены в его языке и только в нем и через него могут быть постигнуты», и потому «исследования стиля, поэтики писателя, его мировоззрения невозможны без основательного, тонкого знания его языка» [1].

Исследования языковой личности в современной лингвистике являются актуальными. Под языковой личностью следует понимать «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [2]. Из этого определения следует, что языковая личность писателя изучается, прежде всего, на основе его творчества: художественных произведений, дневниковых записей, писем, публицистических и научных текстов. Структура языковой личности, по Ю. Н. Караулову, состоит из трех уровней: 1) вербально-семантического (лексикон языковой личности), 2) когнитивного (концептосфера языковой личности), 3) прагматического (целеустановки языковой личности).

Для выявления концептосферы писателя необходимо определить смысловые доминанты художественных произведений, поскольку единицами когнитивного уровня «являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную “картину мира”, отражающую иерархию ценностей» [3].

Рассмотрим смысловые доминанты рассказа В. А. Солоухина «Летний паводок». Словарное значение лексемы «паводок», вынесенной в заглавие, следующее: ‘поднятие уровня воды в реках, водоемах в результате ливней, быстрого таяния снегов, льдов’ (здесь и далее значение лексической единицы приводится по: [4]). По мнению В. А. Лукина, именно заглавие и эпиграф «представляют собой явные авторские знаки, указывающие получателю путь интерпретации текста» [5]. Кроме того, «будучи компонентом текста, заглавие оказывается связанным с текстом довольно сложными отношениями взаимозависимости. С одной стороны, оно предопределяет в известной мере содержание текста, с другой – само определяется им, развивается, обогащается по мере развертывания текста» [6], т. е. название произведения, как правило, обуславливает лексическое наполнение текста и позволяет выявить смысловые доминанты текста.

Компонентный анализ значения слова «паводок» показывает, что его основу составляют три семы: архисема «поднятие уровня воды» и дифференциальные семы «река / водоем» и «ливень / таяние снегов, льдов». Все три семы представляют одну из четырех природных стихий – «воду», но характеризуют ее с разных сторон. Архисема указывает на процесс (движение воды), а дифференциальные семы – на место, где происходит этот процесс (место нахождения воды), и причину возникновения этого процесса (причину появления воды). Таким образом, сам паводок как природное явление – это и есть вода. Именно «вода» и является смысловой доминантой рассказа.

Кроме того, на смысловую доминанту текста *вода* указывают формальные показатели: во-первых, слово *паводок* образовано префиксально-суффиксальным способом от существительного *вода*; во-вторых, именно слово *вода* употребляется в рассказе чаще других (18 раз).

Рассмотрим смысловую доминанту «вода» в рассказе «Летний паводок». В структуре этой доминанты можно выделить три компонента: понятийный, образный и ценностный, каждый из которых вербализуется своими особыми лексико-семантическими единицами, совокупность которых позволяет говорить о воде как о концепте, занимающем особое место в концептосфере В. А. Солоухина.

Основу понятийного компонента составляет само слово *вода*, которое в рассказе употребляется в трех значениях: 1) ‘прозрачная бесцветная жидкость, представляющая собой химическое соединение водорода и кислорода’: *В конце концов земля так напиталась водой, что не брала в себя больше ни капли влаги*; 2) ‘речное, озерное пространство, а также их поверхность или уровень’: *Теперь над водой оставались только крыши этих бань, и все ждали, что вот-вот их приподнимет и понесет*; 3) ‘потоки, струи, волны’: *Вот почему, когда образовалась в небе широкая, темная прореха и оттуда хлынула обильная, по-летнему теплая вода, наша тихая, мирная речка сразу начала вздуться и пухнуть*.

На понятийном уровне смысловая доминанта *вода*, помимо основного элемента, представлена совокупностью производных элементов, связанных парадигматически с основным элементом. К числу таких элементов относятся:

1) существительное *влаги* (‘сырость, вода, содержащаяся в чем-нибудь’): *В конце концов земля так напиталась водой, что не брала в себя больше ни капли влаги*, которое является синонимом к слову *вода* в первом значении;

2) существительные *водополье* 'разлив реки, наступающий в определенное время вследствие таяния снегов, льда, сезонных дождей' [7]: *Никогда, при самом дружном таянии самых глубоких снегов, не было на нашей реке такого разлива, такого водополья, как теперь и половодье* 'весенний разлив реки при таянии снега и вскрытии ото льда': *Но все же речка наша слишком мала, чтобы даже в такое половодье всерьез навредить людям*, которые являются производными от существительного *вода* и синонимами к слову *паводок*. Каждое из этих существительных употребляется в рассказе по одному разу;

3) существительное *дождь*, занимающее второе место по частотности употребления (10 раз), реализующее значение 'атмосферные осадки в виде водяных капель, струй' и являющееся синонимом к слову *вода* в третьем значении: *Дождь лил в безветрици, из однотонного, студенистого неба*;

4) существительное *река*, занимающее третье место по частотности употребления (шесть раз), реализующее значение 'постоянный водный поток значительных размеров с естественным течением по руслу от истока до устья' и являющееся синонимом к слову *вода* в третьем значении: *В реке по-прежнему прибывала вода*, и его производное *речка*, употребленное в рассказе три раза;

5) существительное *ручей*, употребляющееся два раза, реализующее значение 'водный поток, текущий струей' и являющееся синонимом к слову *вода* в третьем значении: *По каждому оврагу, по каждой канаве наперегонки, перепрыгивая через корни деревьев, через камни, мчались ручьи, словно у них была единственная задача – как можно быстрее домчаться до речки и принять посильное участие в ее разливе*.

Таким образом, на понятийном уровне *вода* у В. А. Солоухина – это жидкость, влага, дождь, потоки / струи, речное пространство, река, ручей и паводок (водополье, половодье).

Образный компонент смысловой доминанты выявляется с учетом синтагматических связей слов, составляющих основу понятийного уровня. Проанализируем синтагматику трех наиболее часто употребляющихся слов: *вода*, *дождь*, *река* / *речка*, являющихся в свою очередь неотъемлемыми компонентами значения слова *паводок*.

Анализ сочетаемости лексемы *вода* показывает, что *вода* в рассказе В. А. Солоухина находится в движении. На это указывают существительное *движение*: *По краю завертины движение воды было медленное, как бы ленивое, но ближе к середине оно все убыстрялось и убыстрялось, образуя наконец водяную вертящуюся яму, в которую неудержимо тянуло все, что проплывало мимо: солому, сено, щепки и даже пузыри, рождающиеся там, где вода расчесывалась ветвями затопленных деревьев*; глаголы *хлынуть* 'начать литься с силой, потоком': *Вот почему, когда образовалась в небе широкая, темная прореха и оттуда хлынула обильная, по-летнему теплая вода, наша тихая, мирная речка сразу начала вздуваться и пухнуть*; *Значит, можно было предположить, что мать, когда вода хлынула в нору, сумела перетащить детенышей на сухое высокое место; ударяться* 'стремительно двигаясь, летя, с силой натолкнуться на что-нибудь, столкнуться с чем-нибудь': *Вода в этом месте ударялась о загнутый берег, ходила кругами; подниматься* 'стать более высоким, повыситься в уровне, силе, напряженности': *Но вода продолжала неумолимо подниматься; прибывать* 'увеличиться, умножиться': *В реке по-прежнему прибывала вода*.

При метафорическом употреблении глагола *расчесываться* 'расчесать себе волосы': *вода расчесывалась ветвями затопленных деревьев* – создается особый образ воды: *вода* наделяется свойствами живых существ, она, как девушка, расчесывается гребнем из ветвей затопленных деревьев.

Анализ сочетаемости лексемы *дождь* показывает, что основными признаками воды-дождя, вызывающим паводок, являются продолжительность и интенсивность. Продолжительность действия выражается глаголами *лечь* 'литься струей, течь непрерывно или с силой': *Дождь лил в безветрици, из однотонного, студенистого неба; перепрыскивать* 'опрыскивать заново, еще раз', сочетанием существительного временной семантики *день* и определительного местоимения *каждый*: *Каждый день перепрыскивали дожди*; наречием *снова*: *Может быть, она перетащит их еще на новое место, и хоть снова начинается дождь и в конце концов вряд ли ее детеныши выйдут целыми из этой передраги, как уж не вышли те два, что лежат на дне ямки, – живой думает о живом, а также фразеологическим сочетанием *ни конца ни края*: *Казалось, не будет теперь ему ни конца ни края*.*

Интенсивность действия выражается глаголами *стегать* 'хлестать, бить чем-нибудь гнушимся, тонким': *Чем сильнее, звучнее стегал дождь, тем азартнее, тем проворнее мчались бесчисленные потоки; сечь* 'с силой хлестать (перен.)': *Дождь усиливался с минуты на минуту, он больно сек меня по лицу и рукам; взбеситься* 'быть в крайнем раздражении, бесноваться (разг.)': *Меньше всего можно было ждать ударов грома, тем не менее удары были, и каждый удар, как бичом, подхлестывал и без того взбесившийся дождь; подхлестывать* 'поторопить (разг., перен.)': *Дождь стегал веревками по спинам ручьев и потоков, подхлестывая их*. Глаголы, называющие

интенсивность действия, употребляются в переносном метафорическом значении и приписывают воде-дождю качества, свойства одушевленных предметов.

Анализ сочетаемости лексем *река / речка* показывает, что В. А. Солоухин приписывает свойства живых существ и воде-реке. Интересен тот факт, что, употребляя слово *речка*, он характеризует ее как тихую, мирную: *Вот почему, когда образовалась в небе широкая, темная прореха и оттуда хлынула обильная, по-летнему теплая вода, наша тихая, мирная речка сразу начала вздвигаться и пухнуть*. После обильного дождя речка превращается в реку, которая начинает «веселиться»: *Дождь прошел, а у реки начиналось самое гулянье* (*гулянье* – производное от глагола *гулять* ‘кутить, веселиться’ (прост.)) и наделяется разрушительной силой, которая способна «сорвать и унести лавы»: *Река немедленно сорвала и унесла с собой все лавы, подняла все, что лежало на ее летних, казавшихся безопасными берегах: дрова так дрова, бревна так бревна, копны сена так копны сена, мусор так мусор*.

Итак, образный компонент смысловой доминанты *вода* формируется путем одушевления этой стихии во всех ее проявлениях (собственно воды, воды-дождя, воды-реки). Вода в рассказе В. А. Солоухина является живым существом: она расчесывает «волосы», стегает «веревками по спинам ручьев». С одной стороны, она может быть мирной, тихой, с другой – беснующейся (как вода-дождь) и разрушительной (как вода-река).

Ценностный компонент связан с положительной и отрицательной оценкой человеком последствий воды-паводка для всего живого. Как уже было сказано, вода-паводок несет в себе разрушительную силу. Вода-паводок – это *стихия* (‘явление природы, обнаруживающееся как ничем не сдерживаемая разрушительная сила’): *Если бы они и могли теперь взглянуть со своей высоты на землю и на меня, идущего по ней, то я им показался бы куда мельче, куда микроскопичнее, чем полчаса назад казались мне слепые, озябшие детеныши выхухоли, лежащие на самом краю земли и стихии* (существительное *стихия* употребляется как контекстуальный синоним слову *вода*).

На разрушительные последствия воды-паводка указывают глаголы со значением «разрушения»: *сорвать* ‘рывком отделить, снять, сдернуть’: *Река немедленно сорвала и унесла с собой все лавы, подняла все, что лежало на ее летних, казавшихся безопасными берегах; залить* ‘покрыть сплошь водой или иной жидкостью’: *Выйдя из берегов, она залила где луга, а где и поле зеленого овса, золотой уже ржи, белой цветущей гречихи; Наверное, немало уютных обжитых гнезд (по времени так и с птенцами) залило этой водой; Но все предыдущие заливало водой, как залило теплую, сухую нору, как зальет через четверть часа и это студеное, с лужицей на дне, копытке; подобраться* ‘незаметно подойти (разг.)’: *В деревушках, что стоят пониже, она подобралась к огородам; затопить* ‘оказываться залитым водой, погруженным в воду’: *Старую ветлу затопило по самую крону*.

Объектами разрушения становятся не только предметы, созданные человеком и природой (огороды ‘участок земли – гряды под овощами, обычно вблизи дома, жилья’: *В деревушках, что стоят пониже, она подобралась к огородам*; бани ‘специальное помещение или учреждение, где моются и парятся’: *Теперь над водой оставались только крыши этих бань, и все ждали, что вот-вот их приподнимет и понесет*; луга ‘участок, покрытый травянистой растительностью’ и поля ‘обрабатываемая под посев земля, участок земли’: *Выйдя из берегов, она залила где луга, а где и поле зеленого овса, золотой уже ржи, белой цветущей гречихи*), но и птицы и животные (пичужка ‘маленькая птичка, пташка’: *По ее ветвям сновали, тревожно и жалобно крича, разнообразные пичужки*; птенец ‘детеныш птицы’: *Наверное, немало уютных обжитых гнезд (по времени так и с птенцами) залило этой водой*; выхухоль ‘небольшое насекомоядное животное, родственное кроту’: *Выхухоль держалась на воде метрах в двух от меня, что невероятно для этого крайне осторожного, крайне пугливого зверька*).

Несмотря на разрушительную силу вода-паводок для человека оказывается необыкновенным (‘редко встречающийся, необычный’) зрелищем (‘то, что представляется взору, привлекает взор (явление, происшествие, пейзаж)’; привлечь ‘вызвать к себе в ком-нибудь положительные чувства’): *Я взял палку и пошел вдоль по берегу, не думая ни о чем, любуясь воистину необыкновенным зрелищем*. Напротив, у животных и птиц паводок вызывает тревогу и жалобный крик: *По ее ветвям сновали, тревожно и жалобно крича, разнообразные пичужки*.

Таким образом, ценностный компонент смысловой доминанты *вода* связан с двумя противоположными оценками: положительной оценкой воды-паводка как необыкновенного зрелища; отрицательной оценкой воды-паводка как опасной стихии, которая губительна для всего живого (прежде всего, животных и человека).

Подводя итоги, следует отметить, что в названии рассказа «Летний паводок» заложена основная смысловая доминанта вода, которая на протяжении рассказа приобретает разное смысловое наполнение: понятийное (вода как жидкость, вода как влага, вода как дождь, вода как по-

токи / струи, вода как река и речное пространство, вода как паводок – водополье, половодье); об-разное (вода как живое существо); ценностное (вода как необыкновенное зрелище, вода как сти-хия). Проведенный лексико-семантический, компонентный и контекстуальный анализ показы-вает, что в концептосфере В. А. Солоухина можно выделить особый концепт *вода*, который у пи-сателя наполняется разным содержанием и выражает аксиологическое значение.

Примечания

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 6.
2. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения. URL: http://destructionen.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm (дата обращения: 03.08.2016).
3. Там же.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виногра-дова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.
5. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Изд-во «Ось-89», 1999. С. 72.
6. Основина Г. А. О взаимодействии заглавия и текста // Русский язык в школе. 2000. № 4. С. 62.
7. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981. С. 194.

Notes

1. Vinogradov V. V. O yazyke hudozhestvennoj literatury [About the language of fiction]. M. 1959. P. 6.
2. Karaulov Yu.N. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi eyo izucheniya [Russian language personality and tasks of its study]. Available at: http://destructionen.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm (date accessed: 03.08.2016).
3. Ibid.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language] / RAS. In-t of Rus. n.a. V. V. Vinogradov. 4th publ., add. M. Azbukovnik. 1999.
5. Lukin V.A. Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvisticheskoy teorii i ehlementy analiza [Literary text: the foundations of linguistic theory and elements of analysis]. M. Publishing house "Os'-89". 1999. P. 72.
6. Osnovina G. A. O vzaimodejstvii zaglaviya i teksta [On the interaction of title and text] // Russian language in school. 2000, No. 4, p. 62.
7. Slovar' russkogo yazyka – Russian dictionary: in 4 vol. Vol. 1 / AS USSR, In-t of Rus. lang.; under the editor-ship of A. P. Evgenieva. 2nd publ., rev. and add. M. Rus. yaz. 1981. P. 194.

УДК 81

М. А. Пшибиева

Числительное «два» во фразеологических единицах разноструктурных языков

В данной статье рассматривается смысловой потенциал числительного «два» во фразеологических единицах (ФЕ) русского, кабардино-черкесского, английского и французского языков, в аспекте отражае-мых в них культурно-типологических особенностей понятия числа. Раскрыты значение и особенности употребления числительного «два» во фразеологических единицах четырех разносистемных языков. Объ-ектом и предметом исследования является значение ФЕ с компонентом-числительным «два», а также вы-явление влияния символики данного числа на значение ФЕ. Материалом исследования являются устойчи-вые сочетания с числительным «два», отобранные из текстов художественной литературы русского, кабар-дино-черкесского, английского и французского языков. В основу исследования положен принцип сочетаемости ФЕ со словами определенных лексико-грамматических классов. Сопоставительно-типологи-ческое исследование числительного «два» во ФЕ четырех разноструктурных языков способствует выявле-нию межъязыковых сходств и различий, что имеет важное практическое значение в процессе преподавания фразеологии иностранных языков.

The article explores the semantic potential of the numeral "two" in phraseological units of Russian, Kabardi- no-Cherkess, English and French languages, in the aspect of cultural and typological features of the concept of num- ber effected in them. The meanings and features of use of the numeral "two" in the phraseological units (PhU) of four different system languages are revealed. The object and subject of the study is the meaning of PhU with the numeral component "two", and identifying of the influence of the number symbolism on the meaning of PhU. The material of our study is set expressions with the numeral "two", selected from Russian, Kabardino-Cherkess, English and French literary texts. The research is based on the principle of collocability of PhU with the words of certain lexical and grammatical classes. Comparative-typological research of the numeral 'two' in the PhU of four different

structure languages facilitates the identification of interlingual similarities and differences, that is of practical importance in teaching of foreign languages phraseology.

Ключевые слова: фразеологизмы, часть речи, числительное, символика, культура.

Keywords: phraseological units, part of speech, numeral, symbolism, culture.

Данная статья посвящена выявлению общих и специфических особенностей числительного «два» в устойчивых сочетаниях русского, кабардино-черкесского, английского и французского языков. Изучение имен числительных с точки зрения отражения в них этнокультурных, ментальных, философских особенностей понятия числа является наиболее перспективным на примере разнотипных языков. Сопоставление материала по четырем языкам обусловлено следующими факторами культурно-научного взаимодействия. Представляется, что сопоставление языков различных групп даст новый научный и интересный материал для исследований и окажется продуктивным при сопоставительно-типологическом изучении аналогичных языковых фактов. Как пишет А. Г. Назарян, «лексико-грамматическая (или категориальная) сочетаемость фразеологизма выражается в его способности употребляться со словами определенных лексико-грамматических классов (существительным, глаголом, прилагательным, наречием, числительным) или подклассов (существительным одушевленным, неодушевленным, конкретным, абстрактным, вещественным, собирательным и т. п.; глаголом переходным, непереходным, местоименным, конкретным, абстрактным, статистическим, динамическим, предельным, непредельным, активным, неактивным и т. п.; прилагательным качественным, относительным, конкретным, вещественным и т. п.; наречием качественным, количественным, обстоятельственным и т. п.; числительным количественным, порядковым, собирательным и т. п.). На основании этого окружение ФЕ может быть субстантивным (в том числе субстантивно-прономинальным), глагольным, адъективным адвербиальным, нумеративным. Соответственно у фразеологизма бывает валентность на существительное (в том числе на существительное-местоимение), глагол, прилагательное, наречие, числительное» [1]. В своей работе Е. С. Кубрякова отмечает, что постепенное выделение такой части речи, как числительное, «означало осознание самостоятельности понятийной категории числа как могущей обособить слова, выражающие это понятие, в особую часть речи. Такое понимание самостоятельности числительных особенно ярко проходит в учении А. А. Потебни» [2].

ФЕ демонстрируют определенную специфику функционирования чисел. Безусловно, русский, кабардино-черкесский, английский и французский относятся к разным языковым группам и даже языковым семьям, что определяет различные формы употребления числительных во фразеологизмах. Фразеологизмы с числительными оказываются двояко обусловленными лингвистическими единицами в культурно-типологическом отношении: через специфику фразеологической картины мира и через специфику выражаемого ими числа. Исключением не являются и фразеологизмы с компонентом-числительным два. Числительное «два» образовалось благодаря различению «я» и «ты». Вначале люди использовали только понятия «один» и «больше, чем один», затем появились первые десять чисел, которые стали играть важную роль в жизни народов древнего мира и были названы в честь богов или почитаемых космических тел. Согласно Э. Кассиреру, «этимология начальных числительных во многих языках позволяет предположить связь с базовыми словами, образованными для различения трех лиц: наличие общих этимологических корней слов со значением «ты» и «два» можно считать доказанным, в частности, в отношении индоевропейских языков. Ибо возможность речевого общения обусловлена, по Гумбольдту, обращением и ответной репликой, т. е. основана на напряжении и раздвоении, образующихся в отношениях «я» и «ты», затем как раз и преодолеваемых в акте речевого общения, так что этот акт оказывается подлинным «посредником между мыслительными усилиями двух лиц». Опираясь на это спекулятивное основоположение языка, В. фон Гумбольдт был первым, кто смог в своем сочинении о двойственном числе выявить внутренние основы употребления этой формы, до того часто рассматривавшейся грамматикой как простой балласт, излишнее ухищрение языка. Он доказывает, что двойственное число по своему происхождению является, с одной стороны, объективным, с другой – субъективным, в связи, с чем его исконное значение отчасти чувственное, отчасти духовное. Первому направлению, для которого двойственность – данный от природы, осязаемый факт, язык следует, согласно Гумбольдту, тогда, когда использует двойственное число преимущественно как выражение чистого предметного созерцания. Это употребление распространено почти по всем языковым семьям» [3]. Наш выбор данного числительного обосновывается тем, что оно, во-первых, относится к сакральным числам, т. е. наполненным большой символикой и смыслом, а также тем, что оно отражает двойственность мира, является числом любой оппозиции, а, как известно, сумма оппозиций лежит в основе миропонимания и мировоззрения.

Приведем примеры ФЕ, содержащих числительное «два», из текстов художественной литературы на русском, кабардино-черкесском, английском и французском языках.

1. Слава и деньги дали ему, казалось, одно – уже полную свободу делать в своей жизни, чего моя нога хочет, *жечь с двух концов свою свечу*, посылать к черту все и вся [4].

ФЕ *жечь с двух концов свою свечу* означает ‘иметь возможность позволить себе многое в жизни, прожигать жизнь, наслаждаться жизнью, безрассудно растрачивать силы, здоровье’. В русской культуре число «два» может иметь как положительное, так и отрицательное значение. Прежде всего, оно считается основой любых бинарных оппозиций: мужской – женский, создатель – создание и т. п.

2. А у меня вон целых семеро, – нахмуриваясь, сказал Василий. – Изба *два шага*, а их куча. Тоже невелика сласть там дети. Нам, видно, чем раньше помереть, тем выгоднее [5].

ФЕ *два шага* употребляют по отношению к чему-либо небольшому по своим размерам. В русском языке фразеологизмы с числовым компонентом «два» выражают, в основном, значение малого количества.

3. И, должно быть, это было для него не менее обидно, чем то, что только после «Мужиков» заговорили о нем: ведь и пьесы его далеко не лучшее из написанного им, а кроме того, это ведь значило, что внимание к нему привлек театр, то, что тысячу раз повторялось его имя на афишах, что запомнились: «*двадцать два несчастья*», «глубокоуважаемый шкаф», «человека забыли» [6].

Числу «два» приписывали раньше символические значения, такие как «дух, зло, мрак, неравенство, нестабильность, подвижность, дерзость, смелость, спор, материя, несходство, разделение между множественностью и монадой, дефект, бесформенность, неопределенность, гармония, терпимость, корень, подножие горы, источник идей, мнение, ошибка, изменяемость, робость, импульс, смерть и т. д.» [7]. Данный пример, содержащий отрицательную коннотацию, является доказательством вышесказанного. ФЕ *двадцать два несчастья* употребляют по отношению к человеку (неудачнику). Так, в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад» называют конторщика Епиходова, с которым ежедневно случается какая-нибудь неприятность.

4. Уззырмэс и *псалгэ тлу ямышлу* щытми, нартхэр арэзы хъуаш [8] – Озирмесу не прекословили, нарты согласились.

ФЕ *псалгэ тлу ямышлу* обозначает (дословно «не делая из (одного) слова два») ‘не прекослова, не возражая’. Числительное тлу является количественным и означает «два». В кабардино-черкесском языке фразеологизмы с числовым компонентом «тлу» = два (и производные) выражают, за редким исключением, значение больших количеств (в отличие от русского) и имеют как положительную, так и отрицательную коннотации.

5. *ЛиплI хуэмышу нэхэрэ лIумI хъуа-цIа* (кабардино-черкесская пословица) [9] – Лучше двое умелых, чем четверо неумелых мужчин.

ЛиплI означает ‘четверо мужчин’, т. е. лIы – мужчина, плIы – четыре. *ЛIумI – двое мужчин, т. е. лIы – мужчина, тIу – два*. В данном примере числу тIу – «два» – противопоставляется число плIы – «четыре». По мнению М. М. Маковского, число «четыре» являлось древним символом силы, мужества, духовного совершенства, целостности, универсальности, мироздания, четырех сторон божественного творения [10]. В данной пословице число «два» усиливается прилагательным «умелые» в противоположность большему числу четырех, но «неумелых».

6. *Вы бжъакъуитI удэллэкIэ куэд плъагъун* (кабардино-черкесская пословица) [11] – Многого не увидишь, если глядеть между двумя рогами вола.

БжъакъуитI – означает скудость ума, дословно ‘два рога’, т. е. бжъакъуэ – «рога», тIу – «два». В данном примере число «два» обозначает очень малое количество.

7. He felt like *Buridan's ass*, which starved between two bundles of hay [12] – Он чувствовал себя в положении буриданова осла, умиравшего с голоду между двумя охапками сена.

ФЕ *an ass between two bundles (или bottles) of hay* – буриданов осел (о человеке, не решающемся сделать выбор) [этим. франц. l'âne de Buridan; французскому философу XIVв. приписывается рассказ об осле, умершем от голода, так как он не решался сделать выбор между двумя одинаковыми охапками сена]. В данном примере показывается, что число *два* является также символом противоречия, антагонизма, поэтому оно считается злым началом, числом дурным, нечистым.

8. – You can be assured your state won't be forgotten.

– Of course, Mr. Secretary, interjected Ardie, that's *a two-way street* [13].

– Если я стану президентом, я не забуду о вашем штате.

– Конечно, господин министр, – воскликнул Арди, – услуга за услугу.

ФЕ *a two-way street* – это (дословно – ‘улица с двусторонним движением’) взаимная услуга, сделка, выгодная обеим сторонам, взаимозависимое положение.

9. I knew this correspondence – school business had become a mighty profitable game-makes sub-

urban real-estate look like *two cents* [14] – Я слышал, что заочное преподавание – дело весьма выгодное: в сравнении с ним наша контора по продаже земельных участков – грошовое дело.

ФЕ *two cents* – ‘грош цена’, ‘в подметки не годится’. В данных примерах числительное «два» употребляется в значении «малое количество». На русский язык ФЕ из английского и французского языков чаще всего переводятся без употребления числительного «два» либо заменяются другими числительными.

10. – *A nous deux*, Josette, reprit la vieille fille, car il faut voir à coucher monsieur de Troisville [15] – Ну, к делу, Жозетта, – сказала старая дева, – мы еще должны подумать, где уложить господина де Труавиля.

ФЕ – *à nous deux* обозначает, давай (те) к делу! что же, приступим?

11. *Et de deux!* Dit de le chapelain tout essouffl [16] – И с плеч долой! – ответил, капеллан, весь запыхавшись.

ФЕ – *et de deux!* – ‘и с плеч долой’, ‘и дело с концом’. Данные примеры показывают, что во французском языке ФЕ с компонентом числительным *deux* чаще всего являются символом быстроты, мгновенности, краткости и выражают интенсивность действия.

Выявив особенности фразеологизмов с числительным «два» в контексте общей фразеологической картины мира, мы пришли к общему выводу, что дискурсивный потенциал слов-числительных, являющихся элементом устойчивых словосочетаний, в рассматриваемых языках с коммуникативной точки зрения в значительной степени совпадает. Общим в дискурсивных практиках следует считать то, что числительное «два» на материале указанных языков выражает универсальную бинарную оппозицию «один» – «два» («много»). Во всех рассматриваемых языках числительное «два» имеет амбивалентную структуру и может обозначать как доброе, так и злое начало. Также анализ примеров показывает, что числительное «два» помимо своего прямого номинативного значения имеет значение некоторого количества (больше двух), а по метафорическому переносу приобретает значения интенсивности действия, выгоды, приобретения.

Примечания

1. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка: учеб. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1987.

2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН. Ин-т языкознания. М.: Языки славян. культуры, 2004.

3. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. М.; СПб.: Университет. кн., 2001.

4. Бунин И. А. Куприн // Собр. соч.: в 13 т. Т. 11. М., 2006. С. 398.

5. Он же. Сверчок // Собр. соч.: в 13 т. Т. 3. М., 2006. С. 256.

6. Он же. О Чехове // Собр. соч.: в 13 т. Т. 9. Гл. V. М., 2006. С. 225.

7. Ключников С. Священная наука чисел. М., 1995.

8. «Нартхэр». Къэбэрдей эпос. (Нарты. Кабардинский эпос. Редкол.: У. Герандоков, Х. Эльбердов, А. Шогенцуков, А. Шортанов. Налшык, 1951.)

9. Къэзэнокъуэ Жэбагъы. Налшык, 1966. (Казанокко Жабаци. Нальчик, 1966.)

10. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1996.

11. Клыщокъуэ А. Мазэныкъуэ и щхъуантIэ. Налшык, 1965. (Кешоков А. Мазэныкъуэ и щхъуантIэ. Нальчик, 1965.)

12. Aldington R. All Men Are Enemies. Part II. Ch. VI. URL: http://librebook.ru/all_men_are_enemies

13. Knebel F., Bailey Ch. Convention. Ch. 12. URL: <http://www.amazon.com/Convention-Fletcher-Knebel-Charles-Bailey/dp/B00005XDYT>

14. Lewis S. Babbitt. Ch. VI. URL: <http://www.lib.ru/CARROLL/alice.txt>

15. Balzac H. de. La Vieille fille. URL: [http://freeditorial.com/ru/books/filter_author?name= Honoré++++Balzac&page=4](http://freeditorial.com/ru/books/filter_author?name=Honoré++++Balzac&page=4)

16. Daudet A. Lettre de mon Moulin. URL: <http://fb2.booksgid.com/klassicheskaya-proza/138419-alphonse-daudet-lettres-de-mon-moulin.html>

Notes

1. Nazaryan A. G. Frazеologiya sovremennogo francuzskogo yazyka: ucheb. 2-e izd. pererab. i dop. [Phraseology of modern French: tutorial, 2nd publ., rev. and add.] M. Vyssh. shk. 1987.

2. Kubryakova E. S. YAzyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: CHasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge: On the way of getting knowledge about language: Parts of speech from cognitive point of view. The role of language in cognition of the world] / RAS. The Institute of linguistics. M. Yaziki slavyan. culture. 2004.

3. Cassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form [Philosophy of symbolic forms]. Vol. 1. Language. M.; SPb. Universitet. kn. 2001.

4. Bunin I.A. Kuprin [Kuprin] // Sobr. soch. - Coll. works: in 13 vol. Vol. 11. M. 2006. P. 398.

5. Also him. Sverchok [Cricket] // Sobr. soch. - Coll. works: in 13 vol. Vol. 3. M. 2006. P. 256.

6. Also him. O Chekhove [About Chekhov] // Sobr. soch. - Coll. works: in 13 vol. Vol. 9. Ch. V. M. 2006. P. 225.

7. Klyuchnikov S. Svyashchennaya nauka chisel [Sacred science of numbers]. M. 1995.

8. «Нартхэр». Къэбэрдей эпос. (Narty. Kabardinskij ehpos - The Narts. Kabardian epos). Ed. board: U. Gerandokov, H. Elberdov, A. Shogentsukov, A. Shortanov. Nalchik. 1951.
9. Къэзэнокъуэ Жэбагы Налшык. 1966. (Kazanoko Zhabaghi. Nal'chik. 1966.)
10. Makovsky M. M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simvoliki v indoevropskikh yazykah: Obraz mira i miry obrazov [Comparative dictionary of mythological symbolics in Indo-European languages: an image of the world and worlds of images]. M. Humanit. ed. center VLADOS. 1996.
11. Кышчокъуэ А. Мазэныкъуэ и щхъуантлэ. Налшык, 1965. (A. Keshokov Мазэныкъуэ и щхъуантлэ. Nal'chik. 1965.)
12. Aldington R. All Men Are Enemies. Part II. Ch. VI. URL: http://librebook.ru/all_men_are_enemies
13. Knebel F., Bailey Ch. Convention. Ch. 12. URL: <http://www.amazon.com/Convention-Fletcher-Knebel-Charles-Bailey/dp/B00005XDYT>
14. Lewis S. Babbitt. Ch. VI. URL: <http://www.lib.ru/CARROLL/alice.txt>
15. Balzac H. de. La Vieille fille. URL: http://freeditorial.com/ru/books/filter_author?name=Honorè++++ Balzac&page=4
16. Daudet A. Lettre de mon Moulin. URL: <http://fb2.booksgid.com/klassicheskaya-proza/138419-alphonsedaudet-lettres-de-mon-moulin.html>

УДК 821.161.1.

И. Г. Кульсарина

Репрезентация образа Башкортостана в русской поэзии второй половины XX – начала XXI в.

В статье раскрываются пути и принципы художественного воссоздания образа Башкортостана в творчестве поэтов второй половины XX – начала XXI в. Изображение башкирского края в русской литературе рассмотрено на основе анализа патриотической, дружественной, пейзажной и философской лирики А. Филиппова, Р. Паля, Г. Кацерики, В. Денисова и других авторов. Особое внимание уделено выявлению приемов использования инонационального материала в русскоязычном тексте. Среди этнических маркеров, репрезентирующих башкирский край в поэзии, отмечены образы Урала, Салавата Юлаева, курая, ковыльных степей, кумыса. Анализируется сюжетообразующая и поэтическая функция мотивов башкирского фольклора в художественной структуре произведений современных авторов. Выделяется образ столицы республики – Уфы – в поэзии Г. Молодцова, Т. Пономаревой, В. Луговского и др. Отмечается значимость разработки интернациональной темы в создании образа поликультурного Башкортостана в русской литературе.

The article describes the ways and principles of art recreation of the image of Bashkortostan in the works of poets of the second half of XX – beginning of XXI centuries. The image of Bashkir region in Russian literature is based on the analysis of Patriotic, friendly, landscape and philosophical lyrics of A. Filippov, R. Pal, G. Katsereka, V. Denisov and other authors. Special attention is paid to identification of the techniques of using foreign material in Russian text. Among ethnic markers that represent Bashkir region in poetry, the images of the Urals, Salavat Yulaev, kurai, grass steppe kumys are distinguished. The plot and poetic function of the motives of Bashkir folklore is analyzed in the artistic structure of works of modern authors. The image of the capital of the Republic – Ufa is distinguished in the poetry of G. Molodtsov, T. Ponamareva, V. Lugovskoy. The importance of creating an international theme in the image of the multicultural Bashkortostan in Russian literature is expressed in the article.

Ключевые слова: Башкортостан, русская литература, инонациональный материал, образ башкирского края, этнокультурные традиции, башкирский фольклор, идейно-художественные особенности.

Keywords: Bashkortostan, Russian literature, non-national material, the image of Bashkir land, ethno-cultural traditions, Bashkir folklore, ideological and artistic features.

Одним из наиболее приоритетных и перспективных направлений отечественного литературоведения последних десятилетий является исследование констант русского национального самосознания в соприкосновении с иной национальной средой. В творчестве многих известных русских писателей ярко отразилась многогранная культура полиэтнической России. Башкирский край стал объектом внимания художников слова еще с пушкинских времен и остается источником творческого вдохновения для многих современных авторов, которые успешно продолжают традиции своих предшественников, а также вносят свою лепту в создание образа башкирского края в отечественной литературе. Отражение темы Башкортостана в русской литературе XIX–XX вв. было объектом внимания М. Г. Рахимкулова, С. Г. Сафуанова [1]. Приемам репрезентации башкирской действительности в русской литературе XX в. посвящены работы И. Г. Кульсариной [2].

Раскрывая пути и характер отражения инонационального в литературе, нужно обратить внимание на факторы, повлиявшие на формирование этих межкультурных диалогических отношений. Русско-башкирские литературные связи в первую очередь связаны с пребыванием русских писателей на территории башкирского края, а также переездом некоторых из них на постоянное местожительство в Башкортостан. Свои наблюдения и впечатления, полученные от знакомства с башкирским краем, они особенно ярко воплотили в дружественной лирике. Так, Л. Ошанин, после участия в Днях российской литературы в Башкирии, посвятил её столице стихотворение «Первая моя строфа...», в котором вдохновенно пишет о своих уфимских друзьях по перу. Данная тема продолжается и в его стихотворении «Брату-башкиру», посвященном классику башкирской литературы Мустаю Кариму. В таком же ключе написано стихотворение «Другу, башкирскому поэту» В. Денисова, где имеются строки: «язык потомков Салавата // Коснулся пушкинских высот...» [3] А в стихотворении «Памяти Рами Гарипова» содержатся его размышления о судьбе поэта, звучащие и как наставление молодым творцам: «Пиши, художник, не рукой // Не кистью и пером, // А духом, // Связанным с душой, // Как с берегом паром» [4]. Если «Башкирские стихи» С. Смирнова посвящены его башкирским друзьям, то К. Ваншенкин свои впечатления от пребывания в Башкортостане рельефно передал в стихотворении «У Назара Наджми». О месте Башкортостана в многоплановой панораме России выразительно сказал В. Трубицын: «Я б ответил, когда спросили: // “Что на свете всего светлей?” // – Если солнце у нас – Россия, // То Башкирия – сноп лучей» [5]. В стихотворении «Две родины» он пишет об Оренбуржье, где родился, и о Башкирии, которую «в годы огненной метели привечен был...» [6].

Как было правильно замечено М. Г. Рахимкуловым, «русские писатели, для которых Башкортостан не является родным краем, смотрят на него глазами соседа, друга, с высоты всесоюзной (ранее) и всероссийской (ныне) каланчи. Их художественный взгляд как бы определяет место республики в многонациональной, многоязычной стране; дела и поступки её людей оцениваются с точки зрения масштабов всей России, они приобретают межнациональное значение, особую весомость» [7]. Действительно, в русской поэзии второй половины XX в. Башкортостан представлен как центр развивающейся нефтяной индустрии и сельского хозяйства. Например, в стихотворениях «В Октябрьском» М. Дудина, «Салават и салаватцы», «Факелы» С. Смирнова, «Золотая Туймаза» В. Трубицына описывается нефтяная Башкирия, а в стихотворении «В степи за Салаватом» А. Гольдберга прославляются хлебные башкирские степи, хранящие память о Салавате.

Важное место в литературном процессе России занимает творчество русских писателей Башкортостана, в произведениях которых нашло яркое отражение поликультурное пространство края. Именно они репрезентируют республику во всем величии и красоте русскоязычному читателю страны. Патриотическая лирика присутствует практически в творчестве каждого из них. Тема отчего края разрабатывается в их произведениях многогранно и представлена в форме стихов-посвящений географическим и природным объектам Башкортостана, а также известным личностям, оставившим след в истории и культуре республики. Так, по названиям стихотворений народного поэта республики А. Филиппова можно очертить своеобразную географическую карту башкирского края: «Юмагузино», «Янаул», «Бурзян», «Туймазы», «Баллада о Стерлитамаке», «Кугарчи», «Кумертау», «В Серменево», «Мурадым» и т. д. Автор в них воспевае свою малую родину, поднимает актуальные проблемы современности. В стихотворении «Родина» (2005) он заключает: «И если б сегодня спросили, // И был бы мне выбор дан, – // Я выбрал бы снова Россию, // В ней – // Солнечный Башкортостан» [8]. О любви к родному краю говорят и названия стихотворений Р. Паля: «Волшебный край», «О земле говорю с уважением...», «Прошу вас, думайте о Родине», «Урал, Урал, мой дом, моя любовь...», «Живу среди легенд и сказок...» и т. д. Лейтмотивом его поэзии служат строки: «Здесь можно быть и сильным, и счастливым, // Но лишь с землею этой, только с ней» [9].

Многие русские авторы посвятили свои стихи столице Башкортостана – Уфе. В одноименном стихотворении В. Луговского использованы различные поэтические приемы: обращения («старый друг»), метафоры («через золотые перевалы осени»), сравнения («на сотни верст гудят, как печи, темные башкирские леса»), которые помогают читателю представить зримый образ ночного города. А известный поэт Г. Молодцов сравнивает Уфу с Жар-птицей: «Иду ночной Уфой: // Уфа теперь – // Жар птица, // Она теперь – // В неоновом огне...» [10] В своих стихах Н. Грахов о столице, с которой ему «быть вечно вместе», описывает тихие улочки Старой Уфы, где «зелень и свет, и соловьиные песни» в его сердце будут хранить память о юности [11]. В русской литературе создан многоликий образ Уфы: исторической и современной, утренней и ночной, осенней и зимней... При воссоздании облика города помимо природного лейтмотива присутствует архитектурный мотив, связанный с образами памятных сооружений. Это, в первую очередь, возвышающийся над Белой монументальный памятник национальному герою Салавату Юлаеву. Этот образ встречается в стихотворении Л. Сорокина «Уфа»: «Недаром непокорный Салават // Так хо-

рошо с пейзажем // Слилсь новым» [12]. Далее автор, воспев растущие кварталы башкирской столицы, высокие строительные краны на городских улицах, называет Уфу «уральским городом радостного Братства». А в стихотворении Т. Пономаревой «Уфа» внимание акцентируется на исторической роли батыра, оставившего неизгладимый след в жизни края: «И вынес конь в Уфе его на гору, // Чтоб виден был далеко Салават» [13]. Оптимизмом полны строки М. Юрьева из стихотворения «Уфа юбилейная»: «Уфимцы ликуют, // уфимцы смеются, // уфимцы поют! // Уфимцы танцуют, // уфимцы хохочут, // уфимцы – живут!» [14]

В пейзажной лирике открываются новые грани поэтического образа Башкортостана. Так, водные артерии республики стали объектом восхваления А. Филиппова («Ашкадар», «Иртюбяк», «Мелеузка», «Ик»), Р. Паля («Селеук», «Где ты, речка Каяла...», «Дема»), Г. Молодцова («В долине Демы – дождь», «Снова над Белым озером...»), М. Ерилина («Что Деме изменить...»), Н. Грахова («Дёма»), Г. Кацерики («Караидель») и т. д. Много стихотворений посвящено башкирским горам, среди которых можно выделить стихотворения «Ташмурун» А. Филиппова, «Гроза над Иремелью» Р. Паля, «Сарматский курган» Г. Молодцова. Природный памятник башкирского края – пещера Шулган-таш – воспет в стихах Л. Мартынова «Башкирская пещера», Н. Грахова «Шулган-таш», М. Гафурова «Шулган-тамак» и т. д.

Своеобразно репрезентируется Башкортостан в русской литературе образами исторических личностей края. Символом дружбы народов края стало имя Салавата Юлаева, чей образ присутствует в творчестве многих художников слова. Известному классику башкирской литературы М. Кариму посвящены стихи «Не цветы под ногами, а камни...» А. Филиппова, «Старик с берегов Суреня» Р. Паля, «К названьям рек...» Л. Татьяничевой, «Брату-башкиру» Л. Ошанина и т. д. Имеются посвящения Шагиту Худайбердину («Шагит»), Баязиту Бикбаю («На смерть Баязита Бикбая»), Фариту Исангулову («На смерть Фарита Исангулова»), Алле Докучаевой ("Алле Докучаевой") А. Филиппова, Мажиту Гафури ("Мажиту Гафури") В. Трубицына, Диму Даминева («Строф твоих костры») Г. Зайцева, народному поэту Назару Наджми посвящены стихи «У Назара Наджми» К. Ваншенкина, «Соседи по огню» А. Филиппова и т. д.

В целях достоверного воспроизведения инонациональной действительности в произведениях писатели часто обращаются к башкирским национально-культурным реалиям, а также сюжетам и мотивам местного фольклора. Так, стихотворение «Каз эмэхе» А. Филиппова посвящено древнему обычаю башкир: «Женщины встречаются в деревнях // На миру ощипывать гусей» [15]. Стихотворение «Предостережение» Р. Паля начинается с описания башкирского поверья о том, что змеи рождаются от злых мыслей, «которых укротить мы не умеем» [16]. Далее автор, обратившись к мифологическим образам Юхи и Аждахи, создает обобщенные человеческие образы, обличенные в маски этих коварных существ. Поэт предупреждает: «лучший друг, наставник, поводырь... он душу твою выпьет, как упырь, натешится и бросит на дорогу» [17]. В арсенале поэтических средств Р. Паля часто можно встретить образы курая, тулпара, Акбузата, кумыса и т. д. Чаще всего встречается у него образ Урала, выступающий в роли антропоморфированного хранителя героической истории народа. Он пишет: «Отчий край я открываю нынче заново, // И старик-Урал рассказывает мне, // Сколько сказочного, дивного приданого // Накопил он каждой пихте и сосне» [18]. В других же стихотворениях Урал-тау предстает свидетелем прошлого, и поэтому его название чаще всего употребляется с эпитетом «седой»: «А в предгорьях седого Урала, // Где не вычерпать звезд из ручьев, // Золотая пыльца пропитала // Даже корни дремучих лесов» [19]. В стихотворении «Уралым» поэт восхищается одноименной народной песней: «Души башкирской красота и суть!» [20] Они понятны автору без перевода, о чем он признается: «Как будто сам я – часть того народа, // Что их поет который век подряд» [21]. Удачно внедряется башкирская безэквивалентная и профессиональная лексика в поэзию А. Филиппова. К примеру, так описывается утро в ауле: «Тихий клен суру читает, // По колено в лебеде» [22]. Далее мы встречаемся с такими выражениями, как «тюбетейка кумбагыша», «положил литые локти на старинный минарет полумесяц», «пастух... на своем велосипеде восседает, как мулла», придающие особый колорит и образность произведению. Среди разного рода олицетворений Башкортостана в русской поэзии чаще встречается образ, заимствованный из фольклора, – просторные ковыльные степи, в некоторых случаях имеющий конкретизацию: «степи Салавата». Если у В. Трубицына через этот образ выражается любовь к Башкирии: «Её люблю за степи Салавата, за синие дремучие леса...» [23], то Г. Зайцев восхищается её бескрайними просторами: «Степь башкирская в дымке синей, // Я не знаю тебя красивей, // Ты, как песни башкир, вся в извилах, // Перезвонах и переливах» [24].

Создавая образ поликультурного Башкортостана, многие авторы обращаются к интернациональной теме. Особенно ярко отразилась русско-башкирская дружба в поэзии А. Филиппова. В стихотворении «Дружбе нет конца» он пишет: «Уже с четыре с половиной века // Идем мы вместе – русский и башкир» [25]. «Два героя» написаны как размышления над памятником А. Матро-

сову и М. Губайдуллину, совершившим в годы войны одинаковый подвиг: «Два героя встали на гранит – // Дети породнившихся народов» [26]. В своем стихотворении «К Башкирии» В. Денисов обращается: «...я тебе о любви // И о дружбе сплетаю рулады...// Пусть живут Пугачевы мои// И бунтуют твои Салаваты!» [27]. Л. Сорокин в стихотворении «Башкирия» пишет: «Наш край Европу с Азией спаял. // У нас одна судьба, // Одни победы, // Одно название гордое – // Урал!» [28] Р. Паль в стихотворении «Здесь горы в закате лиловые», описывая «суровый и сказочный край», замечает, что здесь «Найдутся для гостя и друга // И чай, и шипучий кумыс» [29].

Таким образом, целостный образ Башкортостана, любовно и щедро воссозданный русскими поэтами, является ярким образцом межнациональных и межкультурных связей в отечественной литературе.

Примечания

1. Башкирия в русской литературе: в 6 т. Т. 5. / сост., предисл., биогр. справки, коммент. М. Г. Рахимкулова и С. Г. Сафуанова. Уфа, 2001; Башкирия в русской литературе: в 6 т. Т. 6. / сост., предисл., биогр. справки, коммент. и библиогр. М. Г. Рахимкулова и С. Г. Сафуанова. Уфа: Китап, 2004.

2. *Кульсарина И. Г.* Межкультурный диалог в творчестве современных русских писателей Башкортостана // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 543–546; *Кульсарина И. Г.* Особенности художественной репрезентации башкирской действительности в творчестве русских писателей XX века // Актуальные вопросы университетской науки: сб. науч. тр. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. Вып. 2. С. 234–243.

3. Башкирия в русской литературе: в 6 т. Т. 6... С. 537.

4. Там же. С. 537.

5. Там же. С. 121.

6. Там же. С. 122.

7. Башкирия в русской литературе: в 6 т. Т. 5... С. 3.

8. *Филиппов А. П.* Избранное: в 2 т. Т. 2. Уфа: Китап, 2007. С. 9.

9. *Паль Р. В.* Книга судьбы. Лирика. Уфа: Китап, 1999. С. 9.

10. Башкирия в русской литературе: в 6 т. Т. 6... С. 216.

11. Там же. С. 520.

12. Башкирия в русской литературе: в 6 т. Т. 5... С. 523.

13. Там же. С. 521.

14. Голоса вещей – 2. Взгляд на уфимскую литературу: Альманах литературного объединения «УФЛИ» / сост. и ред. А. Г. Хусаинов. Уфа: Вагант, 2008. С. 178.

15. *Филиппов А. П.* Указ. соч. С. 58.

16. *Паль Р. В.* Указ. соч. С. 218.

17. Там же. С. 219.

18. Там же. С. 51.

19. Там же. С. 91.

20. Там же. С. 16.

21. Там же. С. 17.

22. *Филиппов А. П.* Указ. соч. С. 114.

23. Башкирия в русской литературе: в 6 т. Т. 6... С. 122.

24. Там же. С. 373.

25. Там же. С. 151.

26. Там же. С. 148.

27. Башкирия в русской литературе: в 6 т. Т. 6... С. 536.

28. Башкирия в русской литературе: в 6 т. Т. 5... С. 525.

29. *Паль Р. В.* Указ. соч. С. 21.

Notes

1. Bashkiriya v russkoj literature – Bashkiria in the Russian literature: in 6 vol. Vol. 5. / comp. pref., biogr. reference, comments Rahimkulov M. G. and S. G. Safuanova. Ufa. 2001; Bashkiria in the Russian literature: in 6 vol. Vol. 6. / comp., pref., biogr. reference, comments and bibliogr. Rahimkulov M. G. and S. G. Safuanova. Ufa. Kitap. 2004.

2. *Kulsarina I. G.* Mezhlukul'turnyj dialog v tvorchestve sovremennyh russkih pisatelej Bashkortostana [Intercultural dialogue in the works of contemporary Russian writers of Bashkortostan] // Vestnik Bashkirkosogo universiteta – Herald of the Bashkir University. 2015, vol. 20, No. 2, pp. 543–546; *Kulsarina I. G.* Osobennosti hudozhestvennoj reprezentacii bashkirkoskoj dejstvitel'nosti v tvorchestve russkih pisatelej XX veka [Peculiarities of the Bashkir artistic representation of reality in the works of Russian writers of the XX century] // Aktual'nye voprosy universitetskogo nauki: sb. nauch. tr.– Actual problems of university science: collection of scientific works. Ufa: Editorial–publishing center of BashSU. 2016. Is. 2. Pp. 234–243.

3. Bashkiriya v russkoj literature – Bashkiria in the Russian literature: in 6 vol. Vol. 6... P. 537.

4. Ibid. P. 537.

5. Ibid. P. 121.

6. Ibid. P. 122.

7. Bashkiriya v russkoj literature – Bashkiria in the Russian literature: in 6 vol. Vol. 5... P. 3.

8. Filippov A. P. Izbrannoe [Selected works: in 2 vol. Vol. 2]. Ufa. Kitap. 2007. P. 9.
9. Pal' R. V. Kniga sud'by. Lirika [The Book of fate. Lyrics]. Ufa. Kitap. 1999. P. 9.
10. Bashkiriya v russskoj literature – Bashkiria in the Russian literature: in 6 vol. Vol. 6... P. 216.
11. Ibid. P. 520.
12. Bashkiriya v russskoj literature – Bashkiria in the Russian literature: in 6 vol. Vol. 5... P. 523.
13. Ibid. P. 521.
14. Golosa veshchej – 2. Vzglyad na ufimskuyu literaturu: Al'manah literaturnogo ob"edineniya «UFLI» – The voices of things – 2. Look at the Ufa literature: Anthology of the literary association "UFLI" / comp. and edited by A. G. Khusainov. Ufa. Vagant. 2008. P. 178.
15. Filippov A. P. Op. cit. P. 58.
16. Pal' R. V. Op. cit. p. 218.
17. Ibid. P. 219.
18. Ibid. P. 51.
19. Ibid. P. 91.
20. Ibid. P. 16.
21. Ibid. P. 17.
22. Filippov A. P. Op. cit. P.114.
23. Bashkiriya v russskoj literature – Bashkiria in the Russian literature: in 6 vol. Vol. 6... P. 122.
24. Ibid. P. 373.
25. Ibid. P. 151.
26. Ibid. P. 148.
27. Bashkiriya v russskoj literature – Bashkiria in the Russian literature: in 6 vol. Vol. 6... P. 536.
28. Bashkiriya v russskoj literature – Bashkiria in the Russian literature: in 6 vol. Vol. 5... P. 525.
29. Pal' R. V. Op. cit. P.21.

УДК 81-112:394.012

З. В. Асадов

К вопросу о патерналистских отношениях в Древней Руси

В статье впервые на материалах древнерусских летописей исследуются патерналистские отношения в древнерусском обществе в связи с постепенной нейтрализацией оппозиции «свои – чужие» и появлением новой социальной категории «свои чужие». Выявляются основные причины нейтрализации контрастности и развития патерналистского принципа управления государством как результат коллинеарного развития древнерусского общества. В статье раскрываются также основные мотивы неприязни жителей Руси к тюркским племенам. Различные иммиграционные и военно-политические процессы, языческие и религиозные представления, учения «отцов церкви» и т. п. еще в те времена могли порождать вражду, нетерпимость, ксенофобию. Отмечается, что каждая этнокультура имела свою номинативную базу, отражающую представление о «чужих», об этнических различиях своего времени. Исследование показало, что мировидение древнего «русина» являет собой своеобразный пример социально-общественной стратификации общества исторически переходного типа, когда «чужое» становится «своим».

In the article for the first time on the materials of Old Russian chronicles the paternalistic relations in Old Russian society are investigated in connection with the gradual neutralization of opposition "our own people – the strangers" and the emergence of new social category "our own strangers". The main reasons for neutralization of contrast and development of the paternalistic principle of government as a result of co-linear development of Old Russian society are established. In article also main motives of hostility of residents of Russia to Turkic tribes reveal. Various immigration and military-political processes, pagan and religious representations, doctrines of "fathers of church", etc. could generate hostility, intolerance, xenophobia still in those days. It is noted that each ethnoculture had the nominative base reflecting idea of "strangers", of ethnic distinctions of the time. The research has shown that the vision of the world of ancient "Russinian" is a peculiar example of social and public stratification of society of historically transitional type when "someone else's" becomes "the own".

Ключевые слова: патерналистские отношения, коллинеарность общества, «свои поганые», образ «чужого», древнерусские летописи.

Keywords: paternalistic relations, collinearity of society, "the own pagan", the image of "the stranger", Old Russian chronicles.

Теория патернализма давно практикуется учеными для объяснения концепций развития

государства и общества. Еще со времен Конфуция суть данной теории заключалась в том, что государство уподоблялось семье, а глава государства – главе семейства. Иначе говоря, принцип управления государством (в частности, когда речь идет об управлении захваченных силой земель) должен строиться на основе уважения младших к старшему, на основе уважения и преданности подданных главе государства. В контексте бинарных отношений «свои» и «чужие» относительно русско-тюркских отношений в XI–XIII вв. патернализм приобретает более четко выраженную окраску: Русь на протяжении почти трех веков находилась в патерналистских отношениях, была подчинена тюрко-монгольской империи чингизидов. Как же развивалось древнерусское общество в контексте патерналистских отношений и коллинеарного развития общества? Ведь при коллинеарном развитии общества социальные отношения между «своими» и «чужими» строились не по иерархической модели, а на основе патерналистских отношений, т. е. на отношениях, «смягчающих» конфликт между «своими» и «чужими» [см.: 1].

Рассмотрим некоторые детали.

Как известно, первые письменные сведения о «чужих» Русь узнала благодаря византийским и греко-римским текстам, а также библейским мифам. Сведения о «чужих» Русь получала также на основе собственного опыта: Древняя Русь на протяжении веков соседствовала с народами различной этнокультуры, среди которых были и тюркоязычные племена, о которых она знала не понаслышке. Сильное влияние религиозных догм и византийских первоучителей, с одной стороны, и языческих представлений мифического характера – с другой, привели к тому, что к «чужим» относились очень настороженно. Ср., например, характеристику соседних с русами славянских племен Нестором: «...а Древлане живаху звѣриньскимъ шбразомъ. Жиоуще скотьски. Оубиваху другъ друга. ядаху вса нечисто. и брака оу нихъ не бѣ иваше. но оумъкиваху оу воды дѣца. ...и Радимичи и Ватичи. и Сѣверь. шдинъ шбъчаи имаху. живаху в лѣсѣ. якоже [и] всакии звѣрь. ядуще все нечисто [и] срамословье в нихъ предъ штъци. и предъ. снохами. [и] браци не бываху въ них. и игрища межю селы. схожахуса. на игрища на пласанье. и на вса бѣсовская игрища. и ту оумъкаху жены собѣ. с неуже кто съвѣщашеса. имаху же по двѣ и по три жены. [и] аще кто оумраше твораху тръзно надъ нимъ» [2]. К «чужим» из дальних стран Русь также относится настороженно, видя в их обычаях и нравах зверство и неприязнь. Так, «халдеи», «вавилонны», «британцы», «гилийцы», «индийцы» и др. «заморския народы» «... мѣри поимати. съ братними чадъ і блудъ дѣяти и оубивати ... и ...сквернотвораще [и] гнѣвливи и паче естества . ли нутрънѣшимъ странѣ ихъ члвкъ ядуще и странствующихъ оубиваху. паче же ядаты яко пси...» [3]

Обыденные представления русских под влиянием учения «отцов церкви» и языческих догм о тюрках как о «чужих» также санкционировали «право на не-сближение» с ними. Противопоставляя тюркским «обычаям» свои традиции, летописец создавал резкую грань между «своими» и «чужими». «Русская правда» прямо ставила запрет на близкие отношения с тюрками. Даже блуд с турчанкой карался очень строго. Ср. статьи из «Устава князя Ярослава по Пространной редакции Русской Правды» («из списка Основного извода I пол. XVI в.»): «Аще кто с бесерменкою или с жидовкою блуд створить, а не лишиться церкви отлучиться и христьян, а митрополиту 12 гривен» [4].

В Древней Руси о других верах приличному человеку не следовало отзываться благородно. В «Поучении» Феодосия Печерского отмечается, что автор наставляет князя Изяслава в духе неприязни к чужим верам: «Не подобаетъ же хвалити чюже веры. Аще ли хвалитъ кто чюжую веру, то обретается свою веру хуля. Аще ли начьнетъ непрестанно хвалити и свою и чюжую, то обретается таковой двоверье держа, и близъ есть ереси. Ты же, чадо, такихъ деяний блюди, ни присвои к нимъ, якоже можеша, и свою веру едину непрестанно хвали, подвизаяся въ ней добрыми делью» [5]. С приходом монголо-татар характеристика тюркоязычных племен приобретает религиозно-этнофолистическую окраску: все тюркские племена однозначно описываются как «поганья измаильтяне», «проклятыя агаряне», «оканьныи срацины». В подобных сообщениях можно наметить сильное смешение реальности с мифом: чем более далеким и неведомым был народ, тем больше о нем создавался миф, тем глубже легенды о нем входили в обыденную жизнь русинов.

Постепенное устранение мотивов неприязни к тюркским народам в результате коллинеарного развития древнерусского общества привело к появлению первых патерналистских отношений в древнерусском социуме и постепенной нейтрализации контрастности в оппозиции «свои» и «чужие» и, как результат, появлению новой социально-психологической категории «свои чужие» (в древнерусском понимании «свои поганые»). Иначе говоря, с появлением социальной категории «свои поганые» появились первые зерна патерналистских отношений в древнерусском обществе.

Каковы же были основные причины подобных изменений в обществе? Причин тому несколько. Рассмотрим некоторые из них в деталях.

1. Брачная дипломатия. Брачная дипломатия на Руси нередко выступала эффективным методом налаживания мирных отношений с «чужими». Ср. сведения о первых браках русских

князей с тюркскими женщинами: «В лѣтѣ .#5 ѿ в. [6602 (1094)] Сотвори миръ Сѣополкъ с Половци. и поя собѣ жену дщерь Тугорканю . кнѣзѣ Полвѣцкаѣ» [6]. Ср. также: браки киевского князя Владимира Мономаха с половчанкой Ефимией (1126 г.); новгородского князя Юрия Даниловича с Кончакой (1317 г.); черниговского князя Олега Святославича с дочерью половецкого хана Осолука (XII в.); переяславского князя Андрея Доброго с дочерью половецкого хана Тугоркана (1117 г.); галицкого князя Владимира Игоревича с половецкой княжной Свободой Кончаковой (XI в.) и др. Как писал Н. С. Борисов, «поскреби русского – и найдешь татарина» [7].

2. Военный союз с «чужими». Факты участия половцев в союзе с русскими против общего врага, а также участие половцев в княжеских раздорах за сферу влияния русскими землями зафиксированы почти всеми древнерусскими летописями. Ср.: «...Мономахъ с Половци иде на Шдрьскъ воюя та Чернигову. и пакъы и-Смолинъска» [8] и мн. др.

3. Толерантное отношение к пленным. Как известно, будучи по тем или иным причинам (получение ярлыков на княжение, уплата налогов, как гости или же по приказу самих каганов) в стане кагана, русские князья иногда подвергались ограблениям или же избиениям вплоть до смерти. Однако были случаи, когда хан отпускал пленных князей, упрекая своих полководцев в плохом обращении с ними. Ср.: когда хан Андар во время завоевания Литвы полонил князя Григория Протасьева и отвез его в стан кагана Мехмета, но тот «поругавъ Андара и не похвали его о томъ, и почтивъ Григория, отпусти его» [9].

Ордынский хан наряду с ярлыком на княжение мог преподнести русским князьям дорогие подарки. Подобной щедрости удивлялись и сами жители Руси, о чем говорит Троицкая летопись. Ср.: «Тое же осени (6900) месяца октября в 24 день приде из Орды от царя Тактамыша великий князь Василей, многу честь от царя прием и дары, еще же придаст ему к великому княжению и Новгород Нижний и Городец со всеми что ни есть в власти их, тако же Мещеру и Торусу. Толику же честь прия от царя, яко же ни един от прежних великих князей не прият, тако ни от которого царя. Сице удиви господь милость свою на нем, и бысть тогда радость велика в Русей земли» [10].

4. Принцип «разделяй и властвуй». «Распад Золотой Орды, начавшийся после кончины хана Джанибека в 1357 г. и принявший необратимый характер во второй четверти XV в., позволил русским князьям вернуться к политике, принятой еще в домонгольские времена. Суть ее состояла в использовании одних кочевников против других» [11]. Ярким примером служит использование на княжеской службе касимовских татар, потомков татарского хана Касима. Есть сведения, что некоторым им Василий Тёмный даже дал собственное земельное владение. Ср.: «Приехал служить к великому князю царевич Муртоза, сын казанского царя Мустофы, и дал ему князь великий Новгород на Оце съ многими волостями» [12]. Известно, что «свои поганые» были даже личной охраной князя Ивана III. Вспомним также житийное сообщение о смерти в стане татарского хана русского князя Михаила Тверского, у которого на службе было немало самих татар. И. И. Назаров отмечает, что великий князь московский Василий III выделили собственный удел брату казанского хана Мухаммед-Эмина царевичу Куйдакуле (в крещении – Пётр), женив его на своей сестре Евдокии. «Полагают, что в случае своей кончины не имевший тогда детей Василий предполагал завещать престол не кому-то из родных братьев, а именно царевичу Петру» [13].

5. Веротерпимость. Факты благородного отношения ордынских ханов к православной вере, к различиям в вероисповедании покоренных им народов постепенно изменили религиозное мировоззрение древних руссов. Древнерусские летописи отчетливо фиксируют факты строительства церквей по распоряжению тюркских ханов. Так, когда великий князь Василий в 1404 г. ехал на Мордву через татарские земли, они остановились на месте, «нарицаемем Цибирца, у святого Николы, поставилъ бо бяше церковь ту бесерменин Хази-баба» [14]. Кроме известных указаний в Великой Ясе Чингисхана о веротерпимости к покоренным народам, в летописях есть сведения о том, что гостями ханов бывали не только отдельные князья для получения ярлыков на княжение, но и русские митрополиты и архиепископы: «(6841) Того ж(е) лыта митрополитъ Феогнасть приыха в Рус(ь) на Москву, был во Ц(а)рыграде, и в Орде...» [15]; «На ту ж(е) зиму (6865) быс(тъ) в Орды Алексъи митрополитъ...» [16] и др.

6. Нейтрализация языкового барьера. Чем дольше язык «чужих» оставался неизвестным, тем труднее было сближение с ними. Когда «свои чужие» начали уживаться в древнерусском обществе, появились первые переводчики, знавшие язык степняков. Лаврентьевская летопись, например, о жителях Твери отзывается как о людях, знавших язык тюрков-кочевников: «Тиверци. яже соут толковины половецкия языци» [17]. Язык степняков знали и московские князья. Судя по источникам (переписка царя Ивана III с крымским ханом Менгли-Гиреем), царь Иван III понимал «по-татарски». При дворе именно царя Ивана III находился «татарский двор» – палац для ордынских ханов, купцов и торговцев. Заметки о своих путешествиях на тюркском языке писал также Афанасий Никитин.

Указанные факторы последовательно привели к тому, что произошла постепенная идентификация «своих» и «своих поганых», которая протекала все еще на фоне борьбы и взаимоотношений (брачные и социально-политические отношения, торговые и экономические связи) Древней Руси с кочевыми тюрками. Произошло обратное взаимоуважение: русские относились к своим подданным тюркам более уважительно. Так, когда у московского царя Василия Ивановича родился сын, в то время, когда власть тюрков над Русью намного ослабла, князь отправляет гонца к казанскому хану Сафа-Гирею известить его об этом: «Того же времени 7092 послалъ князь Василей Иванович всеа Русии в Казань гонца своево Михайла Сумбулова обвестити рождение сына своего великого князя Ивана к царю казанскому к Сафа-Кирею. И царь Михаила пожаловал великим жалованьем и пустилъ его к царице своей» [18].

После ослабления влияния чингизидов развитие древнерусского общества протекало уже отчетливо коллинеарно, контуры патерналистских отношений начали выглядеть более отчетливо: в «поганых тюрках» видели прогрессивное зерно и постепенно их стали воспринимать как «своих». Невероятно, но «своим поганым» русская письменная культура могла посвятить и письменные памятники. Так, племяннику монголо-татарского хана Берке, известному в Ростовском княжестве христианским именем Пётр, была посвящена «Повесть о Петре, царевиче Ордынском», свидетельствующая о закулисных сторонах отношений между «своими» и «чужими». Заметим однако, что этнофолистская характеристика тюрков не совсем стерлась – их продолжали называть «своими погаными» вплоть до начала XVII в.

Наше исследование показало, что византийские и греко-римские переводные книги, а также древнейшие, языческие, родовые нравы «отцов и дедов» сильно влияли на общественное сознание Древней Руси и мешали коллинеарному развитию древнерусского общества. Потому в эпоху господства религиозных догм, с одной стороны, и языческих нравов – с другой, древнерусское общество по отношению к тюркским кочевым народам шло по пути линейного развития. Затем контуры линейной модели развития древнерусского общества приобрели отчетливый вид: частые набеги кочевых тюркских племен на Русь, активные военные конфликты, когда Русь была плацдармом борьбы тюркских племен, «поганым тюркам» склонны были приписывать резко отрицательные черты. Именно в этот период появились первые этнофолистские характеристики тюркоязычных племен. В последующие века появляются «свои поганые», выступающие наравне со «своими». С течением времени «свои поганые» входят в древнерусское общество как полноправные граждане, принимают православную веру, владеют собственными земельными участками, постепенно становятся частью «своих», тем самым ускорив в древнерусском обществе процесс перехода от линейного отношения к патерналистскому.

Примечания

1. Асадов З. В. Бинарная оппозиция «свои – чужие» в аспекте коллинеарного развития древнерусского общества // АМЕА. Nəsimi adına Dilçilik İns-tu. Dilçilik İnstitutunun əsərləri. № 1, Bakı: Elm və təhsil, 2015. S. 37–45.
2. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Троицкая летопись. Изд. 2-е. Л.: АН СССР, 1926–1928. С. 10.
3. Там же. С. 11–12.
4. Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: ЮЛ, 1984. С. 192.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 1. С. 292.
6. Там же. С. 158.
7. Борисов Н. С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М.: Мол. гв., 2004. С. 291.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 1. С. 159.
9. Суздальская летопись по Академическому списку. Изд. 2-е. Л.: АН СССР, 1928. С. 364.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 1. С. 143.
11. Борисов Н. С. Указ. соч. С. 288.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 1. С. 279.
13. Назаров И. И. Тюрко-татарские элементы в языке древних памятников русской письменности // Ученые записки Казанского гос. пед. ин-та. Вып. 15. Казань, 1958. С. 143.
14. Суздальская летопись по Академическому списку. С. 152.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 1. С. 111.
16. Там же. С. 120.
17. Там же. С. 443.
18. Там же. С. 444.

Notes

1. Asadov Z. V. Binarnaia oppozitsiia “svoi – chuzhie” v aspekte ko-linearnogo razvitiia drevnerusskogo obshchestva // АМЕА. Nəsimi adına Dilçilik İns-tu. Dilçilik İnstitutunun əsərləri. № 1, Bakı: Elm və təhsil, 2015. S. 37–45.

2. Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 1. Lavrent'evskaia letopis'. Troitskaia letopis'. Izd. 2-e. L.: AN SSSR, 1926–1928. S. 10.
3. Ibid. S. 11–12.
4. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi. M.: IuL, 1984. S. 192.
5. Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 1. S. 292.
6. Ibid. S. 158.
7. Borisov N. S. Povsednevnaia zhizn' srednevekovoi Rusi nakanune kontsa sveta. M.: Molodaia gvardiia, 2004. S. 291.
8. Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 1. S. 159.
9. Suzdal'skaia letopis' po Akademicheskomu spisku. Izd. 2-e. L.: AN SSSR, 1928. S. 364.
10. Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 1. S. 143.
11. Borisov N. S. Ukaz. rab. S. 288.
12. Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 1. S. 279.
13. Nazarov I. I. Tiurko-tatarskie elementy v iazyke drevnikh pamiatnikov russkoi pis'mennosti // Uchenye zapiski Kazanskogo gos. ped. ins-ta. Vyp. 15. Kazan', 1958. S. 143.
14. Suzdal'skaia letopis' po Akademicheskomu spisku. S. 152.
15. Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 1. S. 111.
16. Ibid. S. 120.
17. Ibid. S. 443.
18. Ibid. S. 444.

УДК 821.111

А. И. Черемисина

Мужские архетипы в романах Дж. Макдональда «Фантастес» и «Лилит»

Целью работы является анализ архетипов Юноши, Героя, Отца, представленных в художественных образах, на материале романов Дж. Макдональда «Фантастес» и «Лилит». В работе использованы историко-литературный и сравнительно-типологический методы исследования. Рассмотрены характерные черты архетипов Юноши и Героя в их реализации в образах протагонистов романов. Отмечена связь мужских архетипов с женскими. Проанализирован архетип Отца, воплощённый в образе христианского Бога. Сделан вывод о том, что протагонисты исследуемых романов претерпевают смену архетипических ролей в процессе пути индивидуации: Юноша становится Героем. Такое преобразование в мифопоэтическом мире Дж. Макдональда имеет этический подтекст. Для реализации своей религиозно-философской концепции автор использует архетип Отца. Нравственное взросление связывается с развитием христианского мировоззрения. Дж. Макдональд использует архетипы, наделяя их этическим, религиозным, философским содержанием, соответствующим авторской мифопоэтической модели мира.

The goal of the research is to analyze the archetypes of the Puer, the Hero, the Father represented in the literary figures of G. MacDonald's novels "Phantastes" and "Lilith". Historical-literary and comparative-typological methods are used in the research. The features of the Puer and the Hero archetypes in their realization in the protagonists' figures have been considered. The connection between male and female archetypes has been pointed out. The Father archetype embodied in the figure of the Christian God has been analyzed. The conclusion was made, that the protagonists of the novels undergo the change of archetypal roles in the process of individuation path: the Puer becomes the Hero. This transformation in G. MacDonald's mythopoetic world has ethical interpretation. The author uses the Father archetype for the realization of his religious-philosophical conception. Moral maturation is connected with the cultivation of the Christian worldview. G. MacDonald uses archetypes giving them ethical, religious, philosophical content corresponding to the author's mythopoetic model of the world.

Ключевые слова: Джордж Макдональд, архетип, мифопоэтика.

Keywords: George MacDonald, archetype, mythopoetics.

Джордж Макдональд – шотландский писатель и проповедник XIX в. Его романы «Фантастес» (1858) и «Лилит» (1895) обладают общностью тематики и проблематики, сходством сюжета, системы образов, формы повествования, философско-эстетическим единством. В каждом из романов главным героем является юноша, который попадает в иной мир, проходит череду испытаний и возвращается, обогащённый важным духовным опытом. Данные произведения насыщены традиционными мифологическими образами, мотивами, архетипами, которые в процессе автор-

ского переосмысления становятся базой мифотворчества Дж. Макдональда. В рамках исследования мифопоэтики указанных романов рассмотрим мужские архетипы, воплощённые в художественных образах. Под архетипами мы понимаем фундаментальные первообразы, имеющие общечеловеческий смысл, врожденные универсальные модели, запечатленные в коллективном бессознательном. Архетипы проявляются в мифологии, религии, искусстве. В современной психоаналитике выделяют следующие мужские архетипы: Юноша, Герой, Отец, Мудрый Старец [1]. В подсознании человека на определённом этапе жизни может преобладать тот или иной архетип как модель поведения. Смена архетипических ролей связана с процессом индивидуации, становлением самосознания.

Протагонисты исследуемых романов Анодос («Фантастес») и Вейн («Лилит») – юноши, которым недавно исполнился 21 год. Их родителей уже нет в живых, и, достигнув совершеннолетия, герои готовятся вступить в права наследства родовым именем. В образах Анодоса и Вейна воплощаются все ключевые черты архетипа Юноши (Вечного Юноши, *Puer Aeternus*), выделенные юнгианским аналитиком Марией-Луизой фон Франц [2]: мечтательность, сентиментальность (герои часто плачут от избытка эмоций), бегство от обыденной жизни (герои отправляются в путешествие по иному миру), энергичность, интерес к приключениям (герои с любопытством исследуют другой мир), свободолюбие, необязательность (герои нарушают запреты), асоциальность (Вейн предпочитает чтение книги обществу её автора). Юноша как архетипическая фигура – это незрелый мальчик-мужчина, ребёнок в душе, который инфантильно следует своим чувствам, избегая ответственности.

В исследуемых романах подчеркиваются феминные черты архетипического Юноши, которые можно выделить в контексте оппозиции «мужское – женское», характерной для художественного мира Дж. Макдональда. В романе «Фантастес» мужчины и мальчики, живущие в Волшебной стране, отличаются рациональностью и прагматичностью: они не верят в таинственных существ и смеются над женскими «сказками». Женщины и девочки, в свою очередь, обладают глубокой интуицией и чувствительностью, позволяющей им видеть волшебных обитателей леса. Подобное гендерное разграничение черт характера соответствует оппозиции Логоса и Эроса как мужского и женского начал в концепции К. Г. Юнга. Юноши Анодос и Вейн наделены способностью видеть волшебных существ, они обладают такими феминными чертами, как интуиция, чувствительность, эмоциональность, нежность.

Архетип Юноши тесно связан с архетипом Матери: Юноша ещё не нашёл баланс между зависимостью и автономией от Матери, он боится боли разобщения. В анализируемых романах архетип Матери воплощается в образах древней старухи (Великой Матери), женщин-помощниц, «Матушки Природы». Материнские фигуры заботятся о главном герое, кормят его и дают ночлег, называя при этом малышом, дитём, сынком, мальчиком. Они рассказывают об особенностях иного мира и предупреждают об опасностях. Герои чувствуют сильную привязанность к материнским персонажам. Так, Анодос говорит о приютившей его старухе: «Мне казалось, что другая, великая и богатая душа нежно поддерживает, обнимает, окутывает мою душу всей своей полнотой и щедростью. Мне чудилось, что она может дать мне все, чего я когда-либо желал, что мне уже никогда не захочется расстаться с ней, что я был бы счастлив вечно слушать ее песни и есть ее похлебку день за днем, сколько бы ни прошло лет» [3]. Затем Мать отправляет Юношу в дорогу с напутствием совершить достойный поступок, поскольку задача архетипической Матери – отпустить дитя в мир. Юноша тяжело переживает расставание, не хочет уходить, но в итоге подчиняется воле Матери.

Другой аспект связи архетипа Юноши с архетипом Матери выражается в мифологическом образе умирающего и воскресающего божества. Вечным Юношей («*Puer Aeternus*») древнеримский поэт Овидий в «Метаморфозах» называет молодого бога, которого отождествляют с Дионисом и Эросом. Дионис как бог вегетационного цикла связан с богинями плодородия Деметрой, Персефой, Кибелой, воплощающими архетип Великой Матери. Кроме того, Дионис выводит свою мать Семелу из подземного царства. Здесь можно провести параллель с романом «Фантастес». Имя главного героя Анодос в переводе с греческого значит 'восхождение': анодосом называлось цикличное весеннее возвращение богинь земли. По мнению исследователя Ф. Сото, роль Анодоса в структуре романа состоит в выведении на свет богинь ежегодного обновления земли (Кибелы, Персефоны, Эвридики, Изиды), которые воплощаются в женских персонажах [4]. С развитием патриархального общества меняется роль мужской фигуры в мифе о вечном возвращении богини плодородия: со временем богиню из подземного царства выводит не сын, а возлюбленный (например, в мифе об Орфее и Эвридике). В исследуемых романах Дж. Макдональда роль протагониста также меняется: то он ведёт себя как сын, то как возлюбленный. Подобное поведение связано со сменой архетипических ролей: с отделением от Матери Юноша преображается в Героя. Смена архетипических ролей возможна только через боль инициации.

Архетип Героя К. Г. Юнг отождествляет с развивающимся сознанием человека [5]. Чтобы повзреть, необходимо выполнить опасную задачу: спуститься в «подземный мир» – в область бессознательного. Архетип Героя проявляется в героических мифах, которые с психоаналитической позиции наиболее полно исследованы Джозефом Кэмпбеллом в работе «Тысячеликий Герой» [6]. Странствия и подвиги героя отражают процесс индивидуации – становления и развития личности. Главные подвиги Героя – победа над чудовищами, олицетворяющими бессознательные комплексы, и добывание волшебной царевны, воплощающей женское начало. Итогом процесса индивидуации является становление Самости – изначальной потенциальной целостности личности. По Дж. Кэмпбеллу, центральным блоком мономифа является формула обряда перехода: исход – инициация – возвращение. Мифологический Герой отправляется из обыденного мира в сверхъестественный, где встречается с волшебными силами и совершает подвиги, получает важный духовный опыт и возвращается, способный поделиться своими знаниями с соплеменниками. Как можно заметить, сюжет романов Дж. Макдональда «Фантастес» и «Лилит» разворачивается по схеме героического мифа.

Протагонисты исследуемых романов, оказавшись в ином мире, сталкиваются с проблемой самоидентификации. Например, Вейн даже не может вспомнить собственное имя. Ворон, проводник Вейна, говорит, что в человеке живут разные ипостаси, которые проявляются в его поведении, но всех их нужно привести в согласие и гармонию [7]. Герои переживают внутренний конфликт: они осознают свои пороки (гордыню, тщеславие, зависть и т. д.) и пытаются от них избавиться. В романе «Фантастес» человеческие пороки изображаются в архетипическом образе Тени, преследующей Анодоса, а в романе «Лилит» – в образах подземных чудовищ. Согласно Дж. Кэмпбеллу, стадия инициации, то есть испытаний Героя, представляет собой «процесс разложения, преодоления или преобразования инфантильных образов нашего собственного прошлого» [8]. Но герои Дж. Макдональда не только борются с «теневыми» сторонами собственной души. Анодос и Вейн мечтают совершить «нечто стоящее». Они разочаровываются в прежнем умозрительном образе жизни и ставят себе задачу принести пользу другим людям. Протагонисты понимают героизм в этическом аспекте – как служение людям, готовность к самопожертвованию. По К. Г. Юнгу, «герой всегда олицетворяет собой самое высокое и самое сильное стремление» [9]. Инициация через борьбу с собственными пороками и через подвиги ради блага других людей способствует преобразованию архетипического Юноши в Героя.

Важным этапом инициации Героя, по Дж. Кэмпбеллу, является битва с чудовищем или выполнение опасного задания. В исследуемых романах герои претерпевают ряд поражений, прежде чем совершить достойный подвиг. В романе «Фантастес» Анодос в своих поступках ориентируется на рыцаря, с которым знакомится в Волшебной стране. В образе этого рыцаря воплощается идеальный Герой, которым хочет стать протагонист. Рыцарь совершает подвиги и добивается взаимной любви Прекрасной Дамы – Мраморной Девы, о которой мечтает Анодос. Только после того как Анодос меняет архетипическую роль пассивно наблюдающего Юноши на роль активно действующего Героя, он становится соратником рыцаря. Анодос совершает подвиг – вместе с двумя названными братьями побеждает великанов и освобождает пленников. Битва и тщательная подготовка к ней имеют отсылку к обряду инициации. Но, возгордившись победой, Анодос попадает в плен к собственной Тени, олицетворяющей пороки героя. Анодоса спасает женщина, прошедшая путь страданий. Очистившись смирением, герой избавляется от Тени и присоединяется к рыцарю. В финале Анодосу удается совершить подвиг – победить чудовище, а именно – убить волка и тем самым спасти обреченных на гибель. Анодос погибает и только в смерти обретает духовную гармонию. В романе «Лилит» Вейн поначалу упускает шанс совершить подвиг – помочь беззащитным Малышам избавиться от гнета великанов. Будучи в архетипической роли Юноши, он только размышляет о судьбе детей, но ничего не предпринимает и вскоре бросает их ради поиска приключений. В архетипической роли Героя Вейн начинает действовать: он пытается воссоединить Малышей с их родителями. Однако, поддавшись собственному тщеславию и упрямству, Вейн ведёт детей в военный поход, который заканчивается гибелью девочки Лоны. Осознав свою ошибку, герой глубоко раскаивается. В финале Вейну удается совершить подвиг – выполнить опасное задание, а именно закопать магический артефакт и тем самым возродить мир. Так же, как и Анодос, только в смерти Вейн обретает духовную гармонию.

Следующим этапом инициации Героя как архетипической фигуры является добывание волшебной царевны (встреча с богиней). В анализируемых романах фигура богини – это архетип Вечной Женственности, воплощённый в образах Мраморной Девы («Фантастес») и Лилит («Лилит»). Это тип прекрасной, роковой женщины, гордой царевны. В архетипической роли Юноши протагонист испытывает «собственническое чувство» к царевне, поскольку он помог ей пробудиться от сна-смерти. Так, Анодос пытается овладеть Мраморной Девой, а Вейн старается прива-

зять к себе Лилит. В архетипической роли Героя чувства протагониста возвышаются до чистой, духовной, платонической любви. Так, Анодос смиряется с тем, что Мраморная Дева предпочла ему идеального рыцаря, – он замечает, что его любовь стала ещё сильнее. Вейн надеется, что любовь Бога спасёт Лилит. Дж. Кэмпбелл отмечает диалектику мужского восприятия образа богини: «Несовершенный взор низводит ее до низшего состояния... но взор понимания восстанавливает ее в ее величии» [10]. Чувство протагонистов развивается от юношеского стремления к обладанию до героической духовной любви.

Дальнейшим этапом инициации Героя, по Дж. Кэмпбеллу, является «примирение с Отцом». Архетип Отца, согласно К. Г. Юнгу, является всеобъемлющим образом Бога, это «аустор и авторитет, а потому закон и государство» [11], он имеет детопорождающую направленность. Архетип Отца тесно связан с архетипом Мудрого Старца, который воплощает знание, мудрость, дух, спокойствие. Его отличает магическая внутренняя сила, руководящая человеком и поддерживающая его во внутренней борьбе. Мудрого Старца рассматривают как производную от архетипического Отца [12]. В религиозно-философской концепции Дж. Макдональда архетипы Отца и Мудрого Старца воплощаются в христианском Боге. Бог – это идеальный Отец, Отец отцов. Предназначение человека состоит в духовном взрослении, самосовершенствовании, чтобы стать истинным сыном Бога и вернуться «домой», к Отцу [13]. Путь героев Дж. Макдональда – это путь не только к самопознанию, но и к Богу, и лежит он через символическую смерть, то есть инициацию. В романе «Лилит» образ христианского Бога присутствует непосредственно: к Нему возвращаются все герои после сна-смерти. В романе «Фантастес» нет образа Бога как такового, но герой чувствует, что кто-то незримый направляет его и заботится о нём. Дж. Кэмпбелл замечает, что примирение архетипического Героя с Отцом требует отрешения от привязанности к Эго [14]. Так, Вейн узнаёт, что отращивание к себе «часто становится первым шагом на пути домой, в объятия отца, где блудный сын наконец-то забывает о том самом “я”, которое так ему противно» [15]. Вейн как архетипический Герой стремится вернуться, приблизиться к Отцу (Богу), чтобы обрести понимание божественной истины и любви.

Путь испытаний как процесс индивидуации формирует самосознание архетипического Героя. Ему открываются как тайны человеческой души, так и тайны мироздания. Герой осознаёт мир как единство материнского и отцовского начал, времени и вечности. Каждый из протагонистов исследуемых романов, находясь в символическом состоянии сна-смерти, ощущает материнскую энергию природы, притом Вейн предполагает, что находится «в сердце Самого Бога» [16]. Кроме того, Анодос ранее замечает в образе идеального рыцаря как мужские, так и женские (материнские) черты. Также герои обогащаются знанием о человеческой душе. Процесс духовного совершенствования осознаётся ими как цикл смертей и возрождений самости, внутреннего «я». Герои понимают значение абсолютной любви как средства приближения к другой человеческой душе и Богу. У них формируется представление о подсознании. Анодос замечает: «В человеческом существе... есть то, что глубже и сильнее этого “я”, и однажды оно непременно поднимется из неведомых глубин души» [17]. Вейн переживает своё духовное странствие как сон, возникший в глубине подсознания, куда был привнесён свыше. Вернувшись в повседневный мир, архетипический Герой задумывается о том, как обогатить полученным духовным опытом земную жизнь. Например, Анодос размышляет, как исправить свои прежние ошибки, помочь братьям и «сделать мир ярче и светлей» [18].

Таким образом, протагонисты романов Дж. Макдональда «Фантастес» и «Лилит» претерпевают смену архетипических ролей в процессе пути индивидуации: Юноша становится Героем. Такое преобразование в мифопоэтическом мире Дж. Макдональда имеет этический подтекст: путь духовного развития человека идёт через борьбу с собственными пороками и самоотверженное служение людям. Для реализации своей религиозно-философской концепции Дж. Макдональд вводит архетип Отца, воплощённый в образе христианского Бога. Стремление к единению с Отцом становится стимулом духовного совершенствования Героя. Нравственное взросление связывается с развитием христианского мировоззрения. Дж. Макдональд использует архетипы, наделяя их этическим, религиозным, философским содержанием, соответствующим авторской мифопоэтической модели мира.

Примечания

1. Самохвалов В. П. Психоналитический словарь и работа с символами сновидений и фантазий. Симферополь: СОНАТ, 1999.
2. Франц М.-Л. Вечный юноша. Puer Aeternus. М.: Изд-во «Класс», 2009.
3. Макдональд Дж. Фантастес / пер. с англ. О. Лукмановой. Н. Новгород: Агапе, 2005. С. 153.

4. Soto F. Chthonic Aspects of MacDonald's *Phantastes*: From the Rising of the Goddess to the Anodos of Anodos // North Wind. 2000. № 19. P. 19–49.
5. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Академ. проект, 2007.
6. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: АСТ, 1997.
7. Макдональд Дж. Лилит / пер. с англ. О. Лукмановой. Н. Новгород: Агапе, 2004. С. 38.
8. Кэмпбелл Дж. Указ. соч. С. 64.
9. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Академ. проект, 2007. С. 40.
10. Кэмпбелл Дж. Указ. соч. С. 72.
11. Юнг К. Г. Указ. соч. С. 33.
12. Зеленский В. В. Базовый курс аналитической психологии. М.: Когито-Центр, 2004.
13. MacDonald G. Unspoken Sermons. Hazleton, PA: The Electronic Classic Series Publication, 2012.
14. Кэмпбелл Дж. Указ. соч. С. 78.
15. Макдональд Дж. Лилит... С. 253.
16. Там же. С. 287.
17. Макдональд Дж. Фантастес... С. 190.
18. Там же. С. 210.

Notes

1. Samohvalov V. P. Psihoanaliticheskiy slovar' i rabota s simbolami snovidenij i fantazij [Psychoanalytic dictionary and work with symbols, dreams and fantasies]. Simferopol. SONAT. 1999.
2. Franz M.-L. Vechnyj yunoshka. Puer Aeternus [Eternal youth. Puer Aeternus]. М. "Mir Uranii".
3. MacDonald George. *Fantastes* [Fantastic] / transl. from English. O. Lukmanova. N. Novgorod. Agape. 2005. P. 153.
4. Soto F. Chthonic Aspects of MacDonald's *Phantastes*: From the Rising of the Goddess to the Anodos of Anodos // North Wind. 2000. № 19. Pp. 19–49.
5. Jung C. G. Problemy dushi nashego vremeni [Problems of soul of our time]. М. Academic project. 2007.
6. Campbell John. Tysyachelikij geroj [Thousand-faced hero]. М. AST. 1997.
7. MacDonald George Lilit [Lilith] / transl. from English O. Lukmanova. N. Novgorod. Agape. 2004. P. 38.
8. Campbell John. Tysyachelikij geroj [Thousand-faced hero]. М. AST. 1997. P. 64.
9. Jung C. G. [Problems of soul of our time]. М. Academic project. 2007. P. 40.
10. Campbell John. Tysyachelikij geroj [Thousand-faced hero]. М. AST. 1997. P. 72.
11. Jung C. G. Problemy dushi nashego vremeni [Problems of soul of our time]. М. Academic project. 2007. P. 33.
12. Zelensky V. V. Bazovyy kurs analiticheskoy psihologii [Basic course of analytical psychology]. М. Kogito-Centr. 2004.
13. MacDonald G. Unspoken Sermons. Hazleton, PA: The Electronic Classic Series Publication, 2012.
14. Campbell John. Tysyachelikij geroj [Thousand-faced hero]. М. AST. 1997. P. 78.
15. MacDonald George Lilit [Lilith] / transl. from English O. Lukmanova. N. Novgorod. Agape. 2004. P. 253.
16. Ibid. P. 287.
17. MacDonald George *Fantastes* [Fantastic] / transl. from English O. Lukmanova. N. Novgorod. Agape. 2005. P. 190.
18. Ibid. P. 210.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АСАДОВ Захир Вахид оглу – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры современного русского языка, Бакинский славянский университет. AZ 1144, Республика Азербайджан, г. Баку, Бинагадинский р-н, ул. Университетская, 1.

E-mail: zahir1975@rambler.ru

БОГРОВА Ксения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Владимирский государственный университет. 600021, г. Владимир, ул. Никитская, 1.

E-mail: kmbogrova@mail.ru

ВАНЮШЕВА Ксения Викторовна – младший научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.

E-mail: vankusu@inbox.ru

ДОВГИЛЕНКО Глеб Анатольевич – аспирант кафедры европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. 190000, Санкт-Петербург, Большой пр-т. П.С., 18а.

E-mail: dovghilenko.ur@gmail.com

ЖИЛИНА Юлия Сергеевна – аспирант кафедры романо-германской филологии, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: zhilina.juli@gmail.com

КАЛИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории и политических наук, ВятГУ. 610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, каб. 214.

E-mail: leperse@yandex.ru

КАЛИНИНА Дарья Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: kalininadarja@mail.ru

КУЛЬСАРИНА Ирена Галинуровна – доцент кафедры русской и сопоставительной филологии, Башкирский государственный университет. 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

E-mail: kulsarina-bgu@yandex.ru

МАЛАХОВ Александр Сергеевич – доцент кафедры русского языка, Владимирский государственный университет. 610021, г. Владимир, ул. Никитская, 1.

E-mail: aleksander.malahov@gmail.com

МАШКОВЦЕВА Виктория Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: wikma116@rambler.ru

МОСУНОВА Людмила Александровна – доктор психологических наук, профессор кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: Lmosunova@hotmail.com

ПШИБИЕВА Милана Альбековна – аспирант кафедры романских языков, Кабардино-Балкарский государственный университет. Кабардино-Балкарская Республика, с. Нартан, ул. Ленина, 271.

E-mail: milana.pshibieva@yandex.ru

РОСИНА Марина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: marina_rosina@mail.ru

САДАКОВ Денис Андреевич – аспирант кафедры всеобщей истории и политических наук, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: rstk2005@gmail.com

СКУГАРЕВА Елена Витальевна – аспирант кафедры английской филологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 192007, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, 275.
E-mail: skugareva.alena@yandex.ru

ТУН Хуэй – аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: 13934452428@163.com

ЧЕРЕМИСИНА Анна Ивановна – аспирант кафедры зарубежной литературы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37.
E-mail: trina_des@mail.ru

ШЕБЗУХОВА Дисана Борисовна – аспирант кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, Пятигорский государственный университет. 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, ауд. 227.
E-mail: disana.schebzuhova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ASADOV Zaheer Vahid oghlu – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, doctoral candidate of Department of modern Russian language, Baku Slavic University. 1 Universitetskaya str., Sabail district, Baku, AZ 1144, Republic of Azerbaijan.

E-mail: zahir1975@rambler.ru

BOGROVA Ksenia Mikhailovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Russian language Department, Vladimir State University. 1 Nikitskaya str, 600021, Vladimir.

E-mail: kmbogrova@mail.ru

VANYUSHEVA Kseniya Viktorovna – junior researcher, Udmurt Institute of history, language and literature of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences. 4 Lomonosov str., 426004, Izhevsk.

E-mail: vankusu@inbox.ru

DOVGILENKO Gleb Anatolievich – postgraduate student of the Department of European researches at St. Petersburg State University. 18A Bolshoy Ave. of Petrograd side, 190000, Saint-Petersburg.

E-mail: dovghilenko.ur@gmail.com

ZHILINA Yuliya Sergeevna – postgraduate student of the Department of Roman and Germanic Philology, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: zhilina.juli@gmail.com

KALININ Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of historical Sciences, Associate Professor, senior researcher of Department of General history and political science, Vyatgu. 610002, Kirov, Lenin's street, 111, office. 214.

E-mail: leipse@yandex.ru

KALININA Darya Aleksandrovna – Candidate of historical Sciences, docent of Department of theory and history of State and law, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: kalininadarja@mail.ru

KULSARINA Irena Valinurova – Associate Professor of Russian and comparative Philology, Bashkir State University. 450076, Ufa, street Zaki Validi, 32.

E-mail: kulsarina-bgu@yandex.ru

MALAKHOV Aleksandr Sergeevich – Associate Professor of Russian language Department, Vladimir State University. 610021, Vladimir, street Nikitsky, 1.

E-mail: aleksander.malahov@gmail.com

MASHKOVTSOVA Viktoria Vyacheslavovna – Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian history, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: wikma116@rambler.ru

MOSUNOVA Lyudmila Aleksandrovna – doctor of psychological Sciences, Professor, Department of journalism and integrated communications, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: Lmosunova@hotmail.com

PSIBIEVA Milana Albekovna – postgraduate student of the Department of romance languages, Kabardino-Balkarian State University. Kabardino-Balkaria, Nartan S., Lenina street, 271.

E-mail: milana.pshibieva@yandex.ru

ROSINA Marina Anatolievna – Candidate of historical Sciences, Associate Professor of the Department of General history and political science, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: marina_rosina@mail.ru

SADAKOV Denis Andreevich – postgraduate student of the Department of General history and political science, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: rstk2005@gmail.com

SKUGAREVA Elena Vital'evna – postgraduate student, Department of English Philology, Russian State Pedagogical University n.a. A. I. Herzen. 275 Ligovsky Ave., 192007, Saint-Petersburg.
E-mail: skugareva.alena@yandex.ru

Tong Hui – postgraduate student, Department of Russian language, culture, language and teaching methodology, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: 13934452428@163.com

CHEREMISINA Anna Ivanovna – postgraduate student of the Department of foreign literature, Nizhny Novgorod State University n.a. N. Lobachevsky. 37 B. Pokrovskaya str., 603000, g. N. Novgorod.
E-mail: trina_des@mail.ru

SHEBZUKHOVA Disana Borisovna – postgraduate student of the Department of experimental linguistics and intercultural competence, Pyatigorsk State University. Room 227, 9 Kalinin str., 357532, Pyatigorsk.
E-mail: disana.schebzuhova@yandex.ru

Вестник Вятского государственного гуманитарного университета

Научный журнал № 9 (2016)

Подписано в печать 30.09.2016 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,5. Тираж 1000. Заказ № 110.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36